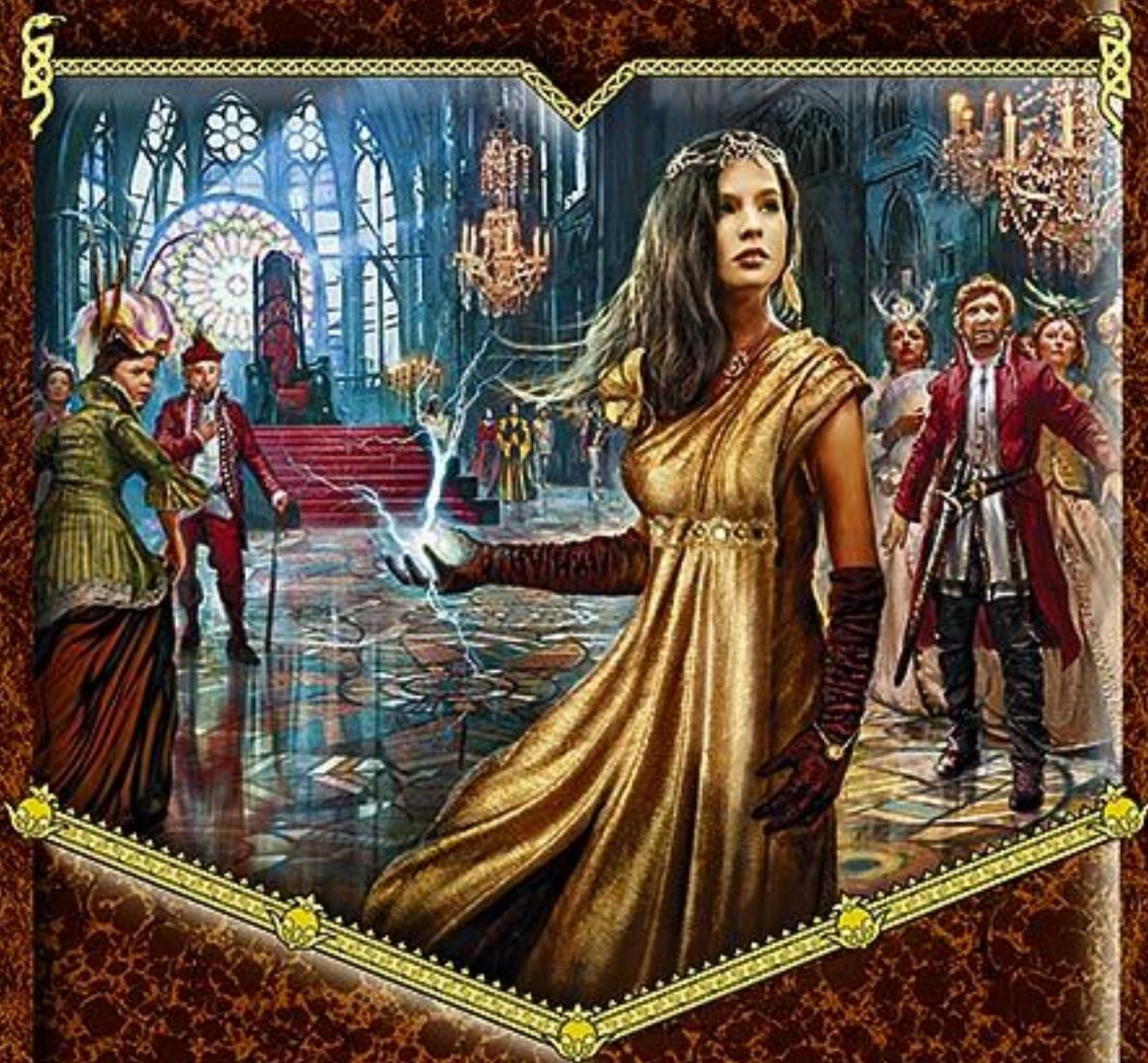

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ольга КУНО

ГОЛОС
МОЕЙ ДУШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Ольга Александровна Куно

Голос моей души

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9520485

Голос моей души: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-9922-1913-5

Аннотация

Что делать, если вас оклеветали, лишили титула и посадили в тюрьму, а ваша сокамерница оказалась призраком, да к тому же весьма острым на язык? Конечно же бежать! А призрак поможет. Предупредит об опасности, укажет дорогу и поддержит веселой болтовней в трудную минуту. Остается перебраться за границу, начать жизнь с чистого листа и надеяться, что рано или поздно призраку удастся возвратиться в собственное тело и обернуться молодой привлекательной женщиной. А уж тогда берегитесь, обидчики!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	65
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ольга Куно

Голос моей души

Глава 1

*Я вижу небо разве только во сне,
Что с энных пор неудивительно даже:
Я этой участи достоин вполне –
Ведь таково, признайтесь, мнение ваше!*

Канцлер Гу. Bagerlee Blues

В тюрьме все было как всегда – тихо, темно и пусто. Единственным источником освещения являлся одинокий факел, догоравший в дальнем конце коридора. Его прилежно зажигали раз в сутки, даже не знаю, для чего и для кого. Когда он догорал, эта часть тюрьмы погружалась в абсолютную темноту – до истечения суток и очередного прихода стражи. Именно с такой частотой представители правопорядка посещали нижний тюремный этаж. Здесь содержались те заключенные, о существовании которых все предпочитали забыть.

Я устроилась на своем обычном месте под потолком, над головой у прикованной к стене узницы. Она стояла, вернее, фактически висела, склонив голову вниз, и уже давно не подавала признаков жизни. Поднятые вверх руки были скованы цепями, прикрепленными к проделанным в стене кольцам. Длинные пряди давно не чесанных волос свисали, закрывая лицо от посторонних взглядов, которые, впрочем, некому было устремлять в сторону заключенной. Кровоподтеки на руках давно засохли и теперь покрывали кожу темной коркой. На блузе – бурое кровавое пятно, растекшееся также и на юбку. Молодая женщина пока дышала, но совсем слабо. Я с грустью окинула ее взглядом. Долго она не протянет.

Сперва я даже не услышала звук, а скорее почувствовала легкую вибрацию в воздухе. Кто-то идет. Странно. В это время суток обхода не бывает. Или, возможно, у меня окончательно сбилось ощущение времени? При моих нынешних обстоятельствах это не мудрено.

Но нет, как вскоре оказалось, я была права. Это действительно не был регулярный обход. Просто в камеру доставили нового заключенного. Заинтересовавшись, я немного передвинулась со своего места, чтобы иметь возможность лучше рассмотреть происходящее. Видимо, узник был из непокорных. Во всяком случае, вели его двое стражников, заломив руки за спину. Еще один стражник шел впереди. Именно он открыл дверь камеры, той самой, в которой находилась и я, после чего заключенного зашвырнули внутрь. Он не удержался на ногах, зашипел и выругался, сильно приложившись плечом и рукой об пол.

Дверь захлопнулась и была сразу же закрыта на замок. Не задерживаясь, стражники зашагали прочь. На узницу бросили лишь мимолетный взгляд. Никакого изменения в ее состоянии никто уже не ожидал.

Все еще ругаясь, мужчина поднялся на ноги. Подошел к двери, потирая на ходу ушибленное плечо. Там, где он ударился наиболее сильно, был разорван рукав. Впрочем, это не слишком ухудшило состояние одежды заключенного. Рубашка, давно утратившая белый цвет, уже была разодрана в нескольких местах, к тому же у нее оторвалась пара пуговиц. Однако когда-то одежда была дорогой и весьма приличной; это и сейчас можно было определить по изящному, но перепачканному воротнику и сохранившимся пуговицам – насколько я могла судить со своего места, серебряным.

Я ожидала, что узник станет кричать стражникам вслед. Трясти решетку, угрожать, требовать, биться в истерике. Рано или поздно так делают очень многие. Почти все. Но, видимо, было не то слишком рано, не то слишком поздно. Заключенный просто мрачно смотрел туда, откуда его недавно привели. Туда, где только что исчезли из виду спины его конвоиров. Потом развернулся и со вздохом оглядел камеру. Видимо, его несколько дней продержали в каком-то другом месте, прежде чем перевести сюда. И он уже успел понять, что криками тут ничего не добьешься. Однако же и отчаяние еще не овладело им окончательно. Это видно по взгляду – напряженному, злому, тоскливому, но не потухшему. Впрочем, долго ли ему осталось? В такой глубине гаснет все, как ежедневно демонстрирует самым непонятливым одинокий чадающий факел. Может быть, его поэтому здесь и оставляют?

Узник посмотрел на прикованную к стене девушку, нахмурился, покачал головой. Больше никого не увидел.

– Привет. Добро пожаловать! – вежливо произнесла со своего места я.

Как-никак новый сосед.

Мужчина вздрогнул. Снова взглянул на девушку, понял, что она ничего сказать никак не могла, и продолжал осматривать помещение. И, что совершенно неудивительно, опять никого не обнаружил. Он уже собирался списать все на собственное воспаленное воображение, когда я заговорила снова:

– Располагайся, устраивайся поудобнее. Ничего, что я на «ты»? Обстановка, знаешь ли, не слишком располагает к формальностям.

Пока я говорила, заключенный подозрительно посмотрел на девушку, но ее губы оставались неподвижны. Тогда он поднял голову, инстинктивно понимая, что голос звучит откуда-то сверху. Теперь он смотрел точно туда, где расположилась я. Но видеть меня, ясное дело, не мог.

– Кто это говорит? – громко спросил заключенный с раздражением, какое бывает свойственно людям определенного склада, когда ситуация выходит у них из-под контроля. – Кто ты?

– Голос в твоей голове, – не удержавшись, ответила я. – Знаешь, некоторые люди, когда оказываются в тюрьме, сходят с ума. У них начинается раздвоение личности, голоса разные слышат, ну и все такое. Ладно, извини, – поспешила пойти на попятный я. – Я просто шучу. Я вовсе не нахожусь у тебя в голове. Я вполне самостоятельный голос. Так сказать, автономный.

Судя по тому, как хмурился узник, убедить его мне не удалось. Мужчина с силой потер виски и в очередной раз огляделся.

– И все-таки кто же ты такая, если не плод моего воображения? – осведомился он.

– Ну а как ты сам думаешь? – отозвалась я. – Сам посуди, кто кроме тебя сидит в этой камере?

– Насколько я могу судить, – хмурясь, ответил узник, – только она.

И он указал рукой на девушку.

– Все верно, – подтвердила я. – Больше никого здесь нет. Так что ответ прост. Я и есть она.

– То есть как?

Он все еще не понимал.

– Ну, можно сказать, что я – ее душа, – немного неуверенно объяснила я.

– Что? – в смятении переспросил узник, до сих пор не уверенный в том, что вполне нормален и весь этот разговор происходит на самом деле. – Хочешь сказать, что ты... то есть она – умерла?

– Не совсем, – подумав, возразила я. – Видишь, она дышит. Так что не умерла, а так... наполовину.

– Как такое может быть? – Он вглядывался в темноту под потолком, надеясь разглядеть там хоть что-нибудь, вернее, кого-нибудь. Но разглядеть не мог. Я была невидима для человеческого взора. – Как это с тобой произошло?

– Сама не знаю. – Это был честный ответ. – Помню, что мне было очень больно. И сильно хотелось пить, просто дико, почти до крика. Но в горле слишком пересохло, чтобы кричать. И еще я страшно хотела спать, но не могла уснуть в таком положении. А потом все-таки уснула, а может, потеряла сознание. Точно не знаю. Когда я пришла в себя, было еще хуже. И знаешь, что странно? – задумчиво произнесла я. – Казалось бы, боль, жажда и голод – все это серьезно. А я больше всего страдала от того, что не могу поменять положение. Из-за этих цепей, – уточнила я, как будто это и так было не понятно. – Казалось бы, такая ерунда... В общем, в какой-то момент мне вдруг стало очень легко. Мучения резко отступили. А потом я поняла, что уже нахожусь не там, а здесь.

Я не имела возможности показать, что имею в виду под словами «здесь» и «там», но узник понял. Тихо выругался.

– Можно я подойду? – спросил он.

Я насторожилась.

– Зачем? – Мой тон разом перестал быть дружелюбным.

– Просто посмотреть.

– Зачем? – еще более напряженно повторила я. – Здесь тебе не ярмарка.

– Не бойся. – Он догадался о причине моего беспокойства. – Я не сделаю ничего плохого. Не доверяешь?

– С какой стати я должна тебе доверять? – изумилась я. – Посмотри на нее. Посмотри! – Теперь я почти кричала. – Видишь, что с ней сделали? Думаешь, после этого у нее есть причины доверять людям?

– Нету, – признал он после короткой паузы.

И подходить ближе не стал.

– Давно это произошло? – вместо этого спросил он. – Давно ты... отделилась?

– Две недели назад. Если, конечно, я не запуталась во времени, – справедливости ради уточнила я.

– А как же ты... в смысле она... – Он раздраженно мотнул головой. – Как она ест, пьет?

– Она не ест и не пьет, – жестко ответила я. – Да ей никто ничего и не приносит. Уже давно. Больше двух недель.

– Тогда как же она может быть до сих пор жива?

– Не знаю. – Я бы развела руками, если бы могла. Но руки безвольно висели там, внизу, скованные цепями. – Наверное, что-то странное произошло, когда я покинула свое тело. Но факт остается фактом. Она дышит.

Узник кивнул, после чего отошел к решетке, туда, где через маленькое окошко над полом ему оставили кружку с водой и глиняную тарелку с кашей. Наклонился и поднял кружку.

– За что тебя так? – спросил он, повернувшись и посмотрев прямо на меня.

Видеть, конечно, не мог. Но запомнил, откуда исходит голос.

– Не помню. Наверное, пока я была там, – я посмотрела на свое тело, хоть он и не мог проследить этот взгляд, – помнила. А теперь забыла. Возможно, это как-то связано со смертью. Ну, то есть с полусмертью.

Он что-то промычал в ответ. Наверное, не поверил. Но, впрочем, мне-то какая разница? Не хочет, пусть не верит.

– А ты? Тебя за что посадили? – с любопытством спросила я.

– Да какая разница, за что? – махнул рукой узник. – Искали способ избавиться – и нашли. Нелепый, но для определенных слоев убедительный.

Договорив, он решительно направился к заключенной.

– Эй, что ты делаешь? – закричала я.

– Ничего плохого, – отозвался он, и мои дальнейшие протесты игнорировал.

Подойдя к девушке, заключенный поставил кружку на пол. Выпрямившись, посмотрел на узницу и осторожно приподнял ее голову. Локоны, точнее сказать, теперь уже космы, упали на лицо. Он аккуратно заправил их за уши. Оттянул нижнее веко. Потом приложил палец к щеке, подержал, снова отвел руку. Поднял кружку и, запрокинув голову девушки, влил немного воды ей в рот. Достал из кармана платок, намочил и провел по ее лицу. Поддержал своим телом так, чтобы она больше не висела на руках. Снова дал немного воды.

Я вдруг почувствовала, как меня что-то тянет вниз. Сопротивляться не получалось.

– Прекрати! – закричала я, полностью теряя контроль над собой. – Не надо! Я не хочу!

Перед глазами все поплыло, и я увидела непривычно близкий пол камеры. Грудь сдавило, будто под огромной тяжестью, горло горело, руки и спина сильно болели.

– Не хочу... – еле слышно прошептала я, с трудом шевеля губами.

– ...Ты меня слышишь? – донесся откуда-то издали мужской голос.

Нет, кажется, не издали, он стоит совсем рядом. Даже вплотную. Именно это дает отдых моим рукам. Я хотела ответить, что слышу. Но голос снова перестал слушаться. А спустя еще секунду мне стало легко. Отступила боль и тяжесть, а пол и мужчина снова оказались где-то внизу.

– Фух! – облегченно выдохнула я. – Больше так не делай.

Заклученный резко вскинул голову.

– Ты опять там?!

По-моему, в его голосе прозвучала укоризна.

– А ты как думал? Полагаешь, это так просто – вернуть человека к жизни? Я уже две недели в таком состоянии. Для того чтобы полноценно меня оживить, нужен хороший лекарь, специальные микстуры, нормальные условия. А здесь ничего этого нет и не будет. Так что и пытаться бессмысленно. Поэтому давай договоримся впредь обходиться без таких фокусов. Идет?

– Не обещаю.

Впрочем, сейчас он, к моему облегчению, от девушки отошел. Огляделся, подыскивая себе место, подгреб к стене побольше соломы и уселся на нее, положив руки на колени. Развернувшись, выглянул в коридор, взъерошил волосы, задумался о чем-то, время от времени принимаясь массировать себе виски. Потом лег, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Заклученный лежал практически неподвижно, только грудь вздымалась и опускалась в такт дыханию, и я уже думала, что он заснул. Но он вдруг, не поднимая век, спросил:

– А ты когда-нибудь спишь?

– Нет. У меня нет такой потребности.

Он едва заметно кивнул головой, давая понять, что принимает к сведению.

– А выйти отсюда ты можешь?

– Могу, – похвасталась я. – Без тела, конечно. Иногда я так делаю. Просачиваюсь сквозь решетку, лечу наверх и немного гуляю. Смотрю на небо. На деревья. Летаю над окрестностями. Но только недалеко.

– Почему? – спросил он, открывая глаза. – Ты не можешь уйти далеко от своего тела?

– Могу, – возразила я. – Но только... боюсь. Боюсь не найти дорогу назад. И окончательно умереть. Ты не знаешь, почему я боюсь?

Он удивился такому вопросу.

– Разве это не очевидно?

– Мне – нет. – Мне и правда было непонятно. – Почему люди цепляются за жизнь? Даже когда жизнь – такая?

Я посмотрела на себя, висящую на цепях там, внизу. Запоздало поняла, что заключенный не может видеть, куда я смотрю. Оказывается, это так неудобно – разговаривать, когда в твоём распоряжении нет ни мимики, ни жестов, ни взглядов, ни выражения лица. Только слова.

– Просто... – Мужчина нахмурился, подыскивая формулировку. – Не знаю, как сказать, – наконец развел руками он.

– Жаль, – искренне посетовала я.

На этом наш разговор закончился. Узник снова закрыл глаза и вскоре действительно уснул. В тюремной тишине я могла отчетливо слышать его ровное дыхание. Спустилась пониже и пригляделась. Ресницы чуть подрагивают. Цвет лица нездоровый, под глазами пролегли круги. Да, он точно не первый день в тюрьме. Но в линии губ пока еще сквозит упрямство. Узкий подбородок, покрытый густой щетиной, высокие скулы. Черные волосы взъерошены, и в них запутался какой-то мусор. Наверное, паутина. Я бы вытащила. Но не могу.

Наутро я решила отправиться немного погулять. Узник еще спал, и я не стала его беспокоить. Просто скользнула через решетку, пролетела по коридору и поднялась вверх по лестничной шахте. На самом деле я могла бы пролететь и сквозь стены, но передвигаться по коридорам и лестницам было привычнее. Вот только метод движения теперь совсем другой. Летать оказалось на удивление просто. Почти как во сне. Я представляла себе, что сгибаю ноги в коленях, как будто собираюсь сесть на корточки. И, приседая, поднимаюсь в воздух. А дальше могла двигаться в любом направлении по собственному желанию.

Немного проветрившись, я возвратилась в камеру. Первым делом взглянула на свое тело, убедилась, что все обстоит по-прежнему, без изменений. И только потом обратила внимание на весьма любопытную картину. Мой сокамерник уже проснулся и теперь, сняв рубашку, методично отжимался от пола. Я немного понаблюдала за тем, как перекачиваются под кожей мышцы.

– Вот это да! Такое зрелище пропадает! – громко посетовала я. – Мускулатура у тебя что надо. Даже жаль, что ни одна живая девушка не может увидеть и оценить.

– А мертвая оценить не может? – осведомился он, замирая на вытянутых руках, чтобы немного передохнуть.

– Только эстетически, – сообщила я. – В своем нынешнем состоянии я не испытываю сексуального возбуждения.

– Это радует, – кивнул он.

– Почему?

– Как-то боязно сознавать, что в одной камере с тобой находится невидимый призрак, испытывающий сексуальное возбуждение, – констатировал узник, после чего возобновил отжимания.

Больше я его не отрывала. Завершив свое занятие, он плеснул в лицо чуть-чуть воды и надел рубашку. Я неодобрительно взирала на то, как он зачерпывает из кружки жидкость и наносит влагу на лоб и щеки. Все-таки он новичок. Еще не привык экономить ресурсы.

– И какова цель этого занятия? – поинтересовалась я теперь. – Предполагаю, ты отжимался от пола не для того, чтобы усладить мой взор?

– Не для этого, – и не подумал тешить мое самолюбие узник. – Предпочитаю на всякий случай оставаться в форме. Мало ли что. Никогда не знаешь, в какой момент это пригодится.

– А-а-а, – протянула я в ответ.

Больше ничего не сказала, но, видимо, ему и без того удалось уловить в моем тоне нотку скептицизма. А может, дело было вовсе не в моем голосе, а в его собственных ощущениях. Так или иначе, узник сел на пол, уставился куда-то в стену, а потом глухо произнес:

– Я не идиот. И не сумасшедший. И отлично знаю, что никакого случая не представится и упражнения ничем мне не пригодятся. Тем, кто попал так глубоко, дорога назад заказана, ведь верно? – Он прикрыл глаза и прислонил голову к решетке. – Так что считай, что это просто дань привычке. Глупо?

– Нет, – твердо возразила я.

Когда человек, оказавшись в кругу давящих тюремных стен, разом лишается всего – свободы, денег, власти, любимых людей, знакомой обстановки, – привычки – это единственное, что остается у него от прежней жизни. Так что к ним можно и даже нужно относиться особенно бережно. Может быть, именно цепляясь за свои привычки, человек получает шанс сохранить здесь душевное здоровье.

– А что, ты привык ежедневно отжиматься? – осведомилась я.

– Нет, – отозвался заключенный. – Обычно я предпочитаю фехтование. Но меч мне здесь отчего-то не выдали. А жаль, – зло проронил он, видимо подумав о том, что был бы не против заколоть напоследок пару-тройку тюремщиков.

Я предоставила ему время сконцентрироваться на собственных мыслях, сама же спустилась пониже, чтобы получше разглядеть свое тело. И занервничала, увидев капли воды на подбородке и блузе... точнее сказать, тех лохмотьях, которые когда-то можно было назвать блузой.

– Ты опять это делал?! – с возмущением накинулась на узника я.

– Что – это? – нахмурился он. – Отжимался, что ли?

Прошло несколько секунд, прежде чем до меня дошло: парень действительно не понимает, о чем я говорю. Он же не может видеть, что я смотрю сейчас на свое тело.

– Ты снова пытался ее напоить? – Я заставила себя снизить до объяснений, борясь с высшей степенью возмущения.

– Пытался. – Узник даже и не думал отнекиваться.

– Но я же тебя просила этого не делать!

– А я ничего тебе не обещал, – спокойно ответил он.

– Слушай, тебе что, больше всех надо? – разозлилась я.

Узник передернул плечами.

– Это, знаешь ли, не то зрелище, за которым хочется наблюдать, сложа руки, – заметил он, кивая в сторону моего тела. – И потом, – в его голосе вдруг прорезались примирительные нотки, – ты же сама говорила, что не хочешь умирать. Человек не может жить без воды.

– Да не знаю я, чего хочу, – устало откликнулась я. Злость и желание препираться сразу куда-то улетучились. – Только знаю, что там, – я опять посмотрела на закованную в цепи девушку, – очень больно. Хуже, чем больно. Не знаю, как это передать.

Я замолчала, даже не пытаясь найти нужные слова.

– Прости. – Он поднял глаза к потолку, будто пытался отыскать меня взглядом. Потом опустил голову. – Сказать по правде, я здорово испугался, когда, проснувшись, позвал тебя, а ты не ответила. Думал, то ли мне все вчера примерещилось, то ли...

Он махнул рукой.

– Я гуляла, – объяснила я.

– И как там? – спросил узник подчеркнуто безразличным тоном.

– Все как обычно, – ответила я. – Сегодня облака низкие. Дождь моросит.

Он молча кивнул и опустил голову совсем низко, сосредоточенно глядя в пол. Можно было бы решить, что заключенному нет никакого дела до того, что творится снаружи. Но я видела, как окаменело его лицо.

– А вообще ты прав, – сказала я, меняя тему.

– В чем? – Узник, хмурясь, поднял голову.

– В том, что надо поддерживать себя в форме и всегда быть наготове, – пояснила я. – Кто знает? Всякое может случиться.

Он едва заметно кивнул, но, как видно, скептически отнесся к моему внезапному приливу оптимизма.

– А ты... – Он раздраженно мотнул головой. – Послушай, как мне к тебе обращаться? Что ни говори, вопрос на засыпку...

– Я не помню своего имени. Зови меня Эрта.

– Эрта?

– Ну по-древнеэндельски это означает «свеча», – пояснила я. – А по-ателлонски «эр» – это воздух. По-моему, подходящее имя для призрака. – Я поняла, что по какой-то непонятной причине оправдываюсь, и пресекла этот процесс, спросив: – А тебя как зовут?

Узник в сомнении пожевал губами, не уверенный, стоит ли отвечать на этот вопрос.

– А, что там! – махнул рукой он, вслух отвечая собственным мыслям. – Все равно это ни для кого не секрет. Андре. Андре Дельмонде.

– Что? – изумилась я. – Ты – граф Дельмонде?

– Так... – Изогнув брови в знак заинтересованности, заключенный принялся сверлить взглядом потолок, словно пытался отыскать меня и призвать к ответу. – Выходит, с твоей памятью дело обстоит не так плохо, как ты говоришь. Что-то ты все-таки помнишь.

– Конечно, что-то я помню, – фыркнула я. – Иначе мы не смогли бы с тобой разговаривать, поскольку я бы забыла значение слов. Я ничего не помню о себе, – пояснила я затем. – А в остальном по-прежнему знаю очень даже многое. Мне не нужно рассказывать, ни где мы находимся, ни какой сейчас год. И твое имя мне тоже знакомо.

– И что же ты обо мне знаешь? – осведомился Андре.

– Немного, – призналась я. И, задумавшись, стала перечислять: – Ты – граф, унаследовал титул довольно-таки давно, живешь далеко от столицы. Графство Дельмонде, если не ошибаюсь, лежит на самом севере Риннолии. Что еще? По возрасту тебе должно быть что-то около тридцати, но это и так видно...

– Двадцать семь, – уточнил он.

Я удивилась, поскольку по внешности дала бы ему скорее немного за тридцать. Но все люди выглядят по-разному, тем более, что те условия, в которых он оказался, понятно, не молодят.

– Ну вот, – сказала я вслух. – Да, и еще ты, кажется, являешься чьим-то опекуном.

– Антонию Сафэйра, – уточнил Андре. – Дочери покойного герцога Сафэйра. Да, знания у тебя вполне точные.

– А может быть, мы знакомы? – с внезапно проснувшейся надеждой спросила я. – Ты никогда меня раньше не видел?

– Нет, – покачал головой он.

– А ты присмотрись повнимательнее, – настаивала я. – Здесь же темно. Ну, и представь, что она... в несколько другом виде.

Андре снова покачал головой.

– Если бы мы были знакомы, я бы ее... тебя узнал. Нет, я уверен, что никогда раньше тебя не видел, – окончательно разочаровал меня он. – Но это неудивительно, я действительно живу далеко. И много лет не бывал в этих краях.

– Что, и в столицу не заглядывал?

Я знала, что тюрьма, в которой мы находимся, расположена за городской чертой, но при этом не слишком далеко от Катринга, столицы Риннолии.

– А что мне там делать? – Сокамерник как-то особенно болезненно поморщился. – Нет, я очень давно сюда не приезжал.

– А сейчас почему приехал?

Он сморщился еще сильнее.

– Спроси что-нибудь полегче. – Андре встал на ноги и прошелся по камере. В его движениях, откровенно резких, чувствовалась нервозность. – Приехал, потому что меня вызвали. Как я теперь понимаю, именно затем, чтобы отправить сюда.

– Расскажи, – предложила я. – Или не хочешь? Я пойму. Все равно не могу отплатить откровенностью за откровенность.

Едва заметное пренебрежительное пожатие плечами – дескать, с чего бы ему делать из этого секрет? Все равно хуже его положение уже не будет.

Андре сел на пол в углу камеры, подтянул ноги и запрокинул голову.

– Ты правильно сказала: не так давно я стал опекуном Антонии Сафэйра. Мое графство находится в землях герцога Сафэйра, ее отца. Мой замок и его дворец расположены недалеко друг от друга. Мы были с покойным герцогом в хороших отношениях, приятельских, чтобы не сказать больше. Наверное, в полноценную дружбу они не перерастали исключительно в силу разницы в возрасте. Он был старше меня на двенадцать лет. Это проявлялось в ряде вещей. Но мы общались много и к взаимному удовольствию. А кроме того, я хорошо ладил с его дочерью. Вообще, я не слишком умею общаться с детьми, обычно понятия не имею, как себя с ними вести. Но с Тони мне почему-то удавалось найти общий язык. К тому же она не маленький ребенок, а подросток, и весьма любознательный; с ней было интересно поговорить о разных вещах.

Он запустил руку в волосы и помолчал, думая, к чему переходить дальше.

– Когда герцог умер от тяжелой болезни, я прибыл на церемонию оглашения завещания исключительно в знак дружбы с покойным. Для меня явилось полнейшей неожиданностью, что он завещал мне опеку над своей дочерью. Как правило, на роль опекуна назначается ближайший родственник, в данном случае это Гастон Аделяр, дядя Тони, младший брат ее покойной матери. Я же не являюсь им родственником ни с какой стороны, и при этом разница в социальном положении у нас порядочная. И тем не менее герцог распорядился так, как считал нужным, и оспаривать это его решение никто не рискнул. Так я стал опекуном девочки. Чувства испытывал, сказать по правде, весьма двойственные. Я был рад как-то отплатить герцогу за его расположение, да и помочь Тони тоже хотел. Позабылся о том, чтобы у нее были самые лучшие учителя, чтобы она ни в чем не испытывала недостатка. Но статус опекуна, признаться, успел основательно меня вымотать. На это требовалось слишком много сил. Хитрость заключается в том, что к девочке прилагается еще и герцогство. При этом мне оно, ясное дело, не принадлежит, но вот заниматься его делами должен именно я. Был должен, – мрачно поправился он. – Знаю, многие завидовали внезапно свалившемуся на меня «счастью», но в действительности везение весьма сомнительное.

– А надо было наворовать как следует, – посоветовала задним числом я. – Приложился бы основательно к герцогской казне – и сразу ощутил бы все преимущества своего положения.

– Я не имею привычки воровать, – довольно агрессивно отрезал Андре. – Я ни в чем не нуждаюсь, а если бы даже нуждался, нашел бы способ обеспечить себя законным путем.

Сомнительный повод для гордости со стороны тюремного узника. За воровство его бы наказали куда менее сурово. Но вслух я этого говорить не стала. Вместо этого заметила:

– Как я понимаю, все это – предисловие?

– Да, – подтвердил сокамерник, отрываясь от собственных мыслей. – Я пробыл опекуном Тони чуть больше года. Недавно ей исполнилось четырнадцать. А три недели спустя я получил письмо, подписанное королем.

– Самим королем? – впечатлилась я. – И что же было в этом письме?

– Меня в срочном порядке вызывали в столицу. – Андре инстинктивно сжал руки в кулаки, так что побелели костяшки пальцев. – Для обсуждения каких-то вопросов, каса-

ющихся госпожи Сафэйра и наследования герцогского титула. Я должен был прибыть к королю на аудиенцию в качестве представителя девушки.

– А саму Антонию в столицу не вызвали? – уточнила я.

– Нет, – покачал головой Андре. – Но это-то вполне естественно. Для улаживания каких бы то ни было вопросов и формальностей всегда бывает достаточно опекуна. Так что беспокоиться тут было не из-за чего. Да и потом, даже если бы я насторожился... – Он безнадежно махнул рукой. – Кто же отказывает королю?

– А ты вполне уверен, что письмо было подписано королем?

– Да я уже ни в чем не уверен! – выпалил он, резко дернув головой. – Впрочем, какая разница? Не верю, что меня могли бы упечь сюда без ведома короля. Так что, скорее всего, и письмо было настоящее.

– Логично, – согласилась я.

Граф и опекун юной герцогини? Конечно, такого человека не могут бросить за решетку без ведома его величества. А если даже и попытаются, королю доложат обо всем очень быстро.

– Значит, ты получил письмо и выехал в столицу, – подытожила рассказанное я. – Что было потом? Ты попал на аудиенцию к королю?

– Нет, – с горьким смешком ответил он. – Меня взяли на въезде в город. Специально поджидали, это очевидно. Знали, с какой стороны я приеду. Сразу же арестовали и отвезли в городскую тюрьму.

Городскую. То есть мое изначальное предположение верно: сюда он попал не сразу.

– Была возможность убежать? – уточнила я.

– Наверное, была, – морщась, признался он. – Но на тот момент я еще не понял масштабов беды. Все это казалось мне лишь досадным недоразумением. Я был раздражен, разгневан, но не более. Арест был произведен совершенно официально, соответствующим образом уполномоченными людьми. Мне и в голову не пришло устраивать у самых городских ворот резню с последующим побегом.

– Понимаю. – Это действительно было понятно, хотя, подозреваю, сейчас он клял себя на чем свет стоит за то, что поступил тогда так разумно. – Тебя отвезли в тюрьму. Но не в эту. Что было дальше? Тебе предъявили какое-нибудь обвинение?

Андре тихонько рассмеялся, только веселья в этом смехе не было ни капли.

– О да, предъявили, и еще какое! – энергично заверил он, после чего вмиг посерьезнел. – Меня обвинили в том, что я совратил Антонию Сафэйра. Воспользовавшись своим положением и ее зависимостью. Изнасиловал ее, а потом долго и методично развращал всевозможными способами. – На месте он не усидел, вскочил на ноги, прошел по камере несколько шагов и, остановившись, устался в стену. – Честно говоря, я целиком обвинение не читал. Я только начал и... В общем, у меня задрожали руки и потемнело в глазах, – нехотя признался он. – Так что я разорвал бумагу, не вникая в подробности. Успел только понять, что человек, составлявший документ, обладает чрезвычайно богатым воображением. И описывает все так, будто по меньшей мере держал свечу.

– Ясно. И что потом?

– Мне предъявили обвинение. Когда я поинтересовался, почему меня предварительно даже не допросили, ответили, что в этом не было нужды. Дело и так предельно ясное. Приговор – пожизненное заключение в Мигдальской тюрьме. На следующий день после его оглашения меня перевели сюда. Вот, собственно, и все.

Андре глубоко вздохнул и, повернувшись, облокотился о решетку.

– Ты не находишь это занятным? – задумчиво проговорила я.

Андре поднял голову, непонимающе глядя перед собой. Ничего занятного он в своей истории не находил.

– Мигдаль известен как тюрьма для политических заключенных, – пояснила я. – Отсюда особые условия, изоляция, специальный отбор стражников. А тебя вдруг берут и сажают сюда за изнасилование!

– Согласен, неувязка, – подтвердил сокамерник. – Однако уверен, в случае надобности у них найдется объяснение этой странности. Официально тюрьма не только для политических, к тому же в другой могло просто не оказаться свободной камеры.

– Угу, – скептически хмыкнула я. – Давай тогда так... Судя по твоим интонациям, никаких реальных оснований у твоего обвинения нет?

– Да как ты смеешь?! – вскинулся он.

– А что? – равнодушно отозвалась я. – Хочешь меня за это ударить?

Он дернул головой, как от пощечины. И более спокойно пробурчал:

– Не было никаких оснований. Я, конечно, не монах и не ангел во плоти, но предпочитаю иметь дело со взрослыми женщинами, а не с детьми.

– Но, может быть, у людей появился повод тебя заподозрить? Может быть, девочка сама что-нибудь наболтала? У подростков бывает богатая фантазия и к тому же весьма своеобразное представление о романтике.

– Она нормальная, адекватная, умная девушка, – отрезал Андре, ясно давая понять, что продолжать дискутировать на эту тему не собирается. – И ей четырнадцать, а не три.

– В таком случае, может быть, пищу для слухов дал какой-нибудь пустяк? – продолжала прощупывать почву я. – Не знаю, ты приобнял ее в знак привязанности, а слуги поняли это превратно? Она поцеловала тебя в щеку в порыве чувств?

– Ты находишь это достаточным основанием для подозрений в изнасиловании? – мрачно фыркнул он. – Да нет, не было ничего подобного. Я всегда вел себя предельно корректно. В рамках этикета. Она тоже.

– Ну что ж, в таком случае все понятно, – удовлетворенно заключила я.

Андре вопросительно изогнул брови.

– Кажется, у меня проблемы с пониманием логического мышления призраков, – констатировал он.

– Тебя подставили, – пояснила я, умышленно проигнорировав его иронию. – Причем, вероятнее всего, поработали над этим два мало связанных между собой человека. Один – достаточно близкий к тебе. Второй – отсюда, из столицы. И высокопоставленный.

– Продолжай, – сосредоточенно кивнул Андре.

Кажется, хотел сравнить мои выводы со своими собственными.

– Ладно. Раз никаких более или менее объективных причин для обвинения нет, значит, от тебя решили избавиться, – принялась рассуждать вслух я. – Вопрос заключается в том, кому это было выгодно. Один такой человек приходит на ум сразу: дядя твоей подопечной. Ведь именно он рассчитывал стать ее опекуном и наверняка считает твое назначение страшной несправедливостью. С его точки зрения ты перебежал ему дорогу. Почему бы не отплатить тебе тем же? Как я понимаю, теперь, когда тебя лишили опекунства, контроль над герцогством переходит в его руки. Это очень весомый мотив. Так что логично предположить, что именно он настроил на тебя донос. Что скажешь, понятна тебе логика призраков?

– Пока да, – кивнул он. – Продолжай.

Судя по реакции, ничего нового я для него не открыла. Видимо, выводы совпадают. Ладно, продолжим.

– Простейшая схема донос – арест – наказание здесь бы не сработала. Ты как-никак аристократ, а не простой лавочник. Если бы жертва была из простого народа, на клязгу вообще бы внимания не обратили. Учитывая же, что речь идет о девушке, унаследовавшей герцогство, дело бы, конечно, рассмотрели. Но сделали бы это основательно, а не так, как ты рассказываешь. Допросили бы тебя, расспросили девушку, свидетелей. Если до выдвижения

обвинения вообще дошло бы дело – в чем я сомневаюсь, – то это было бы сделано в ходе законного суда. Короче говоря, ничего бы у этого кляузника не получилось, – высказала свое мнение я, – если бы не нашелся очень высоко сидящий человек, который ухватился за этот донос. У тебя есть враги в ближайшем окружении короля, среди самой верхушки?

– Нет, – вздохнул Андре, снова запуская руку в волосы.

Мой очередной вывод тоже не явился для него неожиданностью.

– Не думаю, что ты помешал кому-то как граф Дельмонде, – протянула я. – Если не ошибаюсь, графство это маленькое, провинциальное, находится далеко. Скорее всего, и тут причина в герцогстве. Кому-то здесь, в столице, ты мешал именно на месте опекуна Антонии Сафэйра. Кстати, раз ее отец был герцогом... Насколько она близка к трону?

– Близка. – Губы Андре на секунду скривились в слабом подобии усмешки. – Она – вторая наследница после дяди короля.

– М-да. Тебе не позавидуешь, – заключила я.

– Я уже догадался, – невесело отшутился сокамерник.

– Ну как, похожа логика призрака на человеческую? – поинтересовалась я.

– Похожа, – признал Андре и совсем тихо добавил: – Очень похожа. А ты неплохо разбираешься в интригах, – громче заметил он. – Любопытно, откуда у тебя такие глубокие познания?

– Не знаю, – растерянно, будто извиняясь, ответила я. – Не помню.

Глава 2

*Когда я умер, ты был так рад,
Ты думал – я не вернусь назад.
Но я пробрался однажды в щель между строк,
Я взломал этот мир, как ржавый замок.*

Канцлер Ги. Тень на стене

Обход проводился, как и всегда, в полдень. Впрочем, время имело здесь, в самых недрах цивилизованного мира, весьма условное значение. От солнечного света нас отделяло несколько этажей. Так что люди здесь спали, когда спалось, и бодрствовали, когда бодрствовало, быстро утрачивая возможность следить за временем.

Стражники, как и обычно, пришли вдвоем – один высокий и тощий, второй пониже ростом и потолще. Принесли миску с едой и кружку воды. Все это в одном экземпляре, для моего сокамерника.

Помещение ненадолго осветилось ярче обыкновенного. Один стражник нес в руке горящий факел, а второй в придачу заменил тот, что недавно потух в коридоре. Первый осветил камеру, поднеся свой факел поближе к решетке.

– Преставилась, что ли? – проговорил он, приглядываясь к моему телу. – Эй, Брен, посмотри!

Второй, закончив возиться у стены, отряхнул руки и подошел поближе.

– Да мне-то почем знать? – проворчал он, щурясь и вытягивая шею. – Может, преставилась, а может, и нет. Да не, кажется, дышит...

– Да где дышит-то? – не согласился первый.

– А что гадать? – отозвался Брен. – Ты у этого, у сокамерника ее спроси. Эй, парень, дышит она или нет? – обратился он к Андре, не дожидаясь, пока это сделает его напарник.

– Дышит, – хмуро отозвался Дельмонде, подходя к решетке. – Вы бы лучше сняли ее с цепей. Не видите, что ли, в каком она состоянии? Какого дьявола нужно так ее мучить?

– Нашелся тоже совестливый, – огрызнулся долговязый стражник. – Нечего нас тут поучать. Как приказано, так ее и содержат.

– А вообще любопытно, верно? – обратился к нему Брен. – Девчонку он за все это время так и не тронул. Хотел бы я знать почему. Может, он не по женской части? Ну а что, кто их, аристократов, разберет?

– Да ну, не факт, – горячо возразил долговязый. – Может, у мужика просто интуиция хорошо развита. Чувствует опасность, вот и не подходит.

– Ну, не знаю, – протянул первый. – Интуиция интуицией, но вот я бы на его месте, наверное, не удержался.

– Я понимаю, это чрезвычайно занимательный разговор, – голос Андре буквально дрожал от еле сдерживаемой злости, – но вам не мешает мое присутствие?

Последние слова он почти прокричал. Лицо покраснело от гнева, а руки сжались в кулаки.

– Да нет, не мешает, – вполне искренне ответил Брен, будто принял вопрос за чистую монету. А может, так оно и было. – А чем оно может нам мешать? Ты же там, а мы здесь.

И, пожимая плечами в знак непонимания, он зашагал прочь вместе с напарником. Мы с Андре снова остались одни.

Оба молчали. Я вышла из себя почище чем сокамерник, хотя все это время и не подавала голос. «Вышла из себя»... Чудесное выражение, особенно для призрака. Я давно уже вышла из себя, причем в буквальном смысле слова. Болтовня стражников напомнила мне, в каком беспомощном положении я оказалась. В случае нападения я ничего не смогу противопоставить обидчику, даже банальную и безобидную пощечину. Ну, разве что громко крикнуть в самое ухо. С другой стороны, физически я и чувствовать ничего не буду. Могу просто взять и уйти куда-нибудь... Но не уйду же.

– Эрта! – позвал Андре.

– Что? – напряженно спросила я.

– Что они имели в виду, когда говорили про интуицию? Якобы я чувствую опасность...

– Не знаю. – Я ответила охотно, благодарная за то, что из всего сказанного стражниками сокамерник сконцентрировался только на этом. – Может быть, я опасная преступница? Нет, кроме шуток, – продолжила я, видя скептическое выражение его лица. – Ты ведь ничего обо мне не знаешь. И я о себе – тоже. Кто, собственно, сказал, что я – невинная жертва? Вполне возможно, что я заслужила все то, что со мной произошло. Может, я убивала детей? Или заманивала в ловушку наивных девушек, а потом продавала их в дома свиданий?

Выражение лица Андре оставалось таким же скептическим, как и прежде.

– В таком случае эти ублюдки не решили бы, что ты представляешь опасность для меня, – напомнил он. – Я, если ты не заметила, не ребенок и не наивная девушка.

– Ладно, – согласилась я, прикидывая, какие такие преступления могла совершить, чтобы прослыть грозой взрослых и не наивных мужчин. – Тогда, может быть, я – серийный убийца? Маньячка, ненавидящая мужчин? Отравительница?

– А ты сама как думаешь? – спросил Андре, вытягиваясь на соломе. В голосе слышалась легкая насмешка. – Способна ты на преступление? На убийство?

– Трудный вопрос, – честно ответила я. – Откуда мне знать, на что я была способна тогда? И вообще, какой я была... при жизни? Насколько я отличаюсь сейчас от себя прошлой? Скажем откровенно: я могла быть абсолютно кем угодно. Хоть герцогиней, хоть дояркой, хоть сводней, хоть убийцей.

– Ну а как тебе представляется сейчас? – продолжал гнуть свою линию Андре. – Способна ты на убийство? Я не о возможности, а... в силу характера?

Я задумалась вполне серьезно, словно речь не шла о чисто теоретическом разговоре.

– Думаю, что способна, – заключила наконец. – Не для удовольствия, конечно, и не из-за ерунды. Но если бы возникла такая необходимость... Да, подозреваю, что способна, – снова сказала я.

– Понимаю, – кивнул он, кажется, без неодобрения. – И тем не менее хочу напомнить тебе твои собственные слова. Эта тюрьма – не для криминальных элементов, а для политических заключенных. Особенно нижние этажи. Так что твоя романтическая история про маньячку-мужененавистницу очень маловероятна.

– Ты находишь это романтичным? – хмыкнула я. – Неудивительно, что ты не женат.

– Я как-то никогда к этому не стремился, – откликнулся Андре. И мрачно закончил: – А больше этот вопрос актуальным не станет.

– Тише! – сказала вдруг я, прислушиваясь к звукам, которые пока еще не могли достичь ушей живого человека.

– В чем дело? – Нахмурившись, Андре резко принял сидячее положение.

– Сюда идут.

– Ты уверена?

– Да. Ну, если только они не собираются пройти мимо. Несколько человек... Трое или четверо.

Их оказалось трое. Те же стражники, что и в прошлый раз, и с ними человек, которому мы, собственно, и были обязаны этим внеплановым визитом. Высокий, худой брюнет с орлиным носом, чуть тонковатыми губами, сжатыми сейчас, словно в знак недовольства, и темными глазами, смотревшими на окружающих пронзительно и одновременно с легким налетом презрения. Одет он был с иголки, в идеально выглаженный черный камзол с золотым шитьем по краям, белую рубашку и черные брюки, будто явился на бал, а не в тюрьму.

Я настороженно застыла на своем привычном месте под потолком, над собственной головой, и старалась никак не проявлять свое присутствие. Да, я уже успела выяснить, что могу контролировать, кто именно услышит мою речь. Могу говорить так, чтобы слышали все присутствующие. Могу – так, чтобы слышал только Андре. И тем не менее сейчас я боялась пошевелиться. Ибо отлично понимала, что брюнет в черном костюме – это, возможно, единственный человек, который способен меня вычислить.

И еще: я точно знала, что он пришел сюда из-за меня. Хочет посмотреть, жива я до сих пор или уже нет. Я очень отчетливо помнила, как этот самый человек приходил сюда вскоре после того, как я – по-своему – умерла. Он был одет очень похоже, точно так же, с иголки, умудряясь выглядеть одновременно франтовато и по-деловому, только в темно-синий сюртук. Брюнет вошел в камеру, сопровождаемый одним из стражников, державшим факел. Подошел ко мне очень близко, почти вплотную, и стал осматривать, сперва визуально, потом магически. Заставил стражника поднять мне голову – тот был испуган и пытался отказаться, но одного лишь намека на недовольство во взгляде брюнета оказалось достаточно, чтобы заставить его подчиниться, – оттянул мое веко, потом отошел на один шаг и принялся водить руками, что-то проверяя при помощи магии.

– Она мертва, – произнес он наконец, отступая еще на пару шагов.

В его голосе слышалось удовлетворение, а во взгляде смешалась такая гамма чувств, что я не рискнула бы полноценно ее охарактеризовать. Здесь и злорадство, и облегчение, и восторг, и одновременно разочарование. Ненависть и презрение вперемешку с уважением и, кажется, даже желанием. Будто он всеми силами добивался именно такого итога, но втайне надеялся, что я не сдамся так быстро. Вот только он не знает, что я еще не сдалась.

– Но, господин алыт Ратгор, – нерешительно проговорил стражник, – она же дышит.

Он тут же опустил глаза и весь напрягся, осознав, что совершил непозволительное: вступил в спор со знатным вельможей, к тому же еще и магом. Но тот остался равнодушным к данному нарушению субординации. Не исключено, что ему даже была приятна предоставленная возможность высказать свою оценку ситуации вслух.

– Дышит, ну так что? – холодно отозвался маг. – Бывает. И тем не менее ее душа покинула тело, это абсолютно точно. Тело еще немного поживет по инерции. Такой эффект дала защита. Но это уже не важно. Она теперь все равно что растение, которое по-своему живо, но лишено разума и чувств. Пройдет какое-то время, и тело умрет.

– Как прикажете действовать до тех пор? – осторожно и с должной почтительностью осведомился второй стражник, тот, что оставался у двери камеры.

– Никак. – Алыт Ратгор небрежно повел плечом. – Держите ее, как держали. Когда ее сердце перестанет биться, известите меня. Вот и все.

– Следует ли давать ей еду и воду? – спросил первый стражник.

Маг взглянул на него удивленно и одновременно пренебрежительно, как на ненормального.

– Разумеется, нет, – фыркнул он.

Алыт Ратгор бросил на меня последний взгляд, потом развернулся и ушел, сопровождаемый старающимися всячески угодить ему стражниками. А я осталась на своем месте, над головой безжизненно висящего на цепях тела, и мстительно думала, глядя ему вслед: «Ты слишком рано радуешься, маг. Не знаю, что связывало нас с тобой в прошлом, но ты

ошибся. Я еще жива. Даже растения способны порой чувствовать. Даже камни. А я не камень и не растение и все еще способна мыслить и испытывать эмоции. Когда-нибудь и тебя настигнет в этой жизни неприятный сюрприз».

В этот раз он снова вошел в камеру. Один стражник, обнажив меч из соображений безопасности, встал между посетителем и Андре, другой освещал помещение. Повинуясь жесту мага, последний приблизился к моему телу и поднял факел повыше. Альт Ратгор внимательно на меня посмотрел. Видимо, ничего для себя нового или неожиданного не обнаружил. Коротко кивнул своим мыслям. Потом обернулся к Андре.

– Ты замечал что-нибудь необычное за то время, что здесь сидишь? – спросил он.

Андре, давно уже поднявшийся на ноги, удивленно изогнул брови.

– Не припомню, чтобы мы пили на брудершафт, – с вызовом заявил он.

Стражник приготовился нанести удар, Андре – ответить, хотя ничем хорошим это для него закончиться не могло. Но маг едва заметно отрицательно повел головой, заставляя охранника остановиться.

– Прошу прощения. – Насмешка в его голосе если и была, то едва заметная. – Итак, не обратили ли вы внимание на что-нибудь необычное? Изменение в ее состоянии? Какие-либо странные явления?

Я напряженно следила за разговором. Сейчас сердце должно было бы забиться так часто, чтобы заглушить своим отдающим в ушах стуком все прочие звуки. Вот только у меня – нынешней – не было сердца.

Андре безразлично пожал плечами.

– Никаких изменений не заметил. Она все время выглядит так же, как сейчас. А странности... Странно, что она до сих пор дышит, учитывая, что ей не дают ни еды, ни питья.

Альт Ратгор пристально посмотрел на него, потом коротко кивнул.

– Что ж, благодарю за помощь.

Утратив к нам всякий интерес, маг вышел из камеры. Стражники поспешили за ним.

Я подождала, пока стихнет звук шагов. Потом, ни слова не говоря, вылетела из камеры и устремилась вслед за магом. Удостоверилась в том, что он поднялся на несколько этажей и действительно выходит из тюрьмы, и с чувством облегчения вернулась назад.

– Спасибо! – сказала я сокамернику, привычно пристроившись под потолком.

– За что? – поднял голову Андре.

– Ты меня не выдал.

– С какой стати мне было это делать? – удивился он.

– Да мало ли. Кто я тебе, в сущности? Не жена, не невеста, не сестра. Совершенно посторонний призрак. Ты мог бы попытаться выторговать для себя какие-нибудь поблажки в награду за ценную информацию.

– Неужели? И какие? – с фальшивым воодушевлением поинтересовался Андре. – Вроде лишнего куска хлеба в придачу к здешней каше?

– Ты не успел как следует наголодаться, – хмуро усмехнулась я. – Со временем поймешь, что лишний кусок хлеба в день – это тоже совсем не мало.

– Может, ты и права, – равнодушно отозвался сокамерник. – Но я не собираюсь пресмыкаться перед кем бы то ни было ради этого хлеба. Тем более сдавать своих таким, как Йорам альт Ратгор.

– А разве призрак может быть своим? – поинтересовалась я.

– А почему нет? – откликнулся Андре. – Лучше скажи, почему считаешь информацию, которой я располагаю, настолько для него ценной.

– Не знаю, – в отчаянии ответила я, сбившись со счета, в который раз за последнее время произношу эти слова. – Но почему-то для него это важно. Он меня ненавидит. И ждет

моей окончательной смерти. Хоть и считает, что фактически меня уже нет. И, наверное, он где-то прав.

– Спорный вопрос, – возразил сокамерник. – Любопытно, почему твоя судьба так для него важна. Не думаю, что глава магического ведомства Риннолии многих посещает в тюрьме.

– Не знаю, – только и могла повторить я. – А ты бы в следующий раз поостерегся провоцировать этих скотов. Они ведь ударят безоружного мечом и не дрогнут. Да и потом им ничего не будет, учитывая социальный статус таких, как мы с тобой.

– В общем-то ты права, – поморщился Андре. – Но иногда мне кажется, что так даже лучше. Не думаю, что меня долго продержат здесь в живых. Не уверен, конечно, но... вероятность три к двум, что мне рано или поздно устроят какой-нибудь несчастный случай. Погиб во время драки. Редко ли такое бывает в тюрьме? А если так, уж лучше я буду бороться в этот момент. А не подставлю кинжалу спину.

– Понимаю, – согласилась я. И, немного подумав, добавила: – Знаешь, если тебя действительно убьют... Попробуй меня подождать. Не думаю, что я задержусь здесь еще надолго. Пойдем дальше вместе. Ты не против?

Андре очень серьезно посмотрел под потолок, как раз туда, где я находилась.

– Нет, – ответил он, – не против.

За ним пришли через два дня. Снова стражники, снова в нестандартное время. На этот раз трое. Прежде чем вывести его из камеры, на руки надели кандалы.

– Ну вот, кажется, и оно, – тихо сказал Андре, повернувшись к стене. Вроде бы как бормотал себе под нос, но я-то знала, что он обращается ко мне. И подлетела совсем близко, чтобы все слышать. – Если не вернусь, то прощай. И... держись. Ты же не так просто выжила.

Стражник, не церемонясь, схватил его за плечо и толкнул к выходу.

– Я пойду с тобой! – решительно заявила я.

Ясное дело, охрана меня слышать не могла.

Я вылетела из камеры сквозь решетку и последовала за ними. Мы прошли по коридору, потом поднялись на два лестничных пролета. Дальше снова был коридор, гораздо лучше освещенный, чем наш. Я видела, как Андре шурится с непривычки. Потом его ввели в какую-то комнату. Двое стражников остались снаружи. Тяжелую, толстенную дверь сразу же закрыли. Я попыталась просочиться внутрь, но не тут-то было. Как будто натыкаюсь на стену. Причем не на ту, каменную, которую мне ничего не стоит преодолеть, а невидимую. Магическую. За время своего призрачного существования я столкнулась с подобным впервые. Впрочем, не так уж и много я перемещалась в качестве призрака. Так или иначе, меня эта оболочка не пропускала. Я облетела камеру со всех сторон. Даже попробовала проникнуть туда сквозь потолок. Не вышло. Поэтому я осталась ждать снаружи, вместе с не подозревающими о моем присутствии стражниками. А вскоре из-за двери послышались крики.

Звук был приглушенный, на грани слышимости, но я отлично понимала: для того, чтобы он проник в коридор из хорошо изолированной комнаты, кричать должны громко. Сомнений касательно того, кто именно кричит, тоже было мало. Я вдруг пожалела о том, что не могу заткнуть уши. Но стоило мне об этом подумать, как пришло понимание: даже если бы такая возможность была, я все равно бы этого не сделала. В конце концов, спрятать голову в песок мне легче легкого и сейчас: вернулась в камеру, и все, никакой слышимости. Но я оставалась здесь, у самой двери, над головами привычно сучающих стражников, и металась из стороны в сторону до самого конца.

Сколько прошло времени, не знаю, я вообще плохо его ощущала теперь, когда стала призраком. Полчаса, сорок минут, час? Не могу сказать наверняка. Крики наконец стихли. Спустя еще какое-то время дверь приоткрылась, стражников позвали внутрь. Я попыталась

проскользнуть в помещение вместе с ними, но натолкнулась все на ту же незримую стену. Впрочем, ждать уже оставалось недолго. Стражники почти сразу же вышли обратно в коридор. Андре несли на руках. Он был без сознания. Рубашка порвана еще в нескольких местах, лицо перепачкано текущей из носа кровью. Кандалы сняли. На запястьях и щиколотках – следы от врезавшихся в кожу веревок. Я подлетела к самым его губам, чуть-чуть приоткрытым. Прислушалась. Дышит.

Его протащили вниз по лестнице, поволокли по коридору и забросили в камеру, как тяжелый и неудобный предмет. И ушли, сетуя на то, что кровь перепачкала им рукава и неизвестно, легко ли отстирается пятно. А у одного из стражников стиркой занимается дома теща, и она страшно сварливая...

Андре так и лежал на полу, как его бросили, не шевелясь и не подавая признаков жизни. Если бы я могла, вытащила бы его подвернувшуюся под бок руку, вытерла бы с лица кровь. Ну вот, мрачно подумалось мне, поотжимался? Поддержал физическую форму?

– Андре! – позвала я.

Никакой реакции. Я решила немного подождать. Нервничая, принялась метаться из угла в угол. Бессмысленное занятие. Дань памяти о прошлой жизни. Сейчас оно не занимает времени и совсем не расходует силы. Стоит мне подумать о том, чтобы переместиться к противоположной стене камеры, и я уже там. Так что от волнения это не отвлекает и ни в малейшей степени не помогает.

Вскоре я снова позвала Андре. Он даже не шевельнулся. Занервничав еще сильнее, я позвала громче. Опять и опять. Неужели умер? Запытать человека до смерти в этих застенках палачу ничего не стоит, явление нередкое. А почему я, собственно говоря, так переживаю? Я ведь и сама уже умерла.

– Андре! – что есть мочи заорала я.

Подлетела к нему совсем близко, пытаюсь определить, дышит или нет. Я чувствовала себя как никогда беспомощной, не имея возможности ни потормозить его, ни дать воды, ни похлопать по щекам.

– Андре! – снова закричала я, на этот раз в самое ухо.

– У меня сейчас лопнут барабанные перепонки, – проговорил он, с трудом ворочая языком.

И лишь после этого открыл глаза.

– Черт бы тебя побрал! – в сердцах ругнулась я, испытывая чувство огромного облегчения. – Что же тогда не отзывался? Я уж подумала, что ты умер.

– Никогда не думал, что скажу это призраку, – пробормотал Андре, переворачиваясь в более удобное положение, – но ты и мертвого поднимешь.

Он застонал от боли, которую причинили ему движения, и снова прикрыл глаза.

– Только не вздумай сейчас заснуть! – рявкнула я.

Андре поморщился, не поднимая век.

– Не бойся, в ближайшее время мне это точно не грозит. Только, ради бога, говори потише. Если я оглохну, как мы будем с тобой общаться?

Поскольку эмоции отражались на громкости моей речи, а их по-прежнему было хоть отбавляй, я на всякий случай отлетела от него подальше.

– Скажи, Эрта... – Андре облизал пересохшие губы и сильно поморщился, ощутив вкус обильно залившей лицо крови. – Ты была там со мной?

– Нет, прости, – глухо ответила я. – Я хотела, но вокруг той комнаты стоит плотная магическая завеса. Я не смогла через нее пройти, даже в открытую дверь.

– Тем лучше, – удовлетворенно кивнул сокамерник.

Ах вот оно что. Отчего-то мне сразу не пришло это в голову. Сильные мужчины ненавидят, когда их видят в минуту слабости.

– Ты что-нибудь слышала? – спросил Андре, снова хмурясь.

– Нет, – соврала я. – Наверное, там стоит защита от прослушивания.

Едва заметное движение головой, заменившее кивок. Теперь он позволил себе расслабиться. Было бы из-за чего напрягаться на фоне того, что он пережил, но... Характер есть характер.

– Меня там не было, но я догадываюсь, что произошло, – осторожно сказала я. – Что им было нужно? Они пытались вытянуть из тебя какую-то информацию?

Андре сильнее зажмурил и без того закрытые глаза, сжал губы и покачал головой.

– Они не задали ни одного вопроса, – хрипло ответил он. – Там даже не было дознавателя, только охрана и палач. Не представляю себе, чего они добиваются.

Я, кажется, представляла. Но, может быть, не стоило говорить об этом прямо сейчас.

– Знаешь, – проговорил Андре после продолжительного молчания, – я очень тебе благодарен. – Он открыл глаза и уставился в потолок. – Только благодаря тебе я понимаю, что еще не сошел с ума. Ну разве не бред? – добавил он со смешком. – Я говорю это, обращаясь к голосу, который звучит под потолком!

Я хихикнула. Андре снова усмехнулся. Я рассмеялась. Его плечи затряслись. Вскоре мы оба хохотали в голос.

– А это еще что?!

В голосе возникшего в коридоре стражника звучала высшая степень изумления. Ну да, конечно, обычное время обхода. А мы даже не обратили внимания на их приближение.

– Чего это он?

Стражник в полнейшем недоумении обращался к своему напарнику.

– Наверное, после пыток умом тронулся, – неуверенно пожал плечами тот. – После первого раза такое редко бывает. Но случается.

– Понял? Ты умом тронулся! – пуще прежнего развеселилась я. Мой голос по-прежнему никто, кроме Андре, не слышал. – А говоришь, не сошел с ума!

Сокамерник снова расхохотался, заставив стражников вздрогнуть и понимающе переглядываться. Теперь в их взглядах отчетливо читался поставленный заключенному диагноз.

Как и обычно, заменив опустевшие миску с кружкой на новые, они удалились, обсуждая состояние узника.

– А знаешь, этим следует воспользоваться, – сказала я, отсмеявшись.

– Чем именно? – не понял Андре.

– Их собственным выводом, – объяснила я. – Стражники подали неплохую идею. Рассуди сам, – теперь мой голос стал предельно серьезным, – зачем тебя сегодня уводили? Они хотят тебя сломать. Тем, кому ты помешал, мало того, что они упрятали тебя сюда. Однако они предпочитают не брать на себя убийство. Все-таки ты опекун герцогини. Поэтому они пытаются сделать так, чтобы ты вроде бы и жил, но все равно что умер. Потерял рассудок. Утратил человеческий облик. Перестал быть даже потенциальным противником. Так покажи им, что именно это и произошло. Пусть думают, что ты сошел с ума. Тогда они оставят тебя в покое.

– Хм...

Андре с трудом приподнялся, схватившись за решетку, и дотянулся до кружки. Стал жадно глотать воду. Я испугалась, что он сейчас выпьет все, а потом будет мучиться от жажды целые сутки. Даже стало не по себе. Я-то знаю, что это такое – жажда. Останавливать его я все же не решилась, но он и сам перестал, выпив примерно половину кружки.

– Думаешь, они на это купятся? – с сомнением спросил Андре.

– Они уже купились, – оптимистично заметила я. – Нужно добавить совсем немного подтверждений – и дело сделано.

– И что ты предлагаешь? – нахмурился он. – Изображать из себя волка? С пеной у рта утверждать, что я – пророк? Сказать по правде, артист из меня так себе.

– А ты и не играй, – посоветовала я. – Просто нормально общайся.

– С кем?

– Со мной, разумеется, – весело сказала я.

Стражники вернулись двумя часами позже, и вместе с ними пришел тщедушный человек лет сорока. У него была аккуратная аристократическая борода, призванная придать солидности, но как-то совсем нелепо смотревшаяся на фоне мелких черт и угодливого выражения его лица. Это был тюремный врач, которого привели для проверки заключенного и определения диагноза.

– Тридцать минус девять! – приступила я, едва визитеры приблизились к двери камеры.

– Здравствуйте, господин Дельмонде, – вежливо обратился к Андре врач.

– Двадцать один, разумеется! – ответил мне Андре.

– Что, простите? – не понял врач.

– Два умножить на восемь? – продолжала я.

– Шестнадцать! – проявил математические познания заключенный.

– Господин Дельмонде, вы меня слышите? – снова обратился к нему врач. – Меня зовут Ренуар Галон, я тюремный доктор.

– Двадцать четыре разделить на три, – заявила я, не дожидаясь окончания этой тирады.

– Что? – нахмурился Андре, которому оказалось сложно слушать нас с врачом одновременно. – Вы мне мешаете! – обратился он к Галону. – Я прохожу экзамен!

– Какой экзамен? – заинтересовался врач.

– По математике, – сообщил Андре.

– Двадцать четыре разделить на три, – лениво повторила я, растягивая слова.

– Восемь, – торжественно произнес Андре.

– Ладно, математику ты знаешь, – милостиво признала я. – Переходим к естествознанию. Скажи, какой у этого доктора цвет глаз.

– Ну и вопросы при такой-то темени, – проворчал Андре, после чего, прильнув к решетке, принялся вглядываться в глаза Галона.

Тот стал переминаясь с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке, а потом немного отошел.

– Не успел, – вздохнул Андре.

– Неуд! – радостным тоном преподавателя-садиста постановила я.

– Что не успели? – опасливо спросил Галон.

– Доктор, из-за вас я только что провалил экзамен! – возмутился Андре.

– По математике? – участливо спросил врач.

– По естествознанию! – припечатал Андре.

– Сколько будет тридцать плюс восемнадцать? – требовательно спросила я.

– И часто вы сдаете такие экзамены? – вкрадчиво поинтересовался доктор.

– Сорок восемь! – убежденно заявил Андре, выразительно глядя ему в глаза.

– Чем отличается рояль от ночного горшка? – задала каверзный вопрос я.

Андре эту загадку не знал. Видимо, среди аристократов она популярностью не пользовалась. Он хмурился, выискивая подвох.

– Не знаю, – признал он наконец.

– У, в таком случае тебя нельзя пускать в приличное общество! – ужаснулась я.

Андре рассмеялся.

Врач снова подошел к решетке поближе.

– Простите, пожалуйста, господин Дельмонде, а что вас так насмешило? – поинтересовался он.

Мы с Андре рассмеялись на пару.

– Все понятно, – постановил врач, поворачиваясь к стражникам.

Те закивали.

– Не расслабляйся! – рявкнула я Андре в самое ухо, что заставило его резко вздрогнуть. – Двадцать плюс три.

– Двадцать три! – с готовностью отрапортовал он.

Доктор и стражники удалились.

Больше за Андре не приходили.

Глава 3

*Просто мы сегодня оказались похожи
Вопреки любым гороскопам Земли.*

Канцлер Ги. Баллада про скелеты в шкафу

В первую ночь после пыток Андре спал как убитый. А вот к следующей, по-видимому, успел отдохнуть в достаточной степени, чтобы пропустить в свое сознание кошмары. Вернувшись после непродолжительной прогулки, я увидела, как он мечется во сне, вертит головой то вправо, то влево, беззвучно шевелит губами. Вскоре с них сорвался короткий стон.

Я спустилась к Андре поближе. Сама толком не понимая, что именно делаю и как собираюсь это исполнить, осторожно коснулась его сознания. И, постаравшись настроиться на сон, направила туда волну спокойствия. Расслабленности. Уверенности в собственной безопасности. Неожиданно для меня самой Андре притих. Голова перестала метаться из стороны в сторону, дыхание стало более ровным. Обнадеженная успехом, я решила продолжить. На этот раз добавила в сон немного солнечного света. Запах свежей весенней травы. Манящий огонек земляники, выглядывающей из-под листа. И так потихоньку, шажок за шажочком, открыла дорогу к его собственным приятным воспоминаниям. К тем снам, вспомнив которые человек, может, и приходит к выводу, что это был полный бред, но которые при этом смотрит с наслаждением, поскольку видит и ощущает в них что-то *свое*.

Закончив, но так и не зная, насколько хорошо получилось, я вернулась на свое место и до утра сидела там. Андре проснулся в приподнятом настроении. Я бы сказала, даже в отличном, но все следует соотносить со спецификой нашего положения. На вопрос, как ему спалось, он ответил – чудесно. Я больше ничего на эту тему не сказала, но на следующую ночь снова спустилась к нему и повторила вчерашнюю процедуру. На сей раз это оказалось значительно проще; теперь я точно помнила, что и как надо делать.

Я стала воздействовать на сны Андре каждую ночь. Засомневалась в том, правильно ли поступаю, лишь однажды. Как-то утром (утром по нашему распорядку, безотносительно того, что творилось снаружи) Андре долго сидел, мрачно глядя в одну точку, а когда я спросила его, что случилось, ответил, что лучше бы не просыпался. Мне подумалось, возможно, я перестаралась. Жизнь была настолько безрадостна, что между снами и явью возникал чересчур сильный контраст. После хороших снов слишком тяжело просыпаться в темной тюремной камере. С другой стороны, уж если жизнь такова, какова она есть, пускай хотя бы сны будут хорошие. И большую часть времени они поднимали Андре настроение, а не наоборот. Поэтому я продолжала действовать, как прежде.

Андре сидел, прислонившись спиной к стене, и перебирал пальцами сухие соломинки. Он сильно похудел за время своего заключения, хотя от лишнего веса не страдал и раньше. Щеки и подбородок скрывала густая борода. Но чувствовал он себя значительно лучше. Настолько хорошо, конечно, насколько может чувствовать себя человек, лишенный свежего воздуха и солнечного света и ограниченный в пище. Но после пыток он, во всяком случае, оправился. Даже возобновил кое-какие упражнения, правда, в более умеренном режиме.

– Что будем делать? – спросил Андре, глядя прямо перед собой. За эти недели он перестал всякий раз безуспешно искать меня взглядом. – Только предупреждаю: играть в города не буду. Думаю, за это время я зазубрил названия всех городов и городков на трех материках. Они набили мне оскомину.

– В города не будем, – согласилась я. Такое решение меня более чем устраивало; все равно я постоянно проигрывала сокамернику, как ни старалась. – Вот лучше скажи, куда бы ты прямо сейчас отправился, если бы отсюда вышел. Представь себе, что перед тобой открыли портал, позволяющий перебраться в любое место.

– Таких не бывает, – критически поморщился Андре.

– Не бывает, – подтвердила я. – А ты представь. Ну куда бы ты пошел? Только, чур, честно! Я – призрак, мне можно говорить как на духу! В трактир? В бордель?

– Домой, – оборвал поток моих вариантов Андре. – Домой, разумеется.

– В графский замок? Или в герцогский дворец? – уточнила я.

– Я же сказал: домой, – повторил он. – Герцогский дворец – это не дом. Скорее уж работа. Нет, если бы я мог уйти туда, куда захочу, забурился бы в свою спальню или свой кабинет, какие к черту бордели или трактиры. В конце концов, еду, выпивку и женщин могут доставить и туда.

– Логично, – признала я.

– А ты бы куда отправилась? – осведомился Андре, закладывая руки за голову.

– Почему мне знать? – откликнулась я. – Я ведь никаких мест не помню. А за время своего пребывания здесь только и видела, что тюремный двор да окружающие башню леса. Туда не хочу, там неинтересно.

– Ладно, тогда пошли со мной, – щедро предложил Андре.

– Ух ты, какое неожиданное приглашение! – обрадовалась я. – А как там у тебя в замке к призракам относятся?

– Положительно, – хмыкнул он. – При условии, что эти призраки находятся там с моего ведома.

– Ну ладно, – немного поломавшись, решила я. – Тогда я согласна! Готова немного у тебя погостить.

– Ну вот и договорились, – усмехнулся Андре.

– Надеюсь, у тебя, по крайней мере, есть кого поугубить? – капризно спросила я. – Кто-нибудь, за кем можно вдоволь погоняться со свистом и улюлюканьем?

– Вот с этим похуже, – признался Андре, стряхивая с рук остатки соломинок. – У меня в замке пугливых мало.

– Плохо, – попеняла я. – Ну хоть старая экономка есть? Не помню, откуда, но я точно знаю, что привидений боятся старые экономки.

В глазах Андре заиграли смешинки, уголки губ поползли вверх.

– Экономка есть, и действительно в возрасте, – обрадовал меня он. Но радость была недолгой. – Вот только она совсем не робкого десятка. Я бы сказал, она смелее большинства мужчин, с которыми мне доводилось встречаться. И уж призрака точно не испугается.

– Да? – расстроено, даже обиженно вздохнула я. – А если он сделает вот так?

Подлетев к самому уху Андре, я громко и протяжно заверещала:

– У-у-у-у-у!

Сокамерник даже не дрогнул, и только когда я затихла, поднес руку к уху и потряс головой.

– Думаю, что в этом случае она схватится за свою знаменитую мухобойку, которой боятся все лакеи, – сообщил он. – И я бы на твоём месте не был уверен, что она промахнется.

– Ну, я так не играю, – вконец огорчилась я. – Что же у тебя за замок такой, если там совсем поугубить некого?

– А тебе непременно подавай кого-нибудь испугать? – с усмешкой спросил Андре. – До чего же ты вредная!

– Эгей, о мертвых либо хорошо, либо ничего! – предупредила я.

– Да? Хорошо же ты устроилась! – возмутился он.

– Не жалуясь, – парировала я. – Должны и в моем положении быть какие-то преимущества.

– Ну ладно, ладно, – сдался Андре. – Есть там пара человек, которых ты, наверное, сможешь напугать.

– Да? – радостно спросила я. – Кто же?

– Один из камердинеров и мальчишка-конюх, – как-то кисло отозвался сокамерник. – Последний верит в кучу всякой чуши. Я как-то попытался вправить ему мозги... Бессмысленно.

Он безнадежно махнул рукой.

– Ладно. – С вопросом фурора, который я произведу в замке, мы определились; теперь следовало как-то продолжить разговор. – А где я буду жить? Надеюсь, у тебя есть приличная комната для гостей, со всеми удобствами? Я настаиваю на горячей ванне.

– А зачем тебе комната для гостей? – хитро прищурился Андре. – Ты будешь жить со мной, в моей спальне.

– С тобой?! – изумилась я. – Нет, это не годится. Так неправильно. Я – порядочная девушка. Была. Может быть... – Я с сомнением покосилась на свое тело, но ответа там не нашла. – В общем, перебьешься, я буду ночевать отдельно.

Андре однако же проявил себя как мужчина, который легко не сдается, упорно шагая к избранной цели.

– Сейчас же ты живешь со мной в одном помещении, и ничего, – аргументировал свою позицию он.

– Это совсем другое, – возразила я. – Это тюрьма, а то приличный дом. Нет, я не согласная. И потом, как же девушки, которых ты собирался притащить к себе в спальню?

– А они тебе что, помешают?

Андре постарался изобразить на своем лице искреннее удивление.

– Нет, скорее боюсь, что это я могу им помешать, – елейным голосом сообщила я. – Представляешь, если в самый ответственный момент не удержусь и начну давать советы? Рекомендации сексуально подкованного призрака, звучащие из ниоткуда? Думаешь, хоть одна девушка сможет дожить до утра, не поседев?

– А ты сексуально подкована? – мигом нашел к чему прицепиться Андре, разом утратив интерес к прочим аспектам обсуждения.

– А вот не знаю! – ядовитым тоном ответила я. – Но факт остается фактом: требую отдельной комнаты! Иначе в гости к тебе не полечу.

– Боюсь, мне без тебя теперь будет как-то некомфортно, – признался сокамерник. – Ладно, если жить в моей спальне тебе мешает девичья честь, есть очень простой способ это решить. Выходи за меня замуж!

– Кто – я?! – Я бы, наверное, зарделась, если бы могла. – Ой, это как-то неожиданно... Мне надо подумать, взвесить другие варианты... Ну ладно, я согласна! – поспешно заявила я, пока он не сообразил язвительно сообщить, что призрачная жена никому сто лет не нужна.

– Ну вот и хорошо.

Андре улегся на солому, заложив руки за голову и согнув ноги в коленях. К теме собственного брака он явно относился крайне легкомысленно.

– Интересная получится свадьба, – задумчиво проговорила я.

– А что тебе не нравится? – пожал плечами Андре. – Проведем церемонию в часовне, в узком кругу.

– Настолько узком, что на свадьбе даже не будет невесты, – хохотнула я. – Да и подружек невесты тоже... Ну ничего, их можно заменить подружками жениха.

– Нет, – поморщился Андре. – Подружки жениха на свадьбе – это дурной тон.

– Ух ты, какой ты, оказывается, правильный! – съехидничала я.

Он снова равнодушно передернул плечами.

– Священника только жалко, – продолжала развивать тему я. – Он будет недоумевать, почему же во время церемонии у алтаря стоит только жених. А потом как-ак услышит из ниоткуда голос: «Согласна!» Только вот еще с брачной ночью проблема. Хотя... – Я подлетела поближе к Андре и томным голосом произнесла в самое ухо: – На мне надета белая полупрозрачная ночная рубашка и длинные кружевные чулки. Я медленно снимаю левый чулок...

Жаль, что на Андре не было очков. Потому что то, как он попытался в этот момент на меня посмотреть, очень напоминало именно взгляд поверх очков. Он собирался, конечно, отреагировать и вербально, но тут я громко зашипела: «Ш-ш-ш!» и взлетела вверх.

Я что-то ощутила в воздухе, даже не вибрацию, скорее преддверие вибрации, и метнулась выше, против обыкновения, прямо сквозь потолок. Время словно остановилось, точнее сказать, его практически не потребовалось на мои перемещения. Вернувшись назад еще более стремительно, я закричала:

– Быстро! Отойди как можно дальше от двери! Ложись на пол и накрой голову руками!

– Что? – непонимающе нахмурился Андре.

– Делай, как я говорю! – рявкнула я.

Он по-прежнему хмурился, но все-таки последовал моим указаниям. А потом грянул взрыв.

Кажется, взрыв был даже не один, а несколько одновременно, и поразили они разные уровни тюрьмы. Должно быть, тот, кто это устроил, использовал тлорны, взрывающиеся шары магической природы, могущие, помимо всего прочего, зарываться в землю на приличную глубину и приводиться в действие уже после этого. Понятия не имею, откуда я это помню, однако особенных сомнений на данный счет не возникало.

Послышался грохот, когда в нескольких камерах и отдельных частях коридора с потолка посыпались тяжелые камни. Нашу решетку сорвало с петель, и она, искореженная, упала внутрь. А следом из коридора полетели булыжники, мелкие обломки, каменная крошка. Она же посыпалась с потолка, а затем крупный булыжник рухнул на пол в том самом месте, где секундой ранее лежал Андре. По стене пробежали две длинные косые трещины. Откуда-то издали послышались крики, впрочем очень быстро затихшие.

А затем наступила тишина. Такая пронзительная, такая внезапная после адского грохота, что именно она казалась теперь по-настоящему оглушающей. Наконец ее разорвало шуршание и скрип каменной крошки, когда Андре опустил руки и, оглядевшись, поднялся на ноги. Первым делом он метнулся к моему телу. К счастью, я висела у противоположной от входа стены, и крупные камни не успели до меня добраться. Мелкие, конечно, оставили на теле порезы, но по сравнению с моим общим состоянием это была ерунда.

– Откуда ты узнала?

Андре опустил голову, чтобы стряхнуть с волос обильно усыпавшую их каменную пыль.

– Почувствовала, – лаконично ответила я. – Подожди здесь.

Я устремилась наружу через открывшийся теперь проход. Быстро облетела наш этаж, поднялась наверх и, оглядевшись, снова возвратилась в камеру.

– Отсюда можно выйти, – торопливо проинформировала я Андре. – Коридор частично завалило, лестницу тоже, но пробраться все равно реально. Так что у тебя есть шанс спастись. Скорее, другой возможности не будет.

– Охрана? – коротко спросил он.

– Много погибших. Тем, кто выжил, не до тебя. Если действовать осторожно, можно выбраться. Гарантий не даю, но шанс есть. Давай! – поторопила я. – Я проведу тебя, скажу, где лучше перебраться через завалы, и предупрежу, если кто-нибудь появится на горизонте.

– А что будет с тобой?

Андре задал этот вопрос, подняв голову и, кажется, надеясь поймать меня взглядом. Причин лгать не было.

– Я проведу тебя, чтобы убедиться, что ты благополучно выбрался, и вернусь сюда. Останусь здесь, со своим телом. Буду доживать вместе с ним.

Андре молча стоял, стиснув зубы. Я уже собиралась сказать ему, что сейчас не время для сантиментов, а попроситься мы сможем и потом, когда он выберется на свободу. Но тут сокамерник словно очнулся ото сна и решительно шагнул в сторону выхода. Обрадовавшись, я скользнула следом за ним. Но, к моему немалому удивлению, покидать камеру Андре не стал. Вместо этого поднял с пола приличных размеров камень и уверенно шагнул в мою сторону. В смысле – в сторону моего тела.

– Эй, ты что? – воскликнула я, когда, подойдя совсем близко, он поднял руки, замахиваясь.

Ничего не говоря, он со всей силы ударил камнем по кольцу, в которое была продета одна из цепей. Потом еще раз и еще. На пол снова посыпалась крошка. Стена была старой, в придачу успела пострадать от взрыва, и это существенно помогло Андре. Вскоре из стены вывалился один небольшой камень, а следом за ним и освободившееся кольцо. Моя левая рука безжизненно упала, утяжеленная цепью. Тело повернулось набок и теперь покачивалось, частично лишенное опоры.

Андре все так же молча перешел на другую сторону и стал ожесточенно бить камнем по второму кольцу. Вскоре и оно выпало из стены. Вовремя отбросив камень, Андре успел подхватить меня на руки.

– Позволь спросить, что ты делаешь? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Мы бежим вместе, – тоном, не терпящим возражений, заявил сокамерник.

Ну, тон он может выбирать какой угодно, а возражения у меня были.

– Ты сошел с ума! – яростно воскликнула я. – Куда вместе? Тебе самому бы выбраться! Думаешь, это будет легко и просто? Отнюдь! Надо пробраться через завал, надо не попасться стражникам там, наверху. Как ты собираешься проделать это с трупом на руках?!

– Это не труп! – рявкнул он.

– Ладно, не труп, тело, – согласилась я. – Я, конечно, за время, проведенное в тюрьме, мягко говоря, не растолстела, но все-таки я не ребенок. Как ты собираешься спастись отсюда с таким грузом? А потом, даже если выберешься? Тебе придется уходить как можно быстрее и как можно дальше. Далеко уйдешь с телом на руках? В придачу еще и с цепями? Я буду обузой, понимаешь ты это, недопустимой обузой! Ты сам вскоре пожалеешь о том, что взял меня с собой. И что сделаешь тогда? Бросишь посреди леса на съедение диким зверям? Или добровольно сдашься ближайшему патрулю?

– А тебе как самой кажется, какой вариант более вероятный? – огрызнулся Андре.

– Цепи будут еще и на каждом шагу звенеть, привлекая внимание! – не унималась я. – Пойми ты уже очевидное и спасайся, черт тебя побери!

– Вот вместе и будем спасаться.

Аккуратно уложив мое тело на пол в относительно целой части камеры, Андре принялся зачем-то перекачивать камни к той стене, у которой я до недавнего времени висела, образуя там своего рода завал.

– Слушай, почему ты так упорно игнорируешь мои слова? – оскорбилась я. – Кто тебе, в конце-то концов, дороже, я или она?

Андре остановил свое занятие и, подняв голову, с интересом скользнул взглядом по участку стены, находившемуся непосредственно за мной. Снова ориентировался на голос.

– Ты или она, – повторил он. Интонация была не вопросительная. – Поздравляю тебя, Эрта. Ты – первый в истории призрак, страдающий от раздвоения личности.

– С чего ты взял, что страдающий? – огрызнулась я, но запал уже проходил.

В конце-то концов, с какой стати я так сопротивляюсь? Кого пытаюсь обмануть? Можно подумать, мне самой не хочется, чтобы моего лица еще хотя бы один раз коснулся солнечный луч. Чтобы свежий ветер подхватил прядь волос, а молодая трава пощекотала ступни...

– Делай, как знаешь, – устало сдалась я. – Только не забывай, я уже почти умерла. А ты еще живой.

– Маленький нюанс: я еще живой благодаря тебе. – Андре вытер рукой вспотевший лоб. Теперь около моей стены образовался самый настоящий завал. – Подожди, я сейчас, – бросил он, выходя из камеры.

Ждать я не стала – одолевало любопытство. Поэтому я полетела следом за ним.

Быстро оглядевшись, Андре пошел по коридору. Каменная крошка громко хрустела под ногами. Соседняя камера располагалась сравнительно далеко. На этом этаже камеры специально находились на приличном расстоянии друг от друга, чтобы заключенные, о существовании которых надлежало забыть всему миру, не имели возможности переговариваться между собой.

Соседнее помещение пострадало куда сильнее нашего. Здесь намного более основательно обвалился потолок, а стены были обуглены. Должно быть, эта камера находилась ближе к эпицентру взрыва. Заключенный не выжил. И не просто не выжил. Если бы я по-прежнему была живой, предполагаю, что мне бы стало очень нехорошо. Но в своем нынешнем состоянии я не испытывала тошноту и просто смотрела на разбрызганную кровь, на раздавленное тяжеленным булыжником тело и на лежащую отдельно кисть руки, которую, должно быть, оторвало во время взрыва.

Не знаю, почувствовал ли себя плохо Андре, но внешне он подобных признаков не проявил. И даже более того. К моему немалому удивлению он, осмотревшись, поднял кисть и понес ее обратно в нашу камеру. От такого поступка у меня временно пропал дар речи.

Впрочем, мотивы стали ясны быстро. Вернувшись к нам, Андре окинул взглядом образованный им у стены завал, после чего положил кисть возле камней. Затем подошел к моему телу и оторвал лоскуток от моей блузы.

– Эй, ты чего?!

Голос у меня все-таки прорезался.

Андре положил лоскут между камнями.

– Если сюда доберутся с проверкой, – сказал он, отряхивая руки и оглядывая результат своей деятельности, – есть как минимум шанс, что они решат, будто нас завалило во время взрыва. Это даст нам лишнее время. Что совсем не помешает. Веди!

Он наклонился и взял мое тело на руки.

Больше не пререкаясь, я полетела вперед. Лишь на мгновение оглянулась, осматривая напоследок то, что осталось от нашей камеры. Сколь ни смешно, но это единственный дом, который я помнила. Ну и пропади он пропадом! Я решительно устремилась вперед по коридору.

– Живых дальше нет, – сообщила я Андре, вернувшись. – На этом этаже, я имею в виду. И еще – мне не нравится то, как ощущаются эти стены. Не удивлюсь, если в скором времени случится повторный обвал. Лучше выбираться отсюда побыстрее.

Андре молча кивнул, ускоряя шаг. Ноги утопали в каменной насыпи. Местами приходилось перебираться через небольшие завалы. На одном участке завал оказался слишком внушительным, чтобы его преодолеть: камни доходили почти до самого потолка. Но я уже успела выяснить, как обойти это место. Это можно было сделать через пустую камеру, дверь которой была не заперта. Образовавшаяся в стене дыра позволяла выбраться в коридор в той его части, по которой уже можно было идти дальше. Дыра, правда, была не слишком широ-

кой. Андре пришлось оставить меня в камере, вылезти наружу, и уже потом вытащить меня. Путь он продолжил, перекинув мое тело через плечо; это позволяло ему в случае необходимости использовать свободную руку.

Наконец мы почти добрались до лестницы. Перед ней была караулка. Она не являлась отдельной комнатой, скорее своего рода широкой нишей в конце коридора. Именно здесь обычно дежурили два стражника, раз в сутки делавшие обход. Играли в кости и карты, выпивали, перемывали косточки начальству. А что еще делать в долгие часы службы?

Во время взрыва они, по-видимому, тоже играли, поскольку стакан для бросания костей хрустнул у Андре под ногами. Один стражник, тот самый, у которого сварливая теща, лежал на полу в луже крови. Мне подумалось, что больше родственница никогда уже не будет его пилить. Второй тоже обнаружился поблизости, возле опрокинутого стула. Его череп оказался проломлен камнем.

Вместо того чтобы пройти мимо, Андре снова положил меня на пол и присел на корточки возле второго стражника. Стал разглядывать его, шурясь в темноте. Висевший на стене факел потух, и скудный свет проникал лишь откуда-то с лестницы. Я поднялась на несколько пролетов, проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто представлял бы для нас опасность. Лишь поднявшись на три этажа, обнаружила спящих там людей, но им явно было не до нас. Слишком много убитых и раненых. К тому же еще одним этажом выше, кажется, разгорался пожар.

Вернувшись к Андре, я застала замечательную картину. И хотя отлично понимала, какова истинная цель моего недавнего сокамерника, не удержалась, и громко, со значением, присвистнула. Дело в том, что Андре уже снял со стражника с проломленным черепом одежду, а сейчас занимался тем, что стягивал собственные брюки.

– Решил перед уходом как следует отомстить тюремщикам? – саркастично осведомилась я. – Хочешь надругаться над каждым, которого найдешь, или только лично над этим?

От такой интерпретации своих поступков Андре поперхнулся, но действовать медленнее не стал. Избавившись от брюк, скинул то, что осталось от его собственной рубашки, после чего принялся одеваться в трофейную одежду. Она оказалась ему по размеру, благо фигуры у них со стражником были похожие. Вскоре он был одет в темно-коричневые брюки, рубашку того же цвета и удлиненную кожаную куртку, призванную как оберегать от царящего в подземелье холода, так и служить минимальной защитой от клинков и других острых предметов в случае нападения. Специальный знак, пришитый к куртке в районе левого плеча, красноречиво свидетельствовал о принадлежности ее хозяина к рядам стражей королевских тюрем. На этом Андре не остановился, прицепил к поясу валявшийся в стороне меч.

– Как там наверху? – спросил он.

– Пока все чисто, – ответила я. – От взрыва в башне начался пожар, но это высоко над нами, досюда дойдет не скоро, если вообще дойдет, тут как-никак одни камни. Зато стражу отвлечет как следует.

Андре коротко кивнул, соглашаясь с тем, что нам пожар только на пользу. Снова сев на корточки, принялся быстро натягивать свою потрепанную одежду на стражника.

– Вот это забота! – восхитилась я. – Или скромность?

– Предосторожность, – не отвлекаясь, объяснил Андре. – Если его найдут здесь обнаженным, непременно поинтересуются, что произошло. А то, что одежда разорвана, никого не удивит.

– Скорее всего, они бы решили, что стражники нашли своеобразный способ разбавить рутинную скуку, – высказала предположение я. – Но ты прав, осторожность не повредит.

Ощупав на себе куртку, Андре извлек из внутреннего кармана кошелек, взвесил на ладони – не густо, но лучше, чем ничего, – и отправил обратно в карман. Но уходить не спешил. Перебрался ко второму стражнику, обыскал и его. Нашел еще один кошелек,

правда, перепачканный кровью. Высыпал содержимое на ладонь – там было около полудюжины монет, и тоже убрал их в карман. Меч этого стражника не тронул, зато заткнул себе за пояс нож.

– Имеешь опыт мародерства? – поинтересовалась я, одновременно следя за колебаниями воздуха.

– Теперь имею, – подчеркнуто безразличным тоном отозвался Андре.

– Не забудь свои пуговицы, – посоветовала я.

– Какие пуговицы? – не понял он.

– На твоей рубашке. Не этой, – уточнила я, когда Андре инстинктивно опустил голову, глядя себе на живот. – Которая сейчас на том парне. Они серебряные, так что стоят больше, чем все эти монеты, вместе взятые.

– Ты права, – согласился он. – Я как-то упустил это из виду.

Вернувшись к переодетому стражнику, Андре какое-то время смотрел на него, хмурясь и прикусив губу. Его тревожило, что оборванные пуговицы могут привлечь ненужное внимание. С другой стороны, серебряные пуговицы на рубашке простого стражника – штука тоже, мягко говоря, не слишком распространенная. Тем более что часть пуговиц успела оторваться за то время, что Андре провел в тюрьме. Их в любом случае оставалось всего четыре. Так что, махнув рукой, мол, будь что будет, Андре оборвал их, после чего быстро подхватил меня на руки и поспешил дальше.

Мы стали подниматься по лестнице. Перила обвалились в нескольких местах, на ступенях лежали камни, но идти по ним тем не менее было можно. На третьем пролете нам встретился еще один труп. Судя по одежде, этот человек был рангом повыше, чем оставшиеся внизу охранники. Должно быть, офицер.

Андре и тут не стал впадать в сантименты и, решив, что мародерствовать так мародерствовать, обыскал карманы погибшего. Здесь нашелся очередной кошелек, и денег в нем было побольше, чем в предыдущих. Андре также извлек на свет часы и погодник – прибор, внешне напоминающий часы, но обладающий тремя циферблатами и показывающий погоду, которая ожидается через сутки. Механизм чрезвычайно сложный и потому дорогостоящий. Некоторые считают, что было бы значительно полезнее, если бы эти приборы показывали сегодняшнюю погоду, а не завтрашнюю, но я с ними не соглашусь. Для сегодняшней погоды нет нужды таскать с собой специальное устройство. Просто выйди на улицу, да и посмотри. То ли дело иметь возможность заранее предвидеть любые изменения в температуре, влажности и осадках.

Андре уже собирался было отправиться дальше, но вдруг вернулся к телу. Осторожно снял с офицера более не нужный тому плащ. А затем набросил этот плащ на меня.

Еще один этаж – и эта предосторожность пригодилась. Нам навстречу бежал тюремщик, судя по одежде и манерам, тоже офицер.

– Откуда? – коротко спросил он у Андре, по одежде определив в последнем одного из своих подчиненных.

– Оттуда, – не менее лаконично ответил Андре, указывая вниз.

– Убит?

Офицер скользнул взглядом по укрытому плащом телу.

– Ранен, – сообщил Андре.

Офицер сосредоточенно кивнул.

– Отнеси его во двор, у западной стены ранеными занимается лекарь. А потом давай на второй этаж, там нужно потушить огонь.

– Есть! – послушно откликнулся Андре, после чего мы поспешили наверх, а офицер побежал по коридору.

Из башни мы вышли без малейших трудностей. По мере приближения к выходу снующих туда-сюда людей становилось все больше, но никто не обращал на нас особого внимания. Одни бежали вверх с ведрами воды, другие, как и Андре, несли на руках раненых или убитых, третьи просто лихорадочно метались туда-сюда; как минимум такое создавалось впечатление со стороны.

Оказалось, что уже наступила ночь. Небо окутали облака, но двор освещали несколько факелов и зарево бушевавшего на втором этаже пожара. Языки пламени то и дело выбивались наружу из двух соседних окон. Шум, крики, беготня. Гонимый порывами ветра дым, от которого у Андре заслезилась глаза. Не сомневаюсь, что и запах гари стоял порядочный, хотя сама я не могла его почувствовать. Я успела заметить, как Андре на секунду замер, когда он вышел на открытое пространство, а в лицо ударил холодный северный ветер.

Андре неспешно осмотрелся, сделал несколько шагов, якобы намереваясь доставить раненого к лекарю, потом снова остановился. Конечно, всем здесь было не до нас, но что произойдет, если кто-то увидит, как стражник уносит раненого в сторону леса? Думаю, догадаться, что это значит, сумеют даже самые недалекие тюремщики.

– Осторожней! – крикнула я, почувствовав, как задрожала земля.

Прошло несколько долей секунды, показавшихся мне очень долгими. А потом из здания тюрьмы послышался грохот. Из нижних окон на нас полетела каменная пыль вперемежку с пеплом. Похоже, Андре напрасно старался, создавая внизу видимость нашей гибели. Вторая волна обвала наверняка полностью уничтожила нижний этаж.

Новая череда криков, зазвучавших с удвоенной громкостью и частотой. Сперва люди опасались приближаться к зданию; потом, удостоверившись в том, что прямо сейчас повторного обвала не будет, наоборот, дружно ринулись туда. Другой такой возможности нам могло не представиться. Осторожно выйдя из зоны освещения факелов, Андре поудобнее перехватил меня и бросился бежать. Не останавливаясь и не оборачиваясь, – туда, где царившая кругом темнота сгущалась под сенью старого леса. Я следила за происходящим у него за спиной, чтобы в случае чего предупредить об опасности. К счастью, этого не понадобилось. Сейчас у тюремщиков и без нас было достаточно дел. И вскоре мы пересекли спасительную черту леса.

Глава 4

*И, невинные во зле,
В предзакатной мгле,
В остывающей золе,
На разбитом стекле,
Не ища вины ни в ком,
Мы танцуем босиком
Рок-н-ролл Совершенных.*

***Канцлер Ги.
Рок-н-ролл Совершенных***

Первое время мы не разговаривали, просто целенаправленно удалялись от Мигдаля. Несмотря на то что он очень быстро скрылся из виду, само по себе знание, что он возвышается где-то позади, постоянно жгло спину. Андре больше не бежал, экономя силы. Шел быстрым шагом, держа меня на руках. Цепи, которые он уже не придерживал так старательно, как возле тюрьмы, монотонно позвякивали, будто считая шаги.

Вскоре начало светать. Проведенная без сна ночь подходила к концу, но это не свидетельствовало об усталости. Я во сне не нуждалась, а Андре успел выспаться прежде, поскольку наш режим слишком сильно сбился в тюрьме. Время сна просто не соответствовало темному времени суток.

Погони не было, и, заслышав робкое журчание бьющего из расщелины родника, Андре сделал наконец привал. Уложил меня на землю, щедро усыпанную мягкой хвоей. Сложив ладонь лодочкой, набрал в нее воды и поднес ко рту. Влага тут же засочилась сквозь пальцы. Глоток получился совсем маленьким, и Андре повторил процедуру, приблизительно с тем же успехом. После чего, махнув рукой на то, как это выглядит со стороны, лег на землю и поднес лицо к роднику, ловя ртом падающий из расщелины на землю поток. Принялся жадно глотать холодную воду. Закашлялся, поперхнувшись, но, не успев как следует восстановить дыхание, снова продолжил пить. Я молчала, никак не комментируя его действия и даже не отпуская привычных шуточек. Прекрасно понимая, что вела бы себя куда менее сдержанно, если бы добралась до воды тогда, когда была еще жива.

Утолив первую жажду, Андре вновь набрал воду в ладони и поспешил поднести ее к моему рту. Влил жидкость между чуть приоткрытыми губами. Когда вода протекла в горло, я сделала чисто инстинктивный глоток. Отчего-то эта способность у моего тела сохранилась. Андре повторил процедуру несколько раз.

Я уже давно перестала сопротивляться, когда он пытался меня напоить. Наверное, для тела это и вправду полезно. Моему же туда возвращению это давно не способствовало. Видимо, за прошедшее время связь между мной и телом успела ослабнуть.

Закончив меня поить, Андре снова склонился над родником, зачерпнул воды и умыл себе лицо. Затем расстегнул ворот рубашки, протер водой шею и плеснул себе за шиворот. И только тогда чуть отдалился от родника, сел на землю и уронил голову на руки. Спустя полминуты он подставил лицо свежему ветру, посмотрел на посветлевшее небо и вдруг рассмеялся.

– Ну что, выбрались? – спросил он с блестящими от эйфории глазами. – Или это так, кратковременная иллюзия свободы и скоро нас поставят на место?

– Предлагаю надеяться на первое. – У меня на душе тоже стало веселее. Смех Андре снял сковывавшее до сих пор напряжение. – Даже если это иллюзия, ею тоже надо уметь насладиться.

Андре прикрыл глаза в знак согласия. Провел ладонью по влажному лицу.

– Для того чтобы иллюзия превратилась в реальность, надо убраться отсюда как можно дальше, – констатировал он. – Но прежде есть еще одно дело. Ты говорила, что вылетала за пределы тюрьмы. Знаешь, что находится здесь, вокруг? Кроме лесов? Есть поблизости какое-нибудь жилище?

– Есть две деревни, – сообщила я. – Одна на востоке, другая на северо-западе.

Ориентироваться сейчас, когда над лесом взошло солнце, было проще простого.

– Восток нам не подойдет, – заявил Андре. – Для этого придется возвращаться в сторону тюрьмы, а у меня что-то нет такого желания. А вот северо-запад в самый раз.

– А зачем тебе туда понадобилось? – заволновалась я. – Все-таки в окрестных деревнях нас будут искать в первую очередь.

– Как и прочесывать леса, – спокойно откликнулся Андре. – Но это если они сообразят, что мы бежали. А после обвала такое чрезвычайно маловероятно.

– А если сбежать удалось еще кому-то, кроме нас? – засомневалась я. – И стража будет преследовать этого кого-то?

– Все может быть, – не стал спорить Андре. – Именно поэтому я хочу добраться до деревни как можно скорее. Пока тюремщикам еще не до погони. И очень быстро оттуда уйти. Потом придется избегать селений и дорог довольно долго.

– Зачем ты все-таки хочешь попасть в деревню?

Эта идея не слишком мне нравилась.

– Надо, – уклончиво ответил Андре.

Найти тропинку, ведущую в правильном направлении, оказалось легко. Примерно за час мы добрались до окраины леса. Впереди замаячили неказистые одноэтажные домики с соломенными крышами.

Нам повезло: кузница располагалась на самом краю деревни. Я полетела вперед и осмотрелась. Людей на улице почти не было; в такое время дня сейчас, весной, крестьяне работали в поле. Когда я сообщила о результатах своей вылазки Андре, он быстрым шагом преодолел отделявшее нас от кузницы расстояние.

Внутри было полутемно и, наверное, жарко – в горне полыхал огонь. Тишину нарушал стук молота по наковальне, в промежутках сменявшийся треском пламени. Стоявший к нам спиной кузнец принялся, низко склонившись, рассматривать лежавший на наковальне кусок металла.

Стараясь не шуметь, Андре осторожно положил меня на пол справа от двери; более удобного места, вроде лавки, здесь все равно не было. Затем направился к кузнецу.

Тот резко повернулся, прежде чем Андре успел подойти достаточно близко. Андре остановился. Учитывая тяжеленный молот, который кузнец в данный момент держал в руке, в общении с ним следовало соблюдать осторожность.

Кузнец неспешно смерил незнакомца внимательным взглядом.

– Что надо? – не слишком приветливо осведомился он.

– Есть одно дело, – ответил Андре. – Можно сказать, заказ. Я хорошо заплачу.

– Вообще-то я и без того занят, – проворчал кузнец. – Заказы от чужаков обычно не принимаю. Но если говоришь, что заплатишь... Ну, говори, что там у тебя?

– Я покажу, – ответил Андре. – Идем.

Кузнец пожал плечами и, положив молот возле наковальни, последовал за моим спутником. Наклонившись над телом, Андре стянул укрывавший меня плащ и указал на кандалы с болтавшимися на них цепями.

– Это надо снять, – просто сказал он.

Кузнец присвистнул. Тоже наклонился, разглядывая меня с видимым интересом. И не заметил, как Андре переместился к нему за спину и вытащил из ножен меч. А когда распрямил спину и обернулся, его груди тотчас коснулось острое клинка.

– Просто сделай то, о чем я прошу, – нарочито спокойно произнес Андре. – Я заплачу, можешь не сомневаться. Но не вздумай поднимать шум и звать людей.

Кузнец пробежал взглядом по лезвию и, кажется, не слишком испугавшись угрозы, поднял глаза на Андре.

– Я и так все сделаю, – поморщившись, отозвался он. – И убери свою игрушку. Она меня раздражает. К тому же сработана из рук вон плохо.

Андре секунду повременил, буравя кузнеца взглядом. Потом усмехнулся и спрятал меч в ножны.

– Тут поспорить не могу, – признал он. – Но выбирать мне не приходилось.

Понимающе ухмыльнувшись в бороду, кузнец бросил последний оценивающий взгляд на кандалы.

– Перенеси ее ближе к свету, – велел он, а сам пошел в противоположный угол кузницы, туда, где на крепкой деревянной полке и на полу под ней были разложены различные инструменты. Из них я могла опознать только еще один молот, поменьше того, что остался возле наковальни, да щипцы.

Андре переложил мое тело туда, куда было сказано. Кузнец вернулся с инструментом, названия которого я не знала, опустился на пол возле меня и принялся перепиливать кандалы. Кузницу наполнил на удивление противный скрежет. Признаться, я занервничала – инструмент выглядел довольно-таки внушительно.

– Андре, а он мне руку случайно не отрежет? – высказала свои опасения я.

Мой спутник с сомнением покосился на кузнеца, еще немного понаблюдая за процессом, а затем все же на всякий случай сказал:

– Ты это... поосторожнее.

Кузнец лишь криво усмехнулся, считая ниже своего достоинства отвечать.

Я продолжала страдать молча, неотрывно наблюдая за процессом. Казалось, еще чуть-чуть – и лезвие, справившись со сталью, глубоко войдет в плоть.

Но ничего подобного, ясное дело, не произошло. Еще немного, и скрежет стих. Кузнец отложил инструмент и осторожно снял с моего запястья развалившийся на глазах браслет. После чего приступил ко второму.

Больше я не волновалась. Только смотрела на широкий синеватый след, отметивший кожу там, где ее много недель сковывал стальной браслет. Смотрела и отчего-то не могла переключиться ни на что другое. Не думала, что когда-нибудь избавлюсь от этого предмета. Наверное, стоило так долго ждать, даже если теперь мне предстоит в самое ближайшее время окончательно умереть.

Меж тем второй браслет тоже упал на пол. На второй руке остался такой же глубокий и широкий след. Андре ногой оттолкнул перепиленные кандалы с цепями в сторону. Если бы я могла, я бы заплакала. Даже на всякий случай посмотрела на свои глаза. Но они были закрытыми. И, насколько я могла судить, сухими.

– Спасибо.

Андре протянул кузнецу руку, и тот, не задумываясь, ее пожал.

– Да не за что, – откликнулся он. И, усмехнувшись, добавил: – А я-то думал, ты из воинов, тех, что из Мигдаля. Их здесь, знаешь ли, сильно недолюбливают.

Андре сперва не понял, но кузнец устремил многозначительный взгляд на прикрепленный к куртке знак. Что-то неразборчиво процедив сквозь зубы, Андре с раздражением сорвал его и швырнул на пол, в компанию к кандалам.

– Сколько я тебе должен? – спросил он, извлекая из кармана кошель.

– погоди, – отмахнулся кузнец. – Пойдем со мной.

Распахнув дверь, он вышел наружу и зашагал к ближайшему домику. Андре замешкался, подозрительно глядя ему вслед. Повернул голову направо, потом налево. Кузнец оставился и выжидательно обернулся.

– Поблизости никого не видно, – заметила я, отлично понимая сомнения Андре.

– Ладно, пойдем, – со вздохом махнул рукой он.

Кузнец провел нас в соседний дом, где, как мы поняли, он и проживал. Здесь нас встретила женщина в длинном свободном платье и накинутом на шею платке, по-видимому, жена кузнеца. Увидев нас, точнее сказать, меня, лежащую без сознания у Андре на руках, она сразу же запричитала, засуетилась и пожелала срочно накормить нас куриным бульоном. Андре старательно отнекивался, мотивируя это тем, что мы очень спешим. Хотя я и понимаю, насколько тяжело ему приходилось; не ел он уже давно, да и весь последний месяц жил впроголодь.

– Эстер, им и вправду нужно уходить, – покачал головой кузнец. – Кто их знает, этих мигдальских упырей, когда они заявятся. Лучше собери им по-быстрому что-нибудь с собой.

Да, похоже, здесь очень не любят тюремных охранников, мысленно констатировала я. Впрочем, это и неудивительно. В народе к представителям власти вообще относятся с предубеждением, неизменно видя в стражниках не защитников, а потенциальных обидчиков. Так что при виде тюремщика и закованной в кандалы женщины сочувствовать станут точно последней.

Эстер бегала по горнице, складывая кое-какие вещи в потрепанную дорожную сумку.

– Бедная девочка! За что ж ее так? – всплеснула руками она, ненадолго остановившись возле лавки, на которую меня уложил Андре.

Отмолчаться не удавалось, поскольку и она, и кузнец ожидали ответа, поэтому Андре нехотя сказал:

– Не знаю.

– Так даже? – с интересом изогнул бровь кузнец.

Но больше тему не развивал, и вскорости все было готово. В дорогу мы получили флягу с водой, кувшин с бульоном, каравай хлеба, немного жареного мяса и тщательно свернутое одеяло. Кроме того, хозяйка дома пожертвовала для меня свое старое платье.

Андре поблагодарил их за помощь, но, как и пообещал изначально, ограничиваться благодарностями не стал. Сперва его рука потянулась было к карману, в котором лежали серебряные пуговицы, но в последний момент он отдернул ее, передумав. Сообразил, что пуговицы являются слишком заметной уликой, которая может при неудачном стечении обстоятельств указать лично на него. Поэтому расплатился он все-таки деньгами.

– Здесь слишком много, – возразила женщина, глядя на монеты.

– Отнюдь, – покачал головой Андре, накрывая ее разжавшуюся было ладонь своей рукой.

Я промолчала. Деньги для нас были не лишними, но он прав: для простых деревенских жителей то же платье, пусть и старое, – немалая ценность. Это вам не кокетка из высшего общества, у которой хоть десять платьев забори – и не заметит.

Уходили в спешке. Никаких признаков погони пока не было, и все же представители власти могли появиться в деревне в любой момент. Поэтому нашей первой задачей было углубиться в лес и как можно дальше уйти от обжитых мест, выбрав при этом как можно менее предсказуемый маршрут. Время от времени я поднималась над кронами деревьев, чтобы оглядеться и проверить, нет ли преследования. Пока обходилось.

– Надо же. А я и не ожидала от людей чего-то хорошего, – задумчиво заметила я, когда мы оказались приблизительно в миле от деревни.

– Да. Признаться, мне тоже в последнее время мало в это верилось, – выразил солидарность со мной Андре.

– Как думаешь, что произошло с тюрьмой? – задала давно интересовавший меня вопрос. – Чьих это рук дело?

– Думаю, вариантов всего два. – Андре на секунду остановился, перехватил меня поудобнее и продолжил путь. – Возможно, пытались освободить кого-то из заключенных. Скорее всего, из тех, кто находился выше, чем мы, поскольку вторжения в подвалы, судя по всему, не было. Остальные взрывы устроили для отвода глаз. Или просто плохо разобрались, как работают тлорны, вот и использовали их наугад. В этом случае, возможно, они и сами не ожидали такого масштаба разрушений.

– А второй вариант? – спросила я.

– Оппозиционеры могли просто совершить акцию, нацеленную против власти, – ответил Андре, уклоняясь от еловой ветки. – И в том, и в другом случае за взрывами, скорее всего, стоят именно они. Вопрос только в их сиюминутной цели.

– А что, в Риннолии есть оппозиция? – с любопытством осведомилась я.

– Конечно. Оппозиция есть везде, – откликнулся Андре. – Кто-нибудь обязательно будет недоволен властью, и кто-нибудь из недовольных раньше или позже попытается качать права. Хотя особенно сильной или массовой я бы нашу оппозицию не назвал. Впрочем, я и раньше был не в курсе подробностей того, что творится в столице. А уж сейчас тем более. А что, – с интересом прищурился он, – ты ничего не помнишь про риннолийских подпольщиков?

– Нет, – ответила я. – А это тебя удивляет? Я ведь вообще многого не помню.

– Но многое и помнишь, – заметил Андре, и по его тону я поняла, что ему видится в этой избирательности нечто важное. – Насколько я успел обратить внимание, ты очень хорошо помнишь общеизвестные факты. Один раз даже чуть не обыграла меня в города.

– Один раз! – фыркнула я. – А сколько мы в них играли? Десятки?

– Не важно, – мотнул головой Андре. – У тебя действительно все отлично с памятью в массе вопросов. До тех пор, пока дело не касается лично тебя. И вот тут внезапно наступает провал. Поэтому тот факт, что ты ничего не помнишь о подпольщиках, наводит на определенные мысли.

– Хочешь сказать, что при жизни я сама была одной из них? – задумчиво проговорила я.

– Знать не могу, но такой вывод напрашивается сам собой. Ты сидела в тюрьме, на две трети заполненной политическими заключенными, на том этаже, куда никаких других заключенных не отправляют. Ты была ранена, хоть рана и зажила; я видел шрам и кровь у тебя на одежде.

Я промолчала в знак согласия. Рана действительно была. Я совершенно не помнила, как ее получила, но помнила боль в левом боку, существенно ниже сердца, которую испытывала тогда, когда еще способна была что-либо физически чувствовать. В свое время я позволила Андре осмотреть эту рану. Впрочем, не имея никаких подручных средств, он мало что мог бы сделать. Но в этом и не оказалось необходимости, поскольку рана к тому моменту почти зажила.

– И наконец, ты ничего не помнишь о риннолийской оппозиции, – завершил перечисление аргументов Андре. – Более того, насколько я могу судить, ты вообще мало что помнишь о здешней политике. Я ведь прав?

– Прав, – все так же задумчиво согласилась я.

То, что он говорил, звучало логично. Но вспомнить я ничего все равно не могла, как ни пыталась.

Мы замолчали, уступив звуковое пространство прячущимся среди ветвей птицам.

– Может, остановишься и наконец поешь? – предложила я.

– Думаешь, уже пора? – с сомнением протянул Андре, покосившись через плечо, будто проверяя, нет ли за нами погони.

– Пора-пора, – сварливо подтвердила я. – Сам не чувствуешь? Ты так оголодал, что даже голоса из ниоткуда слышишь.

Криво усмехнувшись, Андре остановился и поглядел по сторонам.

– Слышишь? – спросил он затем. – Где-то журчит вода. Вот около нее и передохнем.

Идти оказалось недалеко. Сами того не заметив, мы успели одолеть плавный спуск к речке. Течение здесь было неспешным, ленивым, но вода тем не менее оказалась чистой. По поверхности лишь плыло несколько сухих листьев, да еще горсть прибило к берегу. Дно прекрасно просматривалось, и оно, как обычно в таких случаях, казалось более близким, чем было на самом деле.

Уложив меня на траву, Андре скинул со спины сумку и принялся извлекать из нее продукты. Жадно съел хлеб с мясом, периодически запивая из фляги, благо воду можно было не экономить. Потом пересел и, положив мою голову себе на колени, влил в рот немного бульона. Я внимательно следила за этим процессом. Впервые с момента смерти мое тело получало что-то кроме воды. Однако никаких видимых изменений в моем состоянии это не повлекло.

– Погода вечером испортится, – сообщил Андре, закончив меня кормить и снова прикладываясь к фляге с водой. – Будет дождь.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Солнце сияло даже очень весело. Облака по небу, конечно, плыли – не быть же ему идеально чистым в это время года, – но в небольшом количестве. Разве что ветер стал немного сильнее.

– По погоднику, – объяснил Андре.

– А-а-а, – понимающе протянула я.

Я как-то успела забыть об этом нашем приобретении.

– И что он показывает?

– Вечером будет дождь и сильно похолодает.

М-да, назвать такую новость особенно хорошей было нельзя.

– Лучше бы он показывал, как с этой погодой справляться, – сварливо пробурчала я. – Впрочем, вещь все равно полезная. Ты его пока придержи, – порекомендовала я. – Продашь в последнюю очередь. Часы менее важны.

– Так я и собираюсь сделать, – кивнул Андре.

Он с сомнением посмотрел перед собой, потом щелкнул пальцами.

– Честно говоря, я бы окунулся. Покараулишь здесь несколько минут?

– Конечно, – заверила я.

– Если что, кричи, – сказал Андре, начиная скидывать с себя одежду.

Ни малейшего чувства неловкости этот процесс во мне не вызывал, хотя разделся он, ясное дело, донага: не мочить же единственный имеющийся комплект одежды.

– Непременно, – пообещала я. – Закричу так громко, что у вора лопнут барабанные перепонки.

– Я имел в виду – чтобы услышал я, – уточнил Андре. – Но, Впрочем, твой вариант тоже неплох.

После чего шагнул в воду.

Конечно, это заняло больше нескольких минут, но мне было не жалко. Погоня за нами явно пока не наклеывалась, от поселений мы успели уйти достаточно далеко, и ни в какое конкретное место не спешили. Хотя вопрос, что делать дальше, в самое ближайшее время обещал встать остро.

Выбравшись на берег, Андре не спешил одеваться, стремясь сначала немного обсохнуть в лучах пока еще не спрятавшегося за облаками солнца.

– Эрта, послушай... – В его интонации сквозила напряженность. Андре явно чувствовал себя неловко, что я до сих пор замечала за ним не слишком часто. – Я должен буду ее переодеть, – сказал он, объясняя причину замешательства, а заодно используя местоимение третьего лица для смягчения формулировки. – Эта одежда слишком старая и... сама видишь, в каком она состоянии. Мы не знаем, как долго сможем избегать встречи с людьми. Девушка без сознания в любом случае будет вызывать вопросы, но так, – он устремил многозначительный взгляд на мою изорванную и перепачканную в крови блузу, – их будет слишком много. И потом, эти рукава слишком короткие, они не скрывают следы от кандалов.

Зря он так распинаяется с объяснениями. Ясное дело, что избавиться от моих обносков необходимо, а сама я не переоденусь. Однако, сколь это ни нелепо, определенную долю неловкости я тоже испытывала.

– Действуй, – просто сказала я и, чтобы как-то разрядить обстановку, спросила: – Думаешь, в платье Эстер рукава достаточно длинные?

– Похоже на то, – кивнул Андре, извлекая платье на свет. – Она выше и полнее тебя, так что, наверное, платье будет великовато, но зато рукава скроют запястья. Как ты думаешь, – я снова почувствовала, что вопрос заставляет его напрячься, – может быть, ее стоит ненадолго занести в воду? Может, от этого ей станет лучше? Или не стоит?

Я отчего-то снова напряглась, но постаралась сосредоточиться. Логика подсказывала, что сделать так, как говорит Андре, безусловно стоит. Навряд ли это хоть как-то отразится на моем состоянии, но есть другой момент, о котором мой спутник из деликатности умалчивает. Я не имела возможности даже элементарно умыться в течение... полутора месяцев? Более долгого срока? Так или иначе, такой недостаток стоит исправить. Тем более что скоро погода испортится, а уж тогда купаться точно будет нельзя. Иначе в моем нынешнем состоянии недолго подхватить воспаление легких.

– Наверное, стоит, – сдержанно ответила я. – Ты прав.

Андре коротко кивнул. Больше мы ничего не обсуждали, и от этого как-то сразу стало проще. Андре снял с моего тела блузу, потом длинную широкую юбку, тоже изрядно пострадавшую за эти недели, потом нижнее белье. И занес в воду.

Через несколько минут мы вернулись на берег. В качестве полотенца Андре использовал одеяло. А я отчего-то все смотрела на свои мокрые волосы и думала о том, что их уже никогда не привести в приемлемый вид. Такие колтуны даже самым лучшим гребнем не расчешешь.

Андре взял в руки платье жены кузнеца, но тут возникла очередная загвоздка. Он с сомнением покосился на мой корсет, оставленный на берегу.

– Простые женщины такого не носят, – поняла его молчаливый вопрос я. – А это платье простой женщины. Да и потом, все равно все мои вещи в таком состоянии, что их лучше выбросить.

– Закопать, – поправил Андре, приступая к одеванию. – Маловероятно, чтобы наш путь так точно проследили, особенно учитывая, что сегодня пойдет дождь и следов не останется. Но на улики можно наткнуться и случайно. Так что лучше перестраховемся.

Никаких возражений я не имела. Между тем Андре надел на меня видавшее виды, зато чистое платье. Юбка приятного глазу оттенка, нечто среднее между красным и оранжевым, с белой вертикальной полосой. Верх тоже двуцветный, но там белый преобладал, а вот рукава были все такими же красно-оранжевыми.

Андре был прав: длинные рукава надежно скрывали следы от кандалов. Платье действительно было великовато, и мне даже вдруг стало от этого грустно. Я бесшумно засмеялась сама над собой: в моем положении не хватает только страдать от отсутствия идеально

сидящей на фигуре одежды. Еще мне подумалось, что мой спутник явно имеет неплохой опыт одевания женщин. Ну или раздевания, что более вероятно.

В качестве последнего штриха Андре взял нож и, сев у самой кромки воды, принялся бриться. И то верно: заросший за месяц своего пребывания в тюрьме, он имел шансы серьезно напугать прохожих, буде таковые встретятся нам на пути. Время от времени Андре чертыхался – нож был отнюдь не бритвенный, да и речная вода мало напоминала зеркало. Однако в конечном итоге результат получился вполне сносный, хотя и не без нескольких порезов.

Я с любопытством разглядывала Андре, который сейчас выглядел значительно моложе, чем несколько минут назад. С густой неухоженной бородой, отросшей в тюрьме, он выглядел лет на сорок. Теперь же вернулись те тридцать – тридцать два, которые я была готова ему дать, когда мы только-только познакомились.

– Куда теперь? – спросила я, когда Андре, полностью готовый продолжать путь, перекинул через плечо собранную сумку.

– Главным образом как можно дальше от этих мест, – ответил он. – В конечном итоге либо за границу, либо как минимум в какую-нибудь удаленную провинцию. Первое, конечно, предпочтительнее.

Он не стал уточнять, что о Дельмонде и вообще о северной части страны речи не идет. Я тоже не стала поднимать эту тему, вне всяких сомнений болезненную.

– Трактов пока будем избегать, – продолжал излагать планы на ближайшее будущее Андре. – Вообще, чем дальше сможем идти через лес, тем лучше.

– Ну и как ты собираешься такими темпами добраться до границы? – мрачно спросила я. – Я ведь тебя предупреждала, что стану обузой. Далеко ли уйдешь с таким грузом на руках? Без меня ты бы уже успел одолеть в несколько раз большее расстояние, чем сейчас. А что будет дальше?

– Послушай, перестань нудить, – довольно-таки беспечным тоном откликнулся Андре. – Единственное, чего мне не хватало в дороге, так это призрак-нытик. Вот это действительно настоящая обуза.

– Ах так? – обиделась я.

– А ты как думала? – насмешливо осведомился Андре. – Нытик мне в пути совершенно ни к чему. А вот друг, который указывает дорогу, проверяет наличие погони, всегда может подняться над лесом и оглядеться и с которым можно поговорить по душам, – вот это никакая не обуза.

Развивать тему дальше я не стала. Что и говорить, его слова были мне приятны, но будем откровенны: очень трудно путешествовать с бесчувственным телом на руках, особенно когда надо преодолеть столь большое расстояние. О том, чтобы нанять экипаж, не могло идти и речи – слишком дорого. Андре успел пересчитать имевшиеся в нашем распоряжении деньги, выходило пять квадров и несколько дюжинников. Прокормиться можно, но никак не пересечь в карете полстраны. Тем более что путешествующие в экипаже люди не останавливаются на ночлег в лесу. А в гостинице у Андре слишком велик шанс быть узнанным, да и неизвестно, многие ли люди знают в лицо меня. К тому же на гостиницу тоже требуются деньги.

– Есть еще одна сложность, – все-таки решила высказать свои опасения я. – Если ты встретишь какого-нибудь знакомого, сможешь вовремя его узнать и скрыться. Но если кто-нибудь узнает меня, я даже не буду иметь об этом ни малейшего представления.

– Это верно, – и не думал спорить Андре. – Но, знаешь, возможных случайностей и так бесчисленное число. Если будем раньше времени волноваться из-за всего, проще сразу сдать стражникам. А у меня такое желание пока не прорезалось. К тому же я кое-что слышал

о людях, потерявших память. Не исключено, что, встретив кого-то знакомого, ты вспомнишь свое прошлое.

Я промычала в ответ нечто неразборчивое. Теперь, в таком контексте, вероятность случайной встречи со знакомым показалась безумно низкой.

– Кстати, по поводу твоего прошлого, – задумчиво проговорил Андре. – Информации, конечно, мало, но кое-что все-таки есть. Ты обратила внимание, что у тебя на плече нет «короны»?

– Обратила.

Мне не нужно было спрашивать, что именно он имеет в виду. Этот нюанс я прекрасно помнила, видимо, именно оттого, что лично ко мне он отношения не имел. Около трехсот лет назад в Риннолии и соседних королевствах разразилась эпидемия песочной оспы. Эта болезнь унесла много жизней. Действенного лечения от нее не было, если человек заболел, то либо его организм справлялся с недугом, либо нет. Однако лекарям удалось изобрести прививку, не позволяющую этой болезнью заразиться. Прививка однако же стоила безумно дорого и оттого была доступна в основном знати. Укол делался в левое плечо, на котором на всю жизнь оставался небольшой след, шрам, по форме слегка напоминающий корону. Постепенно такие шрамы стали своего рода символом дворянского происхождения. Время шло, болезнь исчезла с лица земли, но всем детям аристократов, достигавшим трехлетнего возраста, продолжали делать эту прививку. Только теперь она стала не залогом здоровья, а признаком высокого происхождения, своего рода отличительным знаком. У Андре такая «корона» на плече была. У меня – нет.

– Только не говори, что не женишься на мне из-за такой малости, – пошутила я, припомнив нашу болтовню в камере.

– После всего, через что мне пришлось пройти за последний месяц, тема социального неравенства беспокоит меня в последнюю очередь, – усмехнулся Андре. – Но речь не о том. «Короны» у тебя нет. Но одежда при этом очень дорогая. Особенно белье.

Ну да, мои юбка и блуза пришли в слишком плачевное состояние, чтобы по ним можно было что-то понять. А вот корсет и вправду оставлял мало вопросов. Такой точно стоил не менее восьми квадров.

– Откуда ты знаешь, сколько стоит женское белье? – съязвила я. – Что, покупал кому-нибудь в подарок?

– Не без этого, – уклончиво ответил Андре, впрочем несколько не смущенный.

– Ладно, допустим, что я не была дворянкой и при этом могла позволить себе дорогие вещи. И какой ты из этого делаешь вывод? Что я была любовницей какого-нибудь аристократа?

– Совсем необязательно, – возразил Андре, видимо, почувствовав, что последний вопрос я произнесла довольно-таки раздраженно.

Однако по выражению его лица я поняла, что такой вывод кажется ему вполне вероятным. В общем-то он прав, это было логично. Особенно в сочетании с нашими предыдущими домыслами. К примеру, я могла оказаться любовницей дворянина, тайно сражавшегося против короля. И попасть в тюрьму после того, как об этом узнали. Но что-то во всей этой идее категорически мне не нравилось. Трудно сказать, что именно. Точно не факт «жизни во грехе». Ничего постыдного в жизни с мужчиной вне брака я не видела. Скорее меня смущала второстепенность собственных ролей. Деньгами не обладала сама, а получала от любовника. Борьбу в подполье не вела, а попала из-за все того же любовника. Все это не вязалось с не покидавшим меня ощущением собственной самостоятельности. Или оно развилось уже сейчас, после смерти?..

– Ты могла быть дочерью зажиточного купца или сделать собственную карьеру, – привел альтернативные варианты Андре.

– Могла, – без особого энтузиазма отозвалась я.

Возможностей много, но что толку? Я все равно ничего не помню. Ровным счетом ничего.

Глава 5

*Дорога вперед, дорога назад.
Потерянный друг, обиженный брат,
Что выберешь ты свою тропой,
И кто уведет тебя за собой?*

Канцлер Гу. To friends

Погодник не обманул. Дождь зарядил часа за полтора до заката. Зная о приближении непогоды заранее (воистину: предупрежден – значит вооружен), мы успели найти подходящее убежище. Небольшой участок земли был надежно укрыт от дождя нависающими над ним еловыми лапами. Густая хвоя пропускала разве что редкие капли, и то лишь тогда, когда их заносило сбоку резкими порывами переменчивого ветра.

Дождь закончился примерно через час. Теперь, казалось бы, можно было выбраться на свободу из тесного для двоих пространства. Беда заключалась в том, что земля вокруг успела основательно промокнуть. С ветвей обильно падали капли, создавая своеобразный вторичный дождь. В придачу к этому сильно похолодало, и с окончанием осадков температура к лучшему не изменилась. Да и ветер, разнесший полнящиеся водой тучи, продолжал дуть с прежней силой. А между тем лес в самое ближайшее время обещал окончательно погрузиться в ночную тьму. Продолжать путешествие в подобных условиях не имело смысла. Так что на ночлег остались на том же месте.

Андре долгое время пытался развести огонь, чертыхаясь куда более основательно и смачно, чем во время бритья. Безрезультатно. Хворост безнадежно отсырел. В таких условиях разжечь костер можно разве что с помощью маголька – специально разработанного магического предмета, внешне похожего на уголек, которого бывает достаточно для получения огня на продолжительное время даже в условиях полного отсутствия хвороста. Такие магольки не являлись редкостью и продавались совсем недорого, однако же нам ими обзавестись пока не довелось.

Наконец Андре оставил свои бесплодные попытки и занялся ночлегом. Перекусить он уже успел, пока мы пережидали в убежище дождь. Точнее, Андре и мое тело его пережидали, мне же льющая с неба вода никак навредить не могла, поэтому я долгое время находилась снаружи, слушая, как капли бьют по веткам, как их смачно впитывает жадная до влаги земля, как шуршат под дождевыми струями сухие листья. Мокрые сухие листья...

Воспоминания о дожде ввели меня в состояние пассивной задумчивости, и я сама не заметила, как Андре закончил приготовления ко сну. Поскольку в укрытии под еловыми ветками было очень тесно, он уложил там только меня, бережно укрыв нашим единственным одеялом. Сам же устроился снаружи, постелив на мокрую землю имевшийся в нашем распоряжении плащ. Застегнул на все пуговицы рубашку и кожаную куртку, поднял воротник, а руки спрятал под мышками, укрывая их от холодного воздуха.

Он не спал целые сутки – не считая непродолжительной дремы, когда сидел в укрытии, согнувшись в три погибели, – и оттого, казалось бы, должен был быстро заснуть. Но нет, немного поворочавшись, снова встал и принялся ходить туда-сюда, согреваясь в движении.

– Ты должен был сам лечь внутри под одеялом, – ворчливо заявила я, мрачно наблюдая за его действиями.

– Это почему? – осведомился Андре, не останавливаясь.

Изо рта у него вылетел клуб пара.

– Потому что я не чувствую холода! – прикрикнула на него я.
Вот ведь упрямый.

– Чувствовать не чувствуешь, а простудиться наверняка можешь, – парировал он. – Уверена, что тебе это нужно в придачу ко всему остальному?

– А тебе простудиться нужно? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Я, во всяком случае, могу согреться, двигаясь, – заявил Андре, наглядно демонстрируя эту свою способность. – А ты – нет.

– Ну и как, сильно согрелся? – язвительно спросила я. – А спать в движении ты тоже можешь?

– Слушай, что ты предлагаешь?

Его голос прозвучал неожиданно раздраженно и устало. Это заставило меня перейти на повелительный тон.

– Воспользоваться единственно возможным и самым логичным способом согреться! – рявкнула я. – Значит, так. Сейчас берешь плащ и залезаешь под дерево. Ложишься рядом с ней, вплотную. Тогда сможете уместиться там вдвоем и согреете друг друга теплом собственных тел. Укроетесь на пару одеялом, сверху постели еще и плащ. Тогда авось до утра продержитесь.

Спорить и жеманиться Андре не стал. Одобрительно хмыкнул и, прихватив плащ, последовал моему совету.

Ну вот, отстраненно подумала я. Bravo, Эрта, зря времени не теряешь. Глазки не строила, улыбки не расточала, палец о палец не ударила, а вот уже проводишь ночь в обнимку с молодым знатным мужчиной. И это ты еще мертвая! Даже страшно подумать, каких бы успехов ты достигла, если бы была живой...

Прошло не более получаса. Мгновенно уснувший Андре лежал в обнимку с моим телом, ровно дыша. Вдруг из-за деревьев послышалось монотонное поскрипывание и чавканье земли под лошадиными копытами. Затем эти звуки затихли, и вскоре им на смену пришел мужской голос:

– Остановимся здесь! Лайта устала, а места получше все равно сегодня уже не найдем.

Мужчина кричал, по-видимому обращаясь к кому-то, кто находился сравнительно далеко от него.

Я напряглась, продолжая концентрировать свое внимание на доносящихся из-за елей звуках. Что это? Погоня? Да нет, непохоже. Но даже если незнакомцы и не по нашу душу, это еще не значит, что они не опасны. В лесу можно встретить всяких людей. Ладно, чем гадать, лучше проверить. Приняв такое решение, я оставила Андре в укрытии, а сама устремилась на голоса.

Сразу за деревьями обнаружилась прогалина, на которой стояли две повозки, одна запряженная белой кобылой, другая – пегой, рыжей в крупных белых пятнах. На каждой повозке висело по фонарю; внутри ютились огоньки, укрытые от ветра стеклянными стенками. Когда я приблизилась, с козел первой повозки как раз спрыгнул молодой мужчина. Светловолосая женщина откинула полог.

Всего путешественников оказалось четверо: двое мужчин и две женщины. Бродячие актеры, судя по характерно расписанным фургонам. Я почувствовала себя спокойнее. Значит, нет причин ожидать от них неприятностей.

Один мужчина, который был постарше, накинул на плечи своей спутницы какую-то верхнюю одежду из теплой ткани. По-моему, это был старомодный кафтан, судя по яркости его расцветки – из реквизита. Молодая женщина принялась извлекать из фургона разные тряпки, а второй мужчина присел на корточки в нескольких шагах от остальных и бросил что-то на землю. Через секунду перед ним загорелся маленький огонек. Наклонившись

пониже, мужчина принялся раздувать пламя. Стало быть, у них есть магольки. Что и неудивительно, учитывая, что этим людям в силу профессии приходится вести образ жизни, который предполагает частые ночевки под открытым небом.

М-да, я явно не была при жизни бродячей артисткой, с горькой усмешкой подумала я. Раз уж информация об этой профессии из памяти не стерлась.

Артисты продолжали обустраивать свой временный лагерь, по-видимому собираясь жарить на огне пищу. Я же возвратилась к нашему убежищу. Что я никак не могла решить, так это будить ли Андре или предоставить ему спокойно спать до утра. С одной стороны, мой спутник страшно устал и, коли уж уснул, следовало дать ему возможность отоспаться. С другой, наверняка здесь было холодно даже для двоих, в то время как всего в двадцати шагах отсюда в данный момент разгорался уютный и манящий огонь. Да и едой бы артисты наверняка поделились. Люди этой породы обычно не жадны и гостеприимны, да и вообще среди путников принято делиться и помогать друг другу. Наверное, такой обычай стал частью культуры как своего рода условие выживания. Переданной кузнецом и его женой еды оставалось немного, и, хотя у нас были деньги на провизию, Андре пока не решался навещать в деревни, где ее можно было купить.

Пока я раздумывала, Андре заворочался и приподнялся на локте, видимо разбуженный принесенными ветром голосами. Что ж, теперь моя дилемма разрешилась сама собой.

– Что там? – спросил Андре.

Он говорил сонным голосом, но рука уже скользнула к рукояти меча.

– Артисты, – поспешила успокоить его я. – Видимо, переезжают из города в город. Остановились здесь на ночлег. По-моему, тебе стоит пойти к ним. У них есть маголёк. Костер уже разгорелся. Да и потом, вдруг получится попроситься в попутчики? Сам ведь понимаешь, далеко мы так, как сейчас, не уйдем.

– Не начинай, – поморщился он, вставая.

Выбравшись из-под веток, судорожно передернул плечами, в полной мере ощутив царивший в лесу холод. Натянул вниз рукава, стараясь сделать так, чтобы они прикрывали хотя бы края ладоней.

– Ладно, коли так, пойдем вместе, – постановил он, немного подумав, после чего закинул за спину сумку и вытащил меня из-под ветвей.

Укрыл мое тело одеялом и понес туда, откуда раздавались голоса. Я полетела вместе с ним, привычно держась у себя над головой.

На наше появление не сразу обратили внимание, и Андре кашлянул, чтобы его заметили прежде, чем он заговорит. В нашу сторону сразу же устремились заинтересованные взгляды всех четверых.

– Здравствуйте! – приветствовал артистов Андре. – Не пустите посидеть у вашего огня?

– Садитесь, конечно! – ни секунды не сомневаясь, откликнулась миловидная светловолосая девушка.

Она сразу же встала, вытащила из фургона широкую и плоскую подушку и положила ее на землю недалеко от костра. Остальные немного потеснились, освобождая для нас место. Они тоже сидели кто на похожих подушках, кто на толстом, сложенном в несколько раз одеяле, защищавшем от холода мокрой земли.

Андре со словами благодарности опустил на подушку, продолжая держать меня на руках.

– Что с ней? – спросила девушка. – Она спит? Устала с дороги?

– Н-нет, – покачал головой Андре. У нас было время подумать, что говорить на этот счет. – Она больна.

– Вот как? – подал голос молодой черноволосый мужчина.

У него было очень красивое лицо, хотя, возможно, и не слишком мужественное. Прямой нос, темно-карие глаза, высокие скулы. Правильные, будто точеные черты лица. Роста он был невысокого, худой, но хорошо сложен. И голос тоже не подкачал. А вот слова оказались менее приятными.

– Если у нее холера, ветряная оспа или еще какая-нибудь гадость в этом роде, лучше сразу идите своей дорогой! – жестко сказал он.

– Ян, ты что?! – воскликнула девушка, нервно всплеснув руками. – Разве так можно? Она перевела на Андре виноватый взгляд.

– Еще как можно, – равнодушно ответил тот. – Я, между прочим, тебя же избавляю от риска заразиться. Так что лучше скажи мне спасибо.

– У нее не холера и не оспа, – холодно ответил Андре. – Эта болезнь совершенно не заразна. Она упала с лестницы, потеряла сознание и теперь не приходит в себя.

Я достаточно хорошо успела узнать своего спутника и понимала, что высказывание артиста его разозлило. Однако Андре был достаточно умен, чтобы не высказывать свое недовольство вслух. В конце концов, хозяевами здесь были не мы, а артисты, и они имели полное право при желании указать нам на дверь. Да и вообще ссориться с ними было сейчас не в наших интересах. Что же касается меня, я и вовсе сочла поведение молодого артиста совершенно нормальным. Да, возможно, он высказался недостаточно дипломатично, но в остальном был вполне прав. Доброта, конечно, штука хорошая, но жизнь и здоровье близких людей ценнее, чем кратковременное удобство случайных попутчиков.

– Ох! – Девушка снова всплеснула руками. Сидевшая рядом с ней женщина постарше сочувственно цокнула языком. – Бедная! А что же лекарь?

– Надавал всевозможных порошков, но пока ничем помочь не смог, – ответил в соответствии с заранее придуманной легендой Андре.

Девушка снова вернулась к фургону, забралась внутрь, и через пару минут вернулась с одеялом и еще двумя кафтанами, на этот раз особенно длинными.

– Уложите ее вот здесь и отдохните, – предложила она, расстилая одеяло с противоположной стороны от огня.

– Спасибо.

Андре опустил меня на одеяло, затем, приподняв, надел на меня протянутый девушкой кафтан, после чего укрыл нашим собственным одеялом. А сам обошел костер и уселся на прежнее место, накинув второй кафтан себе на плечи. Недолго подумав, я отправилась следом за ним и на сей раз устроилась у него над головой. Андре вытянул руки к огню.

– Разделите с нами трапезу, – доброжелательно произнес второй мужчина, как раз заканчивавший жарить над костром очередную порцию мяса.

Капля жира упала на маголёк, который отозвался громким шипением. Мне даже показалось, что я чувствую будоражащий желудок запах мяса, смешавшийся с запахом дыма, хотя в действительности обонянием в своем нынешнем состоянии не обладала. Андре с благодарностью принял еду.

– Как вас зовут? – спросила девушка.

– Артур Делл, – ответил Андре, подправив имя, но сохранив инициалы. Чем меньше путаницы, тем лучше. – А это моя жена, Эрта.

Поскольку это имя я выбрала себе сама, никаких причин скрывать его не было.

Пока наши новые знакомые представлялись в свою очередь, я перебралась поближе к костру и стала рассматривать их сквозь взмывающие над огнем искры. Светловолосую девушку звали Мирта. Ее внешность и манера поведения располагали к себе. Она была из тех женщин, от чьего облика веет уютом; я бы назвала ее домашней, хоть это и странный эпитет для бродячей артистки. Мирта обладала вполне привлекательной внешностью, однако существенно уступала в этом отношении своему мужу, Яну. О возрасте разговор не захо-

дил, но, думаю, им обоим было приблизительно лет по двадцать пять. Другие двое принадлежали к более взрослому поколению и, как оказалось, являлись приемными родителями Мирты. Женщину звали Розалия. Она была довольно высокой, как и Мирта, светловолосой, и чуть полноватой. Впрочем, учитывая возраст, ее фигура сохранилась весьма хорошо, к тому же полнота придавала ее облику некоторый шарм. Движения Розалии были мягкими, взгляд голубых глаз, под которыми пролегли тонкие полоски морщинок, – пронизательным. Ее муж, Джей, был весьма энергичным и веселым мужчиной лет пятидесяти. Его темные волосы основательно испещрила седина, однако солидности это не придавало, возможно, в силу того простого факта, что выглядеть солидно этот человек совершенно не стремился. Он смотрел вокруг себя озорным мальчишеским взглядом, то и дело отпускал шуточки (за рамки приличий ни разу не вышел, хотя периодически балансировал на грани) и знал массу забавных историй. Причем все они были якобы из реальной жизни, и он умудрялся рассказывать их так, что, невзирая на комизм описываемых ситуаций, с легкостью верилось, что так оно действительно и было на самом деле. И лишь последующее обдумывание рассказанного заставляло скептически улыбнуться, сознавая, что, вероятнее всего, вся история выдумана от начала и до конца.

– Так вы, стало быть, артисты? – задал риторический вопрос Андре, дабы поддержать разговор.

– Да, мы из тех странных людей, которым не сидится на одном месте, – добродушно усмехнулся Джей. – Ездим по городам и весям, смотрим вокруг и развлекаем публику.

Ян коротко усмехнулся такой характеристике.

– И что за представление вы даете?

Я с любопытством присмотрелась к своему спутнику, стараясь понять, что именно скрывается за этим вопросом. Простое любопытство? Или подозрительность? Возможно, он пытается найти лишнее подтверждение тому, что встретившиеся нам люди – действительно артисты? А может быть, просто стремится поддержать разговор, поскольку таково негласное правило путешественников – за гостеприимство, еду и очаг расплачиваться общением.

– «Прекрасная дама и отважный рыцарь», – со смешком сообщила Мирта.

Я фыркнула. Могу понять прозвучавшую в ее голосе иронию. Уж больно напыщенным и одновременно избитым казалось такое название.

– Это пьеса, основанная на старой легенде, – пояснила между тем девушка. – Наверняка вы слышали историю про дракона, в жертву которому горожане каждый месяц приносят по девице. А потом появляется прекрасный рыцарь, который спасает очередную девушку, убив дракона. Вот об этом наш спектакль. Немного старомодно, но людям нравится, – развела руками она, словно извиняясь.

– Вечная тема, – улыбнулся Андре. – Женщина, для которой честь – не пустое слово, и мужчина, способный на деле доказать, чего стоит. Зрители обоих полов находят в сказке то, о чем мечтают.

– Ух ты! – впечатлилась я. – А ты никогда не пробовал подрабатывать театральным критиком? Ишь какой глубокий анализ провел, так, между делом!

Андре закатил глаза к небу, поскольку словесно отреагировать на мое подтрунивание в данный момент не мог. Но потихоньку сжал кулак покоящейся на коленях руки, дабы я не расслаблялась и знала: как только останемся одни, он мне это припомнит.

Артисты моих слов, понятное дело, не слышали, поэтому отреагировали исключительно на реплику Андре. Розалия и Джей согласно покивали, Мирта чуть скептически повела плечом. Ян отнесся к обсуждению пьесы довольно-таки безразлично.

– Вы, полагаю, играете прекрасную даму? – продолжил беседу Андре, обращаясь к Мирте.

Та, усмехнувшись, кивнула.

– О, продолжай очаровывать девушку, у тебя хорошо получается! – подначила со своей стороны я.

Пристроенный на колене кулак сжался посильнее и едва заметно шевельнулся из стороны в сторону.

– Ну вот, – с наигранной горечью покачала головой Розалия, – вы сразу обо всем догадались. Я, стало быть, на прекрасную даму уже не тяну.

– Ничего подобного! – поспешил исправить оплошность Андре.

Впрочем, особенно не нервничал, – артистка уже весело рассмеялась.

– На прекрасную даму ты, бесспорно, тянешь, дорогая, – добродушно похлопал жену по плечу Джей. И, лукаво сверкнув глазами, добавил: – А вот на девственницу не очень.

– Джей! – укоризненно покачала головой Мирта.

Приемных родителей она называла не «папа» и «мама», а по именам, но в остальном было похоже, что отношения у них действительно по-семейному теплые.

– Ян играет рыцаря и спасает меня от дракона, – сообщила Мирта, переводя разговор в более пристойное русло.

Ее муж улыбнулся уголками губ, встретив взгляд Андре.

– А кто играет дракона? – осведомился последний.

– Ваш покорный слуга, – с гордостью ответил Джей. – Я похищаю прекрасную даму и, увы, погибаю от руки вот этого мальчишки-рыцаря.

Я с любопытством разглядывала артистов. Сказать по правде, нелегко было представить веселого и позитивного Джея в роли кровожадного чудовища. Но, впрочем, кто знает, каким именно изображен в этой пьесе дракон. К тому же хороший артист, если Джей таким является, должен быть способен на перевоплощение.

– А вы?

Андре повернулся к Розалии.

– А я выступаю в роли престарелой матери, страдающей, когда у нее забирают дочь, – улыбнулась она.

– Что ж, уверен, это отличный спектакль, – подытожил Андре. – Жаль, что мне не довелось его увидеть.

– О, не так уж и много вы потеряли, – рассмеялась Мирта. – Но мы разговорились о ерунде. – Ее лицо вмиг приняло серьезное выражение. – Давно это случилось с вашей женой?

– Несколько дней назад, – ответил Андре.

Называть более близкий к действительности срок было бы неблагоприятно. Одно дело человек, пребывающий без сознания несколько дней, и другое – полтора месяца. Последнее вызывает слишком много вопросов. На которые ни у меня, ни у Андре ответов, кстати сказать, нет – даже если бы мы захотели их дать.

– А что сказал лекарь? – сочувственно спросила Розалия.

Андре сжал губы и развел руками.

– Ничего толкового, – пояснил свою жестикуляцию он. – Долго разглагольствовал о возможном диагнозе на каком-то ему одному понятном языке. Точнее, язык-то был риннолийский, но в их медицинских терминах сам черт ногу сломит. А толку чуть. Надавал нам всяких порошков. Я разводил их с водой, поил ее так, как было сказано. И ничего. Никакого результата. Показал ее еще одному лекарю. В итоге оба они признались, что случай редкий, сложный и им не по зубам. Посоветовали искать лекаря, который специализировался бы именно на подобных проблемах. В нашем городке таких лекарей нет. Вот я и решил отправиться на поиски.

– Что, пешком? – изогнул бровь Ян. – А почему вместе с ней? Недалеко небось уйдете.

– Так выбора не было, – откликнулся Андре. – Лекарства и доктора стоят дорого. На плату за жилье денег не осталось, так что и оставить Эрту мне было негде.

– А родственники? – удивилась Розалия. – Неужели отказались приютить?

– Да нет у нас никого, – махнул рукой Андре.

Артисты немного помолчали.

– И что же, вы вот так идете наугад? – снова задал вопрос Ян. – Без определенного адреса? Даже неизвестно в какой город?

– Не совсем, – качнул головой Андре. – Я собрал кое-какую информацию. Есть несколько адресов в разных городах. Кто из этих лекарей сможет помочь, да и сможет ли хоть кто-нибудь, неизвестно. Но все они специализируются как раз на таких травмах, как у Эрты.

На этом наша легенда была более-менее закончена. Я напряженно наблюдала за реакцией наших новых знакомых. Слабые места в рассказанной Андре истории были, и мы оба прекрасно это понимали. Беда заключалась в том, что для такой странной, как мы, компании невозможно было придумать историю, которая объяснила бы все странности, не вызвав и тени подозрений. Оставалось надеяться, что слушатели не станут выискивать нестыковки. Либо закроют на них глаза, сочтя, что реальное положение вещей – личное дело Андре.

Так или иначе, расспрашивать дополнительные подробности никто не стал. Ян и Джей смотрели на моего спутника с любопытством, Мирта – с восхищением.

– Вы – молодец, – серьезно сказала Розалия. – Мало какой муж проявил бы такую заботу о своей жене. Большинству было бы проще сказать, что положение безвыходное, и опустить руки.

– Бросьте, – отмахнулся Андре, явно не обрадованный похвалой.

Было очевидно: мой спутник чувствует себя весьма неловко от похвал в свой адрес, поскольку рассказанная им история – вымысел и, следовательно, никаких восхищений он не заслужил. Я мысленно усмехнулась. Вот ведь глупец! В действительности он поступил куда более самоотверженно, чем по легенде. Ведь я была ему не женой, а в общем-то практически никем. К тому же ни о каком лекаре, способном мне помочь, мы не знали, а стало быть, мое исцеление представлялось практически невозможным. В придачу за нами в любой момент могла начаться погоня. Один, налегке, он бы передвигался намного быстрее и гораздо легче сумел бы затеряться. И тем не менее он не только меня не бросал, но даже ни разу не выказал недовольства сложившейся ситуацией. Впрочем, наверняка последнее – дело времени. И тем не менее. Признаться, я до сих пор не до конца понимала мотивы его поступков. Но одно не вызывало сомнений. Если герой нашей легенды заслуживал восхищения Розалии и Мирты, то настоящий Андре заслужил его тем паче.

– Розалия права, – вмешалась, прерывая мои размышления, Мирта. – Уверена, ваша жена будет чрезвычайно благодарна вам, когда поправится.

– Главное, чтобы она поправилась, – прервал проявление восторгов заметно покрасневший Андре.

Раскраснелся он, конечно, не от удовольствия, а по причине, названной мною выше.

Меж тем артисты переглядывались друг с другом, как будто мысленно совещались. Джей едва заметно кивнул, Ян, пожевав губами, склонил голову набок, Розалия согласно прикрыла глаза.

– Вы могли бы поехать с нами, – обратилась к Андре Мирта. – Если, конечно, вам с нами по пути.

– Буду очень благодарен! – сказал Андре, на сей раз вполне искренне. – А куда вы направляетесь? У вас какой-то определенный маршрут? Или просто ездите из города в город?

– В большинстве случаев последнее, – ответил Джей, – но сейчас особенная ситуация. Мы едем в Вессинию.

– В Вессинию? – не удержавшись, повторил Андре.

– В Вессинию?! – беззвучно для всех, кроме него, воскликнула я.

Это была большая удача. Вессиния – королевство, граничащее с нашим на западе. А выбраться за пределы Риннолии – это именно то, чего мы хотели.

– Да, туда, – подтвердила Мирта. – Какое-то время мы жили в столице, давали представления там. А потом получили приглашение на большое празднество, которое устраивают в Вессинии в честь бракосочетания тамошнего принца. Туда съезжается около десяти трупп, и вот, нас тоже пригласили поучаствовать.

– И вы согласились поехать так далеко? – выразил удивление Андре, хотя его лицо светилось от радости. Еще бы, такая удача выпала на нашу долю! – От нашей столицы до вессинийской, должно быть, неделя пути.

– Больше, – вмешался Ян. – Лошади не могут слишком быстро везти фургоны. К тому же мы стараемся останавливаться во всех что-то из себя представляющих селениях и давать спектакли. Необходимость заработка никто не отменял.

– Поэтому мы и выехали заранее, – кивнула Мирта. – Дорога долгая, но она имеет смысл. Вы просто не знаете специфику нашей профессии. Такое предложение – большая удача и открывает хорошие перспективы, если, конечно, представления пройдут успешно. Некоторые труппы именно после таких приглашений получали возможность открыть собственный театр. Ну это, конечно, редкость, – поспешила добавить она, смешавшись под скептическими взглядами Яна и Джей. – Но перспективы в любом случае хорошие. Да и потом я, например, всегда мечтала попасть на гастроли за границу. А в Вессинии, к счастью, нет языкового барьера.

Это была чистая правда. Лет сто назад Вессиния являлась частью Риннолийской империи и говорили там по-риннолийски. Затем произошел раскол, в результате которого Вессиния превратилась в суверенное государство, но язык-то по-прежнему оставался риннолийский.

– Ну как, подходит вам наш маршрут? – поинтересовался Ян.

– Идеально подходит, – подтвердил Андре. – Один лекарь, которого мне особенно горячо рекомендовали, живет именно в Вессинии.

– О, ну вот и чудесно! – чуть не захлопала в ладоши Мирта.

– Я безумно вам благодарен, – повторил Андре. – Надеюсь, мы не будем слишком большой обузой. Я постараюсь помочь, чем смогу, к тому же у нас есть кое-какие деньги. Не слишком много, то, что удалось собрать.

– Бросьте, – отмахнулась Розалия. – Деньги мы и сами всегда заработаем, голодными не останемся. А помощь, может, и пригодится, кто знает.

– Ну вот и договорились, – удовлетворенно заключил Джей.

– Ты молодец! – шепнула я Андре на ухо, хотя в том, чтобы шептать, необходимости в принципе не было.

– А теперь можно расслабиться, – объявил Джей.

После чего извлек из-за пазухи трубку и принялся неспешно набивать ее табаком.

– Ох, Джей, опять? – недовольно покосилась на него Розалия.

– А что такого? – отозвался ее муж. – В такую погоду самое оно. И расслабляет, и согревает.

– Это же так вредно! – пробурчала Розалия.

– Дорогая, ты у меня такая красивая! – бодро заявил в ответ артист.

– Джей, я знаю тебя как облупленного! – возмутилась Розалия. – Неужели ты думаешь, что это сработает?

Однако же по ее улыбке было видно, что лезть вполне себе сработала. Джей, усмехаясь, обнял жену за плечи и привлек к себе. Та сопротивлялась, но вяло. На этом тема вреда курения была исчерпана.

Я приглядывалась к табаку, наполняющему старую вишневую трубку, а затем к вьющимся на ветру струйкам дыма, которые Джей выпускал изо рта. Мне почему-то показалось, что я люблю запах табака. Но проверить этого я не могла.

Накурившись, Джей ходил к фургону и вернулся с гитарой. Как выяснилось впоследствии, это была своего рода традиция, без песни здесь спать не ложились. Я ожидала чего-нибудь традиционного, вроде баллады о несчастной любви или поучительной истории в стихах. Но нам повезло, кажется, дань традиции тут отдавалась исключительно для широкой публики. Исполненная Джейем песня звучала так:

Король сынов собрал у трона
(Должно быть, был навеселе):
«Чтоб вам супруг найти законных,
Пусть каждый пустит по стреле.

Стрела в селенье приземлится,
И вы отправитесь за ней.
Вот там и встретите девицу,
Невестку мне на склоне дней».

Один промахивался редко,
И, недоумленный отцом,
Послал стрелу из лука метко...
И стал немедленно вдовцом.

Стрела второго мчала птицей,
Пока, на радость детворе,
Ей не случилось приземлиться
В одном купеческом дворе.

Добрался юноша до места...
Похолодело все внутри:
Там лишь одна жила невеста,
Ей было восемьдесят три.

Другие стрелы полетели,
Как государь того хотел.
Насилу юноши успели
Их повыдергивать из тел.

Сыграли свадьбы, но без блеска.
Мой зритель, нервы береги!
Все королевские невестки –
Кто без руки, кто без ноги.

Чтоб с вами вышло все иначе
И сокрушаться не пришлось,

Не полагайтесь на удачу,
А уж тем паче – на авось.

И не бегите к папе-маме.
Чтоб не случилась беда,
Решайте, дети, только сами,
На ком жениться и когда!¹

¹ Все стихи в книге принадлежат автору.

Глава 6

*Идти дорогой вечно –
Я дал такой обет,
Оставив дома нечто,
Чему названья нет.*

Канцлер Ги. Дорога

– Ну вот, – потирая руки, радостно проворковал дракон. – Сейчас я тебя съем!

Публика застыла в немом испуге. Джей, исполняющий роль дракона, шагнул к Мирте, пожирая ее голодным взглядом. Самодельный костюм дракона не был дорогостоящим, но работа в него была вложена, несомненно, кропотливая. Он состоял из маски дракона и комбинезона, снизу доверху покрытого круглыми лоскутками зеленой и синей ткани, призванными изображать чешуйки. Кроме того, по земле за ним волочился хвост такого же цвета, по виду напоминающий крокодила.

Андре наблюдал за ходом спектакля, сидя в фургоне и слегка отогнув полог. Хоть мы и находились не в городе, а скорее в большой деревне, куда по такому случаю сбежались жители всех окрестностей, мой спутник все же опасался случайно оказаться кем-нибудь узанным. Мое тело лежало в том же самом фургоне. Я же беспрепятственно смотрела спектакль, расположившись совсем близко к импровизированной сцене – точнее сказать, полукруглому участку земли, огороженному отчасти фургонами, отчасти декорациями, а отчасти – разложенными на траве бревнами.

Жертва стояла, прикованная цепями к скале, весьма убедительно изображенной художником на большом холсте. При виде этого зрелища мне поначалу стало не по себе. Уж слишком свежи были личные воспоминания. Как оказалось, душе от сильных негативных эмоций бывает куда более паршиво, чем живому человеку. Человек может хоть немного справиться с чувствами, используя для этой цели свое тело. Сжать кулаки, напрячь мышцы, прибегнуть к дыхательным упражнениям. У меня же никакой возможности воспользоваться подобными физическими приемами не было. Впрочем, вскоре мне удалось более-менее взять себя в руки. Помог тот факт, что цепи, пусть и тщательно сработанные, были сделаны из бумаги, а потому выглядели не слишком реалистично.

– Как же я люблю есть на обед девственниц! – рассуждал дракон, прохаживаясь по сцене и плотоядно облизываясь.

Мирта подергала руками, якобы пытаясь освободиться от оков, но безуспешно.

– Они такие вкусные! – воодушевленно продолжал Джей. – Нежная кожа, сочное мясо, а уж косточки! Мм!..

Он блаженно прикрыл глаза. Надо отдать артисту должное: играл он настолько хорошо и обладал таким недюжинным обаянием, что зрители, по-моему, постепенно начинали симпатизировать именно ему. Эдакими темпами они еще и расплачутся, когда чудовище достигнет заслуженная кара. Сейчас, во всяком случае, я отчетливо видела, как некоторые после смачных реплик дракона сглотнули слюну. Похоже, кое-кто из зрителей уже был готов тоже полакомиться парой-тройкой девственниц.

– Отпусти меня! – вскричала Мирта, снова задергавшись в цепях. – Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

Она смотрела в зал полными слез глазами, будто действительно ждала, что хоть кто-нибудь из зрителей проявит сейчас благородство. И тут Ян, успевший смешаться с публикой, решительно шагнул на сцену.

Актер был одет в костюм рыцаря, и я сразу же поняла, что мои опасения на предмет зрительских симпатий были напрасными. Сколь бы обаятельным ни был дракон, рыцарь был чертовски красив, к тому же любое внешнее несовершенство с лихвой компенсировала романтичность образа. Девушки прямо ахнули, когда он вышел на сцену. Меня их реакция сильно позабавила. То ли я никогда не была романтиком, то ли романтичность не характерна для душ, а может быть, Ян просто был не в моем вкусе, но восторга женской части публики я не разделила. На мой взгляд, Андре, хотя не так смазлив и никогда не строит из себя рыцаря, выглядит куда более мужественно. Впрочем, я ведь не женщина, а призрак, так что, возможно, не мне судить о таких вещах.

– Отпусти ее немедленно, злобный змей! – пафосно воскликнул рыцарь.

Я тихонько фыркнула. Никакой он не злобный. Очень даже веселый, жизнерадостный дракончик. Подумаешь, пообедал собрался!

Дракон мою точку зрения разделял.

– С чего это я должен ее отпускать? – изумился он. – Люди сами принесли ее в жертву. А я голоден и хочу пообедать. Если я ее отпущу, чем тогда прикажешь мне питаться? Брокколи? Или, может, супом из одуванчиков?

Судя по донесшимся со стороны зрителей смешкам, отношение дракона к последним двум блюдам многие разделяли.

– Освободи ее или пожалеешь! – с угрозой в голосе заявил рыцарь.

Дракон обвел его насмешливым взглядом.

– Пожалую? – недобро прищурившись, переспросил он. – А ты кто вообще такой?

– Я – рыцарь без страха и упрека, – торжественно объявил Ян, повернувшись при этом не к дракону, а к зрителям. – Я спасаю прекрасных дам от драконов.

– Так что же, ты хочешь со мной сразиться? – понимающе протянул дракон.

– Да, – подтвердил рыцарь. – За свою жизнь я убил немало драконов. Убью и тебя!

Джей раскатисто засмеялся.

– За свою жизнь я съел немало рыцарей, – сообщил он, передразнивая своего собеседника. – Они не такие вкусные, как девственницы, но в качестве гарнира вполне годятся. Съем и тебя.

– Ну что же, призываю вас всех в свидетели, – обратился к зрителям Ян. – Сейчас мы будем биться не на жизнь, а на смерть!

– У тебя хоть меч-то есть, рыцарь? – презрительно осведомился дракон.

– Конечно! – все так же пафосно ответил Ян. – Вот мой меч!

И он потряс перед самым носом у Джея старой железкой, отдаленно напоминающей клинок.

Дракон же совершенно неожиданным образом перепугался, отшатнулся и, мигом растеряв всю свою самоуверенность, воскликнул:

– Никак это кладенец? Меч, предназначенный для убийства драконов? Тот, что дается в руки лишь самым отважным рыцарям?

– Да, это он, – подтвердил рыцарь. – Трепещи же, злодей!

«Злодей» посчитал, что трепетать хорошо, но сражаться все-таки лучше, и ринулся в бой. С этого момента до конца спектакля осталось совсем немного. Змей был повержен, прекрасная дева освобождена, а рыцарь вознагражден поцелуем. В заключительной сцене рыцарь и прекрасная дама, благословленные матерью последней, обвенчались. Роль священника сыграл все тот же Джей, торопливо избавившийся от костюма дракона за декорациями. Как оказалось, под чешуей надежно скрывалась сутана.

Зрители долго аплодировали, а также благодарили артистов более ощутимым в материальном плане способом. Потом публика стала постепенно расходиться. Многие никуда не спешили и прохаживались поблизости, громко обсуждая друг с другом сегодняшний спектакль, а также свои личные новости. Артисты стали потихоньку собирать декорации. Поскольку зрители уже не толпились, внимательно разглядывая происходящее, Андре решил им помочь.

А затем Ян ушел, сказав, что должен кое-что купить. В целом ничего особенного в этом не было, поскольку наиболее громоздкие декорации уже были упакованы, да и рабочих рук благодаря Андре хватало. Однако же что-то мне не понравилось; то ли тон, то ли взгляд показался подозрительным. Я забеспокоилась. Какие такие покупки в вечернее время? Здесь ведь не город, где жизнь бурлит до глубокой ночи. Если бы не представление, все бы небось еще час назад разбежались по домам.

Я задумчиво смотрела в спину удаляющемуся артисту. Что, если он нас раскусил? Счел нашу историю подозрительной, дождался, пока мы доберемся до селения, а теперь собирается наступать на нас представителям закона? Какой-никакой страж порядка в крупной деревне непременно найдется. Может, вероятность такого расклада была и не слишком высока, но рисковать лишний раз не хотелось. И я поспешила следом за успешным скрыться из виду артистом.

Найти Яна не составило труда. Что ж, я была и права, и не права одновременно. Ошиблась, опасаясь, что он собирается заложить нас с Андре. Об этом он в данный момент думал в последнюю очередь. Права же я оказалась в том, что никакие покупки Яна тоже не интересовали. Поскольку в данный момент он шел по тропинке, обнимая за талию рослую черноволосую девицу, из тех, что громче всех поддерживали отважного рыцаря, стоя в первых рядах. Другие девушки, прохаживаясь на некотором отдалении, кидали на удачливую соперницу завистливые взгляды.

Ни капли не смущаясь и не терзаясь угрызениями совести, я полетела следом за парочкой. Ян шел не оглядываясь; видимо, перспектива быть застуканным его не пугала. То ли был абсолютно уверен, что за ним не последуют, то ли подобное поведение ни для кого не являлось секретом. Его рука жадно поглаживала девицу по талии, время от времени спускаясь то к бедрам, то к ягодицам. Девица и сама прилипла к артисту как банный лист и хихикала, что-то говоря ему на ухо. Ну еще бы, не каждый день удается развлечься с почти настоящим победителем драконов.

Добравшись до первых же кустов, достаточно густых и высоких, чтобы скрыться от посторонних глаз, Ян недолго думая опрокинул девицу на траву. Она рассмеялась, охотно обвив его шею руками. По-моему, они даже ни разу не поцеловались. Ян принялся расстегивать одной рукой брючный ремень, второй прижимая девушку к земле. Прелюдия оказалась на редкость короткой. Рыцарь без страха и упрека перешел сразу к делу. И действительно, чего тянуть? Его движения были резкими, нежности в них не было ни капли; руки довольно-таки грубо прижимали девушку к траве. Впрочем, ее явно все устраивало. Если на теле и останутся синяки, думаю, она будет с немалой гордостью демонстрировать их своим подружкам, а те – завидовать еще сильнее.

Причин дожидаться кульминации я не видела. Как и в случае с недавним спектаклем, проверять, чем дело кончится, смысла не имело, это было вполне очевидно и так. Поэтому я вернулась к артистам.

Декорации уже были возвращены в фургон. Джей занимался лошадьми, Мирта возилась с ужином, Розалия отдыхала, прислонившись спиной к березовому стволу.

– Где ты была? – тихо спросил Андре, когда я возвестила о своем возвращении.

– Мне не понравился уход Яна, – объяснила я. – Решила проверить, не вернется ли он сюда в обществе стражников.

– И что? – напряженно осведомился Андре.

– В этом отношении все чисто, – заверила я. – Наш отважный рыцарь одерживает в данный момент очередную победу. Правда, не над драконом, а над дамой.

– То есть? – нахмурился Андре, но, впрочем, по его голосу было вполне очевидно, что я могу и не продолжать.

– То есть в данный момент он развлекается в придорожных кустах с одной из своих поклонниц, – констатировала я.

Андре выругался сквозь зубы, с сожалением покосившись на Мирту. Девушка колдовала над котелком, и о чем она думает, было не догадаться. Услышать от Андре более внятно сформулированное мнение об измене Яна мне не довелось. Поскольку в этот момент Розалия громко застонала. Даже не застонала, скорее охнула, хватаясь за сердце. Ее спина съехала набок, лишаясь древесной опоры, голова запрокинулась. Мирта и Джей, мигом бросив все дела, подскочили к ней с разных сторон. Розалия с трудом хватала ртом воздух и, кажется, была на грани потери сознания.

– Роза, держись! Мирта, капли! – рявкнул Джей.

Он сел позади Розалии так, чтобы она могла опереться о его туловище. Мирта бросилась к повозкам, потом всплеснула руками, сообразив, что подбежала не к тому фургону, и ринулась в другую сторону.

– Нужен лекарь! – воскликнула она, откидывая полог. – Где же Ян?! Его никогда нет, когда он нужен!

В ее интонации проскользнуло отчаяние.

– Я найду лекаря! – крикнул Андре уже на ходу, устремляясь в направлении не успевших окончательно разойтись людей.

– Я где-то видела посох со змеей, – сообщила я, летя у него над головой. – Сейчас попробую отыскать!

И устремилась вперед, благо перемещаться я могла значительно быстрее, чем живые люди. Андре благодарно кивнул мне вслед. Змея являлась символом медицины, дальнейшая же символика зависела от специфики работы того или иного лекаря. Врачи, принимающие пациентов на дому, как правило, вешали на входную дверь изображение чаши со змеей. Символом госпиталей являлась змея, изображенная рядом с раскинувшей крылья птицей. А вот змея, обвивающая посох, красовалась на сумках странствующих лекарей. И именно такую сумку я успела углядеть во время представления в толпе зрителей.

Долго искать не пришлось, лекарь не успел уйти далеко. Он, видимо, никуда и не торопился, рассчитывая найти в деревне ужин и кров и, может быть, заработать, оказав свои профессиональные услуги. Можно было, конечно, изобразить Провидение, решившее в порядке исключения обратиться к врачу напрямую. Однако я предпочла не рисковать – что, если после такого откровения откачивать придется самого лекаря? Поэтому я сперва возвратилась к Андре и сообщила ему, где именно находится лекарь, а уж мой спутник сам позвал последнего на помощь. Долго объясняться не пришлось; услышав, что женщине стало плохо, лекарь без дальнейших расспросов побежал к фургонам следом за Андре.

Мирта бросилась к лекарю, едва завидела их. Джей быстро замахал им рукой, не отходя от Розалии. Опустившись возле артистки на колени, лекарь быстро оценил симптомы и, открыв сумку, принялся доставать из нее нужные баночки и склянки. Движения его пальцев были быстрыми, но уверенными, и вскоре стало ясно, что Розалия в надежных руках. Приготовленная лекарем микстура быстро подействовала, и уже через десять минут Розалии стало намного легче. Приступ миновал и, кажется, без ощутимых последствий, оставив после себя лишь слабость, усталость и испуг.

Увидев, что состояние артистки стабилизируется, я стала с интересом наблюдать за врачом, продолжавшим заниматься лечением. Это был мужчина лет тридцати – возраст,

когда лекарь уже успевает приобрести необходимый опыт работы, но при этом остается достаточно молодым, чтобы кочевать с места на место. Такой образ жизни нередко бывает единственным выходом для лекарей, не имеющих достаточных денег или связей, чтобы открыть частную практику, однако, что ни говори, рано или поздно он сильно утомляет. Ролен – так звали лекаря, – был мужчиной среднего роста, темноволосым, не красавцем, но довольно симпатичным. Подбородок и щеки покрывала выросшая за несколько дней щетина. Постоянно живя в пути, трудно следить за своей внешностью достаточно тщательно. В остальном однако же вид он имел вполне аккуратный. Инструменты и лекарства хранились в сумке с многочисленными карманами в идеальном порядке.

– Кризис прошел, – проговорил он приятным баритоном. Мягкий голос лекаря звучал успокаивающе, совсем нелишнее качество для человека его профессии. Общение с хорошим врачом зачастую само по себе улучшает состояние пациента в не меньшей степени, чем прописанное лекарство. – Угрозы для жизни нет. Однако в ближайшие дни следует проявить осторожность. В противном случае приступ может повториться. – Ролен отчего-то говорил, обращаясь в основном к Мирте. – Я бы настоятельно рекомендовал, чтобы ближайшую неделю пациентка провела под присмотром лекаря. Тогда в случае второго приступа он сможет незамедлительно принять меры. К тому же позаботится о том, чтобы недавний кризис не имел никаких долгосрочных последствий.

Мирта озабоченно взглянула на Джей. Потом перевела взгляд на Яна, который успел к этому времени вернуться и узнать о случившемся. К слову, особенно мучимым угрызениями совести он не выглядел.

– Но как мы это сделаем? – всплеснула руками девушка. – Вряд ли здесь в деревне есть профессиональный лекарь. А до ближайшего города ехать не меньше суток!

Джей хмуро кивнул.

– В деревне в лучшем случае найдется бабка-знахарка, – согласно пробормотал Ян.

– Бабка-знахарка не подойдет, – категорично покачал головой Ролен. – При всем уважении к накопленным в веках знаниям, современная магическая наука слишком далеко продвинулась, чтобы пренебрегать ее достижениями.

– Значит, все, что остается, это ехать в город? – вздохнула Мирта.

Однако Джей сверлил Ролена сосредоточенным взглядом.

– Скажите, доктор, – проговорил он, – а вы не согласились бы наблюдать мою жену в течение этой недели?

Лекарь задумчиво пошевелил губами.

– Пожалуй что мог бы, – кивнул он затем. И, еще немного подумав, спросил: – Полагаю, вы не собираетесь надолго задерживаться в этой деревне?

– Если только этого не требует здоровье Розалии, – ответил Джей. – Изначально мы планировали продолжить путь завтра утром.

– Полагаю, не стоит загадывать прежде времени, – сказал лекарь. – В случае, если ночь пройдет спокойно, у меня нет причин возражать против отъезда – при условии, что езда будет не слишком быстрой и с частыми остановками для отдыха.

– Вы согласитесь поехать с нами? – робко уточнила Мирта.

– Если вас устроит такой расклад, – улыбнулся ей Ролен. – Полагаю, это будет взаимовыгодная договоренность. Я предоставляю вам профессиональные услуги, а вы – отдых моим ногам и возможность более быстрого передвижения. К слову, куда вы направляетесь?

– В Вессинию, – ответила Мирта.

– Вот как? – Брови лекаря на секунду приподнялись; видимо, он не ожидал, что артисты едут за пределы королевства. – Ну что ж, думаю, я мог бы проехать вместе с вами до Заппа.

Запп был приграничным городом, расположенным непосредственно на границе с Весинией. Именно через него и лежал наш путь. Таким образом, устраивающее всех решение было найдено, и вскоре артисты и попутчики разошлись спать.

– Ну как вам понравился наш спектакль? – лукаво улыбнувшись, спросила Мирта. – После всего, что успело произойти вчера, я так и не задала вам этот вопрос.

Фургон неспешно покачивался, двигаясь по проселочной дороге. Временами подпрыгивал на ухабах, но большей частью вполне плавно ехал по успевшей высохнуть после дождей земле. Мирта держала в руках вожжи, но лишь изредка пускала их в ход – белая лошадка по имени Лайта знала свое дело. Андре сидел рядом с девушкой. Ян, которого Мирта сменила совсем недавно, отдыхал в повозке. Побывав внутри, я увидела, что он мирно спит, повернувшись на бок. Лекарь ехал во втором фургоне, вместе с Джеем и Розалией.

– Весьма понравился, – откликнулся Андре.

Я тихонько усмехнулась. Что еще он мог сказать, как бы ни относился к представлению на самом деле? И тут с удивлением увидела на устах Мирты слабую улыбку, отражавшую те же самые чувства. Ее реакция не укрылась и от Андре.

– Вам самой, как я понимаю, спектакль не нравится? – пронизательно заметил он.

Мирта с усмешкой пожала плечами.

– Пьеса по-своему неплоха, – ответила она, глядя вверх лошадиной головы, – но для своего времени. В ней слишком много штампов. Пафоса. Застывших форм. Только Джею удастся немного ее оживить. Сколь ни забавно это звучит, у отрицательных персонажей существенно больше возможностей для инициативы и импровизации, чем у главных героев. Нам надлежит в точности соответствовать классическому образу. Вряд ли вы удивитесь, узнав, что мне надоело играть традиционную прекрасную деву, все достоинства которой заключаются в том, что она обладает красивой внешностью и блюдет свою невинность.

– А что думают о пьесе остальные? – поинтересовался Андре.

Он мягко извлек поводья из рук девушки, принимая на себя управление повозкой. Мирта благодарно улыбнулась и возражать не стала.

– Мои родители – люди старой закалки, – отозвалась она. – Поэтому их традиционность пьесы не отпугивает. К тому же Джей, как я уже говорила, имеет возможность импровизировать по ходу спектакля, чем весьма успешно развлекает и себя, и зрителей. А Яна все устраивает.

Ну да, еще бы, мысленно фыркнула я. Было бы странно, если бы его что-то не устраивало. Закостеневшего образа классического рыцаря более чем достаточно для того, чтобы в каждом городке и каждой деревеньке получить на вечерок по любовнице.

– К тому же у нас есть свои ограничения в выборе пьесы, – продолжала Мирта. – Вы ведь видите, у нас совсем небольшая труппа. Семейная. Далекое не любой спектакль можно сыграть всего с четырьмя артистами.

– Ну, не беда, – подбодрил ее Андре. – Со временем у вас появятся дети, и численность труппы увеличится.

Он просто пошутил, чтобы разрядить обстановку, но, видимо, неудачно, поскольку по лицу Мирты пробежала тень.

– Ну какие дети? – совсем тихо откликнулась она. – Посудите сами: с таким-то образом жизни? Нам редко когда удастся задержаться на одном месте больше двух недель. И даже такой срок – скорее исключение, а не правило. Заводить детей в таких условиях, увы, нереально.

Я присмотрелась к помрачневшей артистке. Судя по реакции, она очень хочет детей. Хотя что в этом удивительного или неожиданного? Говорят, все женщины хотят детей.

Не знаю. Сама я не испытываю ничего подобного. Но, впрочем, я и не женщина. Интересно, а при жизни я относилась к этому иначе?

– Простите, – повинулся между тем Андре. – Это было бестактное замечание с моей стороны.

– Да бросьте! – Мирта вымученно улыбнулась. – Между прочим, – преувеличенно бодро заметила она, – в столице мы провели довольно много времени. Почти три недели. Успели неплохо заработать, да и опыт пригодится.

– Что же вас заставило оттуда уехать? – спросил Андре. – Приглашение в Вессинию?

– И это тоже, – кивнула Мирта. – Но и не только. – Она слегка поморщилась и прикусила губу, не зная, как сформулировать объяснение. – Видите ли... В Катринге в последнее время стало как-то беспокойно. Нас это напрямую не коснулось, и тем не менее мы предпочли уехать прежде, чем что-то произойдет. Так сделали многие представители нашей профессии. Да и другие люди, путешествующие с места на место, тоже.

– Ого! Расспроси-ка ее подробнее! – воскликнула я, но Андре и без моего совета собирався сделать то же самое.

– А что произошло в столице? – прищурившись, осведомился он.

– Да как-то трудно даже сформулировать, – призналась Мирта. – Стало неудобно, что ли. Пропало чувство уверенности. На улицах увеличилось число стражников. И не только в форме, но и в штатском тоже. Благо их не так уж сложно распознать. Это они думают, будто надели стандартные брюки и сюртук – и стали похожи на обычных людей. Но их и повадки, и взгляд выдают моментально. Арестов опять-таки было много. Кое-кого из знати посадили в тюрьму. Причем даже из тех, кто прежде был приближен к королю. В законы стали вноситься изменения, глашатаи на площадях то и дело зачитывали очередные указы. Глашатаи зачитывали, а эти в штатском ходили и слушали, как реагирует толпа. Ну и... во всей этой ситуации как-то стало не до творчества. К тому же одного менестреля бросили в тюрьму за неосторожную песню. Говорят, ничего такого уж особенного там не было, но, видимо, кому-то что-то не понравилось. В общем, другие певцы и артисты решили на всякий случай от выступлений воздержаться. А по возможности – перебраться от столицы подальше, туда, где поспокойнее.

Андре откинул голову назад и почти прикрыл глаза, лишь через щелку между ресницами поглядывая на дорогу.

– То есть выходит, что изменилась внутренняя политика королевства, – подытожил он. – Значит, были серьезные перестановки во власти?

Мирта не слишком заинтересованно пожала плечами.

– Филипп Второй, как вы знаете, продолжает править страной, – откликнулась она. – Главные министры, по-моему, тоже остались прежними. Хотя я слышала, что некоторые из них основательно урезали полномочия. Глава магического ведомства тоже не изменился. – Упомянув альт Ратгора, Мирта инстинктивно перешла на полусшепот, чего не сделала даже тогда, когда говорила о короле. И я могла ее понять. Что представляет собой риннолийский монарх, я не помнила, а вот Йорама альт Ратгора по нашим двум встречам в моем посмертии запомнила хорошо. – Поговаривают, что он, напротив, в последнее время сблизился с королем. Стал его правой рукой и левой одновременно. И его полномочия серьезно возросли.

Андре напряженно смотрел на дорогу, убегающую под колеса из-под лошадиных копыт.

– А когда начались все эти изменения? – спросил он.

Я одобрительно на него посмотрела. Мне даже не требовалось вмешиваться в разговор со своими ценными советами. Мой спутник и так отлично знал, о чем спрашивать.

– Точно не знаю, – качнула головой Мирта. – Поговаривают, что с месяц назад. Но это не сразу стало заметно. Изменения были постепенными, так что...

Она неопределенно развела руками.

На этом разговор сам собой сошел на нет. Дальнейшая дорога протекала в молчании; каждый думал о своем.

На ночлег остановились, можно сказать, в чистом поле. Давать в этот день представление, учитывая состояние здоровья Розалии, никто не собирался. Ехали неспешно, и когда на западе заалел закат, до ближайшего селения было еще далеко. Так что фургоны поставили прямо здесь, среди густой травы, немного съехав с дороги.

Мы с Андре устроились в стороне от остальных, что позволяло нам переговариваться. То есть я-то обратиться к Андре могла когда угодно, но вот он в присутствии посторонних не имел возможности мне отвечать.

– Как думаешь, когда мы доберемся до Вессинии? – спросила я.

– Не знаю, – пожал плечами Андре. – Пока трудно загадывать. Многое зависит от состояния Розалии. Думаю, не меньше недели.

Я задумалась. Стоит ли спрашивать его о том, что будет дальше? Наверное, нет. Зачем? И так понятно, что ответа пока нет. Проблемы надо решать по мере поступления. Сначала выбраться за границу. Оказаться в относительной безопасности. Тогда и посмотрим.

– Скажи, Андре, а ты, как Мирта, хочешь иметь детей? – невпопад спросила я, вспомнив их недавнюю беседу.

– Детей? – Андре изумленно поднял голову, привычно ориентируясь на мой голос и глядя именно туда, где я сейчас находилась. – Эрта, ты вообще о чем? Я хочу выбраться живым из этой чертовой страны. А еще – в идеале – напиться и забыться, хотя бы на время. На этом мои желания пока исчерпываются.

Он опустил голову на руки и устало потер виски. Хотелось сказать ему что-нибудь подбадривающее, но что? «Все будет хорошо»? Да откуда я знаю? Правильнее всего было бы просто положить руку ему на плечо. Но у меня не было руки...

– Артур!

Лекарь, оставивший общество Розалии и Джея, приближался к нам широкими шагами.

– Андре! – тихонько позвала я, видя, что мой спутник никак не реагирует на восклицание Ролена. – Это к тебе.

Он тихонько чертыхнулся, поняв, что только что пропустил «свое» имя, и поднялся навстречу лекарю.

– Артур, вы что, с ума сошли?! – возмущенно воскликнул тот.

Брови Андре поползли вверх, а лицо приняло отнюдь не дружелюбное выражение.

– Это что еще означает? – осведомился он с крайней степенью раздражения в голосе.

М-да, а я ведь начала забывать, насколько непросто ему приходится. Аристократ, граф, в некотором смысле почти что герцог. Мало того что он вынужден ночевать под открытым небом и путешествовать в повозке бродячих артистов, так теперь еще и какой-то странствующий лекарь позволяет себе обращаться к нему подобным образом.

– Почему вы ничего мне не сказали о состоянии вашей жены? – продолжал наступать на него Ролен, полностью игнорируя возмущение своего собеседника. – Она тяжело больна, а рядом с вами находится врач! Вам что же, не пришло в голову сопоставить эти два факта?

Ролен и сам был, похоже, возмущен не меньше, чем Андре.

– Ну, вы же не специалист по травмам головы, – более миролюбиво откликнулся Андре. Причина гнева лекаря сгладила его собственное раздражение. – А лекарям широкого профиля я ее уже показывал, и неоднократно. Ни один из них ничем не смог помочь.

Конечно же мы с Андре уже обсудили эту тему. Было совершенно очевидно, что, раз уж лекарь путешествует с нами, рано или поздно меня придется ему показать. В этом были свои плюсы, но и минусы тоже. С одной стороны, было бы и вправду неплохо узнать мнение

врача по поводу моего состояния. Признаться, я очень сомневалась, что хоть один лекарь сможет сказать что-нибудь путное, но все же. С другой стороны, недостаток осмотра у лекаря был очевиден. Слишком велик был шанс, что специалист раскусит наш обман. А уж увидев у меня на руках следы от кандалов, сумеет сложить два и два. Это была непростая задачка, но совместными усилиями мы нашли решение. Неидеальное, конечно, но мы уже привыкли к тому, что идеальных решений в нашей ситуации не бывает и на удачу тоже приходится полагаться.

– А вы попробуйте еще раз, – не без нотки язвительности в голосе посоветовал Ролен.

– Потому что вы окажетесь лучше других врачей? – изогнул брови Андре.

– Не поэтому, – спокойно возразил лекарь. – А потому, что никогда нельзя упускать подвернувшийся шанс. Показывайте мне пациентку, – повелительно заявил он.

– Ну что ж, хорошо, – согласился Андре.

Он откинул полог и первым запрыгнул в фургон. Лекарь последовал за ним. Оба опустились на колени возле моего тела. Я уже была тут как тут, зависла в воздухе у себя над головой.

Ролен приложил два пальца к моей шее, затем коснулся ладонью лба, словно проверяя температуру, оттянул нижнее веко. Приблизил ухо к моему рту, прислушиваясь к дыханию.

– Разденьте ее, – сказал он затем, обращаясь к Андре.

– Нет, – категорически возразил тот.

Ролен уставился на него, весьма удивленный таким ответом.

Ответ неожиданный, тут не поспоришь. Однако же выбора у нас не было. Принадлежавший лекарю магический фонарик, напоминающий по форме обыкновенный фонарь, уменьшенный в размерах, хоть и не полностью разгонял темноту, но, несомненно, давал достаточно света, чтобы шрамы на моих запястьях были заметны. В противном случае и осмотр имел бы мало смысла.

– Что? – недоуменно переспросил Ролен.

– Моя жена – очень скромная женщина, – пояснил Андре. – Ее бы, несомненно, смутила необходимость раздеваться перед мужчиной-лекарем, тем более что за последнее время ее осматривали не единожды. И прошу вас, не надо спорить! – добавил он, слегка повысив голос в тот самый момент, когда Ролен попытался было сказать что-то в ответ. – Не стоит говорить, что она без сознания и даже не узнает, как проходил осмотр. Я уважаю мнение своей жены. К тому же, кто знает, может быть, она и сейчас, в своем нынешнем состоянии, способна видеть нас или слышать.

– Ты знал! – хихикнула я со своего места.

– Бросьте, доктор, вы ведь можете осмотреть ее, не раздевая, при помощи своих приборов, – продолжал Андре.

Ролен еще некоторое время буравил его взглядом, словно пытался понять, издевается ли над ним муж пациентки или говорит серьезно. Наконец со вздохом махнул рукой.

– Ладно, мы и вправду можем ограничиться приборами, если для вас это так важно, – сдался он. – Хоть я и считаю такой осмотр недостаточно добросовестным. Да, магическая аппаратура на сегодняшний день разработана отличная, и тем не менее в некоторых случаях ничто не может заменить классической проверки. Как ни крути, а прибор есть прибор, и не во всем он может сравниться с человеком. Но, – он вторично махнул рукой, – будь по-вашему.

После этого он чуть ли не с головой зарылся в свою глубокую сумку и стал извлекать из нее нужные предметы. Широкая металлическая пластина с какими-то красными огоньками, зеркало, с обратной стороны которого располагалось непонятное мутное стекло, прозрачная коробочка, наполненная странной на вид жидкостью. Все эти приборы были изготовлены с помощью магии и использовались для того, чтобы определить физиологическое

состояние человека, включая такие параметры, как пульс, частота дыхания, давление, температура, наличие различных вирусов и прочее.

Да, при жизни я явно не была врачом, подумалось мне. В противном случае навряд ли бы я помнила такие подробности.

В течение получаса Ролен старательно работал, поднося приборы к разным частям моего тела. Держа их на расстоянии пары дюймов от моей кожи, приводил их в действие либо нажатием кнопки, либо заклиниванием, а затем записывал результаты в специальный блокнот. Нередко он начинал перелистывать страницы, видимо сравнивая результаты разных проверок или сопоставляя цифры.

По окончании осмотра Ролен долгое время молчал, задумчиво глядя перед собой и время от времени бесшумно пощелкивая пальцами. Наконец, перевел взгляд на Андре.

– Ну что ж, – медленно произнес лекарь. – Такое состояние действительно может явиться результатом травмы головы.

– Вы знаете, что с ней? – вскинул голову Андре.

– Стазис, – непонятно ответил Ролен. – Она погрузилась в состояние стазиса.

– И что это означает?

Лекарь вздохнул, видимо раздумывая, как бы объяснить человеку, не искушенному во врачевании, сложный медицинский термин.

– Стазис – это подвид комы, – осторожно проговорил он. – Очень редкий подвид. Сказать по правде, я с таким не встречался ни разу, хотя в литературе читал. Это состояние считается крайне редким, практически несуществующим... И тем не менее, оно было описано. В стазисе организм как бы замораживается. – Ролен с трудом подбирал слова. – Не в буквальном смысле, конечно. Температура тела у вашей жены совершенно нормальная. Она дышит, у нее бьется сердце, хоть и существенно реже, чем это бывает у здоровых людей. Но... биохимические процессы замедлены, а некоторые и вовсе приостановлены. – Видя, как Андре недовольно хмурится, он прищелкнул пальцами. – Ну например, вы, должно быть, уже поняли, что она не нуждается в пище. Получать немного воды ей желательно, но она может жить и без этого. У нее не растут ногти и волосы. Словом... Организм как бы впал в спячку. Вошел в режим максимальной экономии ресурсов. При этом ресурсы, которые он все-таки продолжает использовать, – энергетические, а не физиологические. Отсюда способность обходиться без питья и пищи.

– Отчего такое происходит? – спросил Андре. – Почему человек впадает в стазис?

– Вы задаете очень сложный вопрос, – вздохнул Ролен. – Поскольку такие случаи исключительны, никто не имел возможности провести исследование и выявить закономерность. Известно одно: человек впадает в стазис, когда находится на грани смерти. Организм как бы застывает для того, чтобы сохранить жизнь.

– Однако обычно такого не происходит, – уточнил Андре, пристально глядя лекарю в глаза.

– Вы совершенно правы, – подтвердил лекарь, встретив его взгляд. – Обычно такого не происходит.

– И что теперь можно сделать? – перешел к следующему вопросу Андре. – Каковы прогнозы?

На сей раз лекарь все-таки отвел глаза.

– Видите ли, о выходе из состояния стазиса почти ничего не известно, – признался он. – Существует три стадии стазиса. На первой стадии состояние нестабильно. Человек может периодически возвращаться в сознание благодаря определенным воздействиям, таким как тепло, холод, резкие громкие звуки, вода. – На этом месте Андре понимающе кивнул. – Правда, как правило, это происходит ненадолго, состояние стазиса восстанавливается

в течение максимум двух минут. На второй стадии человек более не приходит в себя. Его состояние стабильно, в организме не происходит никаких изменений.

Ролен замолчал.

– А третья стадия? – нетерпеливо спросил Андре.

– На третьей стадии наступает кризис, – неохотно сообщил лекарь. – Стазис и без того огромная редкость, но он не может продолжаться вечно. Рано или поздно используемые организмом ресурсы заканчиваются. Состояние человека резко ухудшается, и в конечном итоге сердце останавливается.

Под крышей фургона повисло тяжелое молчание. Возможно, Андре ждал от меня какой-нибудь реакции. Но мне нечего было сказать. Странно. Я с самого начала знала, что могу умереть в любую минуту. Да что там – знала, что по сути уже умерла и только моя душа получила маленькую отсрочку перед окончательным разрывом связи с телом. Почему же мне стало настолько тяжело сейчас, когда лекарь всего-навсего подтвердил и по-научному обосновал то, что мне и так было известно? Почему мне так сильно хочется плакать, хотя у призраков не бывает слез? Почему люди цепляются за жизнь, даже когда она не несет ничего, кроме боли и унижения, даже когда они – призраки? Эх, Андре, ты ведь так и не ответил на мой вопрос!

– Спустя сколько времени наступает кризис? – хрипло спросил Андре.

Ролен лишь развел руками.

– Это неизвестно. Насколько я понимаю, такие вещи чрезвычайно индивидуальны. Кто-то пребывает в стазисе лишь несколько дней, за этот период успевая пройти через все три стадии. Не исключено, что кто-то другой может находиться в состоянии стазиса годами. Но есть кое-что еще, – добавил он на более оптимистичной ноте, видя, как Андре опустил голову, прикусив губу. – Существует лекарство, способное поддерживать человека в состоянии стазиса, не позволяя ему переходить из второй стадии в третью. – Андре заинтересованно подался вперед. Что и говорить, я тоже слушала, если так можно выразиться, затаив дыхание. – Этот препарат изготавливается при помощи магии и обеспечивает организм необходимой энергетической подпиткой. Таким образом, даже когда собственные энергетические ресурсы подходят к концу, кризис не наступает.

– У вас есть такое лекарство? – жадно спросил Андре.

– Я могу приготовить заменитель, – ответил Ролен. – На некоторое время он подойдет. Но впоследствии, добравшись до города с хорошими аптеками, вам придется покупать настоящее лекарство. Скажу честно: стоит оно недешево, а принимать его надо ежедневно – если вы хотите быть уверенным, что кризис не наступит.

– Я все понял, – кивнул Андре, отмахиваясь на данном этапе от денежной темы. – Существует ли лекарство, способное вывести человека из стазиса?

Лекарь покачал головой.

– По крайней мере мне о таком неизвестно, – сказал он, и за этими словами скрывалось более серьезное утверждение: такого лекарства просто не существует. – Не исключено, что продолжительный прием той микстуры, о которой я сейчас говорил, приведет к неким изменениям... Если в организме накопится достаточно высокий уровень психомагической энергии, возможно, это и поспособствует выходу из комы. Но тут, увы, я могу только гадать. А я, признаться, очень не люблю это делать. Предпочитаю опираться на знания и научные факты, которых в данном случае, увы, катастрофически не хватает. Предполагаю, что лекарства самого по себе будет недостаточно. Однако не исключено, что микстура в сочетании с неким толчком могла бы дать нужный эффект. Впрочем, вряд ли о каком-либо психологическом толчке может идти речь, учитывая, что пациентка находится в бессознательном состоянии. Сейчас я пойду и приготовлю для вас первую порцию заменителя, – заявил Ролен, видя, что Андре молчит, и, откинув полог, соскочил с фургона в ночь.

Мы остались вдвоем. Я не торопилась что-либо говорить. Охватившие меня сейчас чувства были слишком непонятны. Я запуталась, хотя до сих пор мне казалось, что я неплохо умею раскладывать все по полочкам. Есть способ поддерживать едва теплящуюся в моем теле жизнь, но для этого необходимо регулярно покупать дорогостоящее лекарство. Откуда, спрашивается, мы возьмем на него деньги? У нас их совсем немного, а ведь Андре надо будет на что-то жить, есть, пить, оплачивать жилье. И так непонятно, как он будет это делать. Это как раз из тех вещей, которые мы не обсуждали, откладывая на потом. Сначала выбраться из страны, дальше – все остальное. А тут еще и я со своими лекарствами.

Но сквозь эти отнюдь не радужные размышления, тихонько пульсируя, к сознанию пробивалась еще одна мысль. Толчок, способный вернуть меня к жизни. Понятия не имею, в чем он может заключаться, но в одном лекарь ошибся. Хотя я и лежу там, внизу, без сознания, но я все вижу и слышу. Я мыслю и испытываю эмоции. А значит, шанс все-таки есть.

Глава 7

*Выпив зlobу и печаль,
Не оставив ничего,
Я устала биться в сталь
Двери сердца твоего.*

*А тебе дороже нить
Замороженной тиши.
Легче в спину нож вонзить,
Чем достичь твоей души.*

Канцлер Ги. To friends

Два дня спустя погода снова испортилась. Резко похолодало, с севера дул порывистый ветер, то и дело принимался моросить дождь. Ясное дело, в такую погоду все старались прятаться под крышей фургона; снаружи сидели лишь те, кто управлял лошадьми. В нашем случае это был Ян. Он сидел, накинув на голову капюшон плаща, и хмуро смотрел вперед, следя за сюрпризами размокшей дороги. Мирта сидела внутри, рядом с моим телом, там же расположился и Андре. Даже не знаю, прятался ли он от дождя; по-моему, ему даже нравилась прохладная погода и летящие в лицо дождевые капли. Скорее ему был не слишком симпатичен Ян, отсюда и нежелание сидеть на козлах на пару с артистом.

Потихоньку между Андре и Миртой завязался разговор; с артисткой, в отличие от ее мужа, Андре легко находил общий язык. Я думала о своем, лишь изредка прислушиваясь к их словам, и в беседу не вмешивалась. Мирта полностью завладела моим вниманием лишь в тот момент, когда извлекла из сумки гребень и надумала расчесать мои волосы. Я основательно напряглась, как и всегда, когда с моим телом пытались проводить те или иные манипуляции, и стала наблюдать более чем пристально.

– Эй, скажи ей, чтобы была поосторожнее! – обратилась я к Андре.

Но Мирта и сама была очень аккуратна. Взяла прядь в руку и попыталась осторожно расчесать самые кончики волос. Через некоторое время, хмурясь, подняла глаза на Андре.

– Вы что, все это время совсем ее не причесывали? – с нотками возмущения в голосе осведомилась она.

– Нет, – немного растерянно признался Андре. – Это как-то не казалось мне важным.

Мирта раздраженно всплеснула руками.

– Мужчины! – воскликнула она, возводя очи к крыше фургона. – Вы же совершенно их запустили. Теперь волосы невозможно расчесать. Боюсь, даже если помыть голову специальным средством, толку все равно не будет.

Она укоризненно покосилась на Андре. Тот отвел виноватый взгляд. Я, не удержавшись, хихикнула – уж больно растерянный у него был вид.

– Не страдай, – посоветовала я ему на ухо. – Когда ты тащил меня из тюрьмы, последнее, чего я от тебя ждала, – это ухода за моими волосами.

– И что теперь делать? – спросил он, даже не знаю, у меня или у Мирты.

Я собралась было флегматично заявить «да ничего» (действительно, тоже мне проблема), но артистка успела раньше.

– Придется их остричь, – строго постановила она.

– Остричь? – осторожно переспросил Андре.

– Остричь?! – возмущенно воскликнула я.

– Да, именно остричь, – твердо повторила Мирта. – Да вы не бойтесь. Это вернет волосам былое здоровье. А новые отрастут очень быстро, главное – за ними следить.

Я глядела на свои волосы, безнадежно спутанные в многочисленные колтуны. Что и говорить, они пришли в ужасное состояние. И тем не менее отчего-то мне было их ужасно жаль. Тем более Ролен упоминал, что в состоянии стазиса волосы не растут.

В наступившей тишине стало слышно, как стучат по крыше повозки крупные капли.

– Я не знаю, как отнеслась бы к этой идее Эрта, – произнес Андре, завуалировав таким образом адресованный мне вопрос.

– А! Что тут сделаешь? Можете стричь, – смирилась с неизбежным я.

– Ладно, – якобы принял решение Андре. – Стричь – значит стричь.

– Ну вот и хорошо, – одобрительно кивнула Мирта. – Когда остановимся, я этим займусь. А то во время езды рискованно: мало ли, вдруг фургон резко дернется.

Такая осторожность меня бесспорно порадовала.

Мирта слово сдержала и во время привала развила бурную деятельность по приведению в порядок моей головы. Я наблюдала за процессом, беззвучно посмеиваясь над собой: отчего-то я реагировала на каждую падающую на пол фургона прядь так, словно лишалась чего-то по-настоящему ценного. Неужто все это время я ошибалась и в действительности, даже будучи призраком, остаюсь женщиной?

Когда все было кончено, на моей голове стояли торчком короткие, жесткие, черные волосы, в результате чего я слегка напоминала ошестинившегося иголками ежа.

Мирта склонила голову набок, удовлетворенно рассматривая результат своих трудов.

– Могу еще их покрасить, – предложила она. – Например, в медовый или золотистый оттенок.

Я собиралась рассмеяться, но тут Андре неожиданно сказал:

– Отличная идея!

– Что? – напустилась на него я, пока Мирта воодушевленно готовила краску. – А меня спросить ты даже не подумал? Да как ты посмел! Да кто ты такой?!

Моему возмущению не было предела. Я им не декоративный пудель, чтобы так надомной измываться.

– Успокойся, – тихо сказал Андре, пользуясь тем, что Мирта как раз вышла из фургона.

– Успокойся? – пуще прежнего взвилась я. – А как бы ты отреагировал, если бы над тобой стали проводить такие эксперименты? Не спрашивая, заметь, твоего согласия?

– Вот я бы, кстати сказать, был очень рад, – непонятно ответил Андре. – Для меня это тоже было бы очень кстати, но я понятия не имею, как объяснить такое свое пожелание, не вызывая лишних вопросов.

– Чего? – совсем уже ничего не понимая, протянула я.

– Ты еще не поняла? Новая стрижка и новый цвет волос – лучший способ изменить внешность, не прибегая к радикальным мерам. Ты же сама говорила, что тебя могут узнать, в то время как ты даже не будешь об этом подозревать. А так шансов на подобное развитие событий станет гораздо меньше. Конечно, если внимательно приглядываться, то хорошо знакомый человек все равно тебя узнает. А вот тот, кто увидит мельком, скорее всего ничего не заподозрит. Цвет волос – это первое, что бросается в глаза.

– М-да, ты, пожалуй, прав, – вынужденно согласилась я. – Ну ладно, так уж и быть, красьте.

– Ну вот и хорошо, – заключил Андре.

Вот так, вместо длинных темных волос я за каких-то полчаса получила короткие и светлые. Долго смотрела на свой новый облик. Да, Андре определенно прав: я изменилась чуть ли не до неузнаваемости. И это действительно в моих интересах. Вот только когда я вглядывалась в свое лицо, меня волновало совсем другое. Я все силилась понять: идет мне новая

прическа или нет? Вообще-то сколь ни удивительно, но вроде бы неплохо. Длина, конечно, совершенно неприемлемая, но... есть в ней что-то смелое. Дерзкое. Вызов. И мне это нравилось. И отчего-то на секунду представилось, как я, живая, целая и невредимая, вот с такой вот прической дерзко смотрю в глаза Йораму альт Ратгору... Впрочем, это было лишь мгновение.

– Что это здесь такое? – спросил недовольный голос.

За то время, что я провела в задумчивости, в фургон забрался Ян, и теперь с недовольным видом оглядывался кругом. Здесь действительно царил беспорядок: на полу фургона все еще валялись отстриженные волосы, а также ножницы, полотенце, сосуд с краской и магический камушек, похожий на маголёк, но только белый, прекрасно развеивавший любые запахи.

– Что вы тут устроили? – повторил Ян, переводя подозрительный взгляд с Мирты на Андре и обратно.

– Я сейчас уберу, – совершенно спокойно сказала Мирта.

И привстала, собираясь выполнить обещание.

– Подожди, – остановил ее Ян и обернулся к Андре: – Выйди, мне надо поговорить с женой, – заявил он.

Мирта поморщилась, недовольная таким бесцеремонным обращением к гостю, но Андре возражать и огрызаться не стал, легко спрыгнув на землю. Я собиралась последовать за ним, но задержалась, в очередной раз оглядывая свое лицо в обрамлении новой прически. А Ян между тем приблизился к Мирте и, не утруждая себя обещанными разговорами, поцеловал ее в шею и потянулся к шнуровке платья.

– Ян, подожди! – Мирта попыталась отстраниться. – Что, прямо здесь?

– А где же еще? – удивился он, продолжая стаскивать с нее платье.

– Но мы же не одни...

Мирта покосилась в мою сторону.

– Чепуха, она ничего не видит и не слышит, – отмахнулся Ян, и на словах, и на деле настаивая на своем.

Оторвавшись наконец от разглядывания собственных волос, я вылетела наружу. Не из скромности и не от смущения, а исключительно из уважения к Мирте.

Прошло еще три дня. Мы медленно, но верно продвигались к границе. Представления возобновились – состояние Розалии существенно улучшилось. Джей, правда, пытался подольше удержать ее в постели, но артистка саркастически заявила, что уж кого-кого, а измученную горем мать она со своим серым цветом лица и синяками под глазами сыграет на ура.

После каждого представления повторялась приблизительно та же история, что и после первого увиденного нами. Ян под простеньким предлогом или и вовсе без одного уходил с места нашей стоянки, развлекался с какой-нибудь девушкой из публики, а затем возвращался назад. Мирта о причинах его ухода явно догадывалась. Она ничего на этот счет не говорила, но все было и так видно по ее лицу и мимолетным взглядам, которые она бросала на мужа.

Потом они и вовсе разругались из-за какого-то пустяка. Ян, вставший в тот день не с той ноги, накричал на Мирту из-за плохо зашитого рукава, и ушел в деревню, в переносном смысле слова хлопнув дверью. Хлопнул бы и в буквальном, да только дверей в фургонах не имелось. А Мирта осталась сидеть на траве возле костра и глотать слезы.

Так случилось, что, помимо Андре, поблизости в тот момент никого не было. Мой спутник сидел, искоса поглядывая на артистку.

– Ну подойди к ней! Скажи что-нибудь! – возмутилась его бездействием я.

– А что? – пожал плечами Андре, не сдвинувшись с места.

– Вот что сам думаешь, то и скажи, – посоветовала я.

– Что сам думаю? – тихо, чтобы артистка не услышала, переспросил он. – Отлично. То есть ты предлагаешь мне подойти и сказать: «Мирта, твой муж – полное ничтожество, почему бы тебе не послать его куда подальше?» А кто я, собственно, такой, чтобы это ей говорить? Не находишь, что это будет, мягко говоря, бесцеремонно?

– Ты забываешь, что они – не аристократы из высшего света, – возразила я. – Общение у таких людей намного проще и церемоний куда меньше. Тут можно говорить напрямую, и уж за слова поддержки на тебя точно никто не будет в обиде. И я не думаю, что ее сейчас заденет нелिцеприятное высказывание в адрес Яна. Можешь еще добавить, что ей давно пора найти ему замену. Вон, например, наш лекарь к ней явно неровно дышит.

Андре удивленно склонил голову набок.

– И когда ты успеваешь все замечать? – осведомился он.

– А чем мне еще заниматься? – грустно усмехнулась я. – Наблюдать и размышлять – вот все, что мне остается. А учитывая, что я никогда не сплю, у меня есть на это куча времени.

– И ты полагаешь, Ролен неравнодушен к Мирте?

– Уверена. Как человек порядочный, он не позволяет себе ничего лишнего, но факт остается фактом. Я вижу, какие взгляды он на нее бросает. Кстати, он недавно обмолвился, что, возможно, поедет вместе с нами в Вессинию. Якобы ради новых профессиональных возможностей. А по-моему, исключительно для того, чтобы подольше оставаться рядом с одной замужней артисткой.

В этот момент сидевшая к нам спиной Мирта громко всхлипнула. Андре поднялся на ноги.

– Ладно, подрабатывать сводней я точно не буду, – пробормотал он. – Если Ролен в чем-то заинтересован, пускай сам разбирается. Но поговорить с ней попробую.

И он все-таки подошел к Мирте. Сел рядом с ней у костра. Девушка сразу же отвернулась, пряча слезы.

– Мирта... – Андре с трудом выдавливал из себя слова, явно не слишком представляя, как следует себя вести в подобной ситуации. – Бросьте, все образуется...

Он специально смотрел в огонь, понимая, что Мирта почувствует себя неловко от прямого взгляда на ее заплаканное лицо. Несмотря на серьезность момента, я мысленно усмехнулась. Не так уж и плохо он понимает, как действовать в сложившихся обстоятельствах. Уж не знаю, интуитивно или в силу жизненного опыта.

Мирта сперва осторожно покосилась на Андре, поняла, что никто ее пристально не разглядывает, и вытерла слезы тыльной стороной ладони. Снова всхлипнула, отвернувшись, и более решительно повернулась к Андре, напряженно думающему, что бы еще сказать. Следовать моему совету говорить напрямик он явно не собирался.

– Вы меня осуждаете, верно? – спросила Мирта, неожиданно взяв на себя инициативу в разговоре.

Она грустно улыбнулась с безнадежностью и одновременно твердостью во взгляде.

– Нет, – медленно, но вполне искренне произнес Андре, на сей раз внимательно глядя в ее глаза. – Скорее пытаюсь понять.

– И как, получается? – Улыбка Мирты стала чуть шире, оставаясь, впрочем, не менее грустной.

– Честно говоря, пока не слишком, – признался Андре. – Хотите мне объяснить?

Мирта пожалала плечами и, вздохнув, перевела взгляд на огонь.

– Ян далеко не самый верный мужчина и не самый заботливый, – констатировала она, следя за танцующими в воздухе искорками, оптимистично взмывающими вверх, чтобы погаснуть, так и не успев подняться достаточно высоко. Девушка старалась говорить спо-

койно, хотя давалось ей это нелегко. – Но мы вместе уже три года. И хорошего за это время тоже было много. Мы вместе работаем, вместе путешествуем, вместе живем. Я даже не могу вспомнить, как бывает по-другому. Не могу представить себе всего этого без него. Опустевший фургон. Зияющая пустота у костра. Спектакль без рыцаря.

– То есть вы остаетесь с Яном в силу привычки? – уточнил Андре.

Губы Мирты снова скривились в слабом подобии улыбки. Вопрос был поставлен до жестокости прямо.

– Это больше, чем привычка, – вздохнула девушка. – Это любовь. Привязанность. Верность.

И отчего-то ее устремленный на Андре взгляд казался вопросительным.

– Вам виднее, – осторожно ответил он, явно не убежденный словами Мирты.

Артистка опустила взгляд на землю, а затем решительно распрямила спину, опираясь руками о бедра.

– Немного пройду, – сказала она, вставая.

И, повернувшись спиной к огню, зашагала навстречу тонким березовым стволам.

Андре тоже поднялся. Окинул критическим взглядом потихоньку гаснущее пламя.

– А я, пожалуй, займусь хворостом, – объявил он, обращаясь, кажется, к нам обеим.

После чего, нагнав Мирту возле первых деревьев, положил руку ей на плечо.

– Не переживайте так, – мягко сказал Андре. – Все решится, так или иначе.

Мирта подняла голову, заглядывая ему в глаза, и благодарно кивнула.

Никто из нас троих не заметил, как подошедший к лагерю с другой стороны Ян пристально наблюдает за этой сценой.

В собирании хвороста ничего особенно интересного не было, а я чувствовала, что и без того уже слишком часто кручусь возле Андре. Надо же и ему когда-то побыть одному. Поэтому я решила остаться в лагере и, подобно кошке, пригревшейся в постели хозяина, устроиться в фургоне возле собственного тела. И, влетев в фургон через узкую щель, неожиданно обнаружила там Яна.

Артист стоял, сжимая в руке откупоренную бутылку вина, и с каким-то странным выражением лица смотрел на мое тело. Это совершенно мне не понравилось, и, облетев его сбоку, я расположилась между ним и собой, инстинктивно стараясь таким образом себя защитить. Ян этого, ясное дело, даже не заметил. Отхлебнув из горлышка, он прошел сквозь меня, поближе к моему телу, и присел рядом на корточки. Я тоже поспешила переместиться и теперь замерла у себя над головой.

Внезапно Ян отставил бутылку и, протянув руку, провел указательным пальцем по моей скуле, неспешно спустившись к шее. Я была готова зашипеть, как все та же кошка, только на сей раз разозлившаяся.

– Мирта сейчас наставляет мне рога с твоим мужем, – сообщил он, убирая руку и утирая темно-красные от вина губы. – Как думаешь, что нам стоит по этому поводу предпринять?

Он перебрался ближе еще на несколько дюймов и продолжал меня разглядывать. Обвел раздевающим взглядом фигуру, затем вновь посмотрел на лицо.

– А ты ничего, вполне себе хорошенькая, – попыток он, склоняясь над моим лицом настолько низко, что, казалось, я почувствовала его дыхание на своих щеках, а в ноздри ударил запах алкоголя. – Правда, стрижка у тебя дурацкая. Но это от того, что у Мирты руки кривые. В общем, – его рука потянулась к моему платью, – я намерен отплатить им их же собственной монетой. И ты мне в этом поспособствуешь. Ты же не против, верно? Во всяком случае, кричать точно не будешь.

Вот в этом он сильно ошибся. Ощущение собственной беспомощности заполнило все мое бестелесное существо. Внутри словно до боли сжалась какая-то пружина, мир передо

мною потемнел, на душу накатила волна отчаяния. Я даже в тюрьме каким-то невероятным образом избежала этой участи. Неужели это должно произойти сейчас?

Не задумываясь о том, что и как следует делать, я рванула наружу сквозь плотную стенку фургона и отчаянно завопила:

– Андре!!!

Даже не зная, услышит он или не услышит. Даже не зная, как далеко он успел зайти в лес.

Однако, к своему собственному удивлению, я практически тотчас же оказалась именно в том месте, где находился сейчас Андре. Он стоял недалеко от нашего лагеря вместе с вернувшимся Роленом, и они на пару ломали огромную сухую ветку. Андре услышал меня сразу же. Я боялась, что придется терять драгоценное время на объяснения, но он даже не стал их дожидаться. Просто моментально откинул ветку и бросился бежать к фургону – к немалому удивлению ничего не понимающего лекаря. Тем не менее опешивший Ролен побежал за ним, возможно, для того, чтобы оказать внезапно обезумевшему человеку медицинскую помощь.

Андре, не мешкая, подбежал к фургону, на миг оперся руками о его дно и запрыгнул внутрь. Ян уже задрал мою юбку и стоял надо мной, точнее сказать, над моим телом, расстегивая брючный ремень. Меня окатило обжигающей волной смеси беспомощности и стыда; внутренняя пружина снова сжалась, словно она не была и без того сдвлена до предела. К счастью, от собственных ощущений меня отвлек Андре, схвативший Яна за шиворот и отшвырнувший его с такой силой, что тот рухнул на пол на другом конце повозки. Ролен, успевший забраться сюда следом за моим спутником, не проявил свойственной людям его профессии миролюбивости и уравновешенности и с мрачным видом отвесил только-только подымавшемуся артисту затрещину, от которой тот вывалился из фургона. Оба моих защитника выскочили следом.

– Что ты творишь?! – прорычал Андре, наступая на Яна с такой злостью, какой мне до сих пор видеть в своем спутнике не доводилось.

– То же, что и ты вытворяешь с моей женой! – с вызовом, но на всякий случай пятась, парировал артист.

Однако он явно просчитался, если думал, что Андре смешается и примется доказывать свою невиновность. Моему спутнику даже в голову не пришло начать оправдываться. Он лишь чуть сильнее сощурил глаза, что не сулило Яну ничего хорошего. И продолжал наступать.

Ролена обвинения Яна тоже не впечатлили.

– Решил потешить собственное самолюбие за счет незащитной женщины? – презрительно спросил он, тоже весьма нехорошо прищурившись.

Впрочем, Андре не предоставил лекарю возможности принять участие в дальнейшем разбирательстве. Вместо этого он со всей силы ударил Яна кулаком по лицу. Тот отшатнулся, но удержался на ногах, что, кажется, доставило Андре своего рода извращенное удовольствие. Поскольку позволило, проигнорировав не слишком умелые попытки сопротивления, нанести очередной удар.

Ненависть к насилию отчего-то и теперь изменила лекаря. Он наблюдал за происходящим, сложив руки на груди, и даже ни разу не поморщился, не говоря уже о том, чтобы как-то вмешаться и попытаться оказать Яну медицинскую помощь. Лишь немного посторонился, когда его местоположение стало потенциальным препятствием для Андре, лишив последнего поля для маневра.

На шум борьбы и крики прибежала Мирта, с другой стороны к нам спешили встревоженные Розалия и Джей. Андре, обычно старавшийся во всем считаться с людьми, предоставившими нам кров, пропитание и средство передвижения, на сей раз начисто проигнориро-

вал их присутствие. Ролен коротко объяснил остальным, что произошло, стараясь, впрочем, не отрывать взгляда от разворачивающихся событий.

Андре не успокоился даже тогда, когда Ян упал на землю, еще какое-то время весьма доходчиво демонстрируя артисту, что посягать на чужую жену – это очень плохая идея. Надо, однако, отдать Андре должное: в ход пошли исключительно кулаки, хотя на поясе у него, как и обычно, висел взятый у тюремного стражника меч.

Наконец, напоследок приподняв Яна за грудки, Андре отпустил его и встал, брезгливо отряхивая руки. Мрачно взглянул на собравшихся вокруг зрителей. И, склонившись над артистом, веско произнес:

– Я не убил тебя только из уважения к Мирте. Советую сказать ей спасибо.

И, развернувшись, зашагал обратно к фургону.

Ян медленно приподнялся на локте, сплевывая на землю кровь. На его лице не осталось живого места. На щеках, скулах и подбородке наливались синяки, а пострадавшему носу навряд ли когда-нибудь доведется снова стать идеально прямым. Артист засунул в рот пальцы, чтобы пощупать расшатавшийся зуб. Снова сплюнул кровью.

– Что глазеешь? – зло процедил он, встретившись взглядом с Роленом. Но тот равнодушно продолжал смотреть. – Может, припомнишь, что ты лекарь?

– Само заживет, – бесстрастно высказал врачебное заключение Ролен. И, пожевав губами, добавил: – На вас – довольно быстро.

После чего, устремив на Мирту мимолетный взгляд, отошел в сторону и таким образом предоставил остальным возможность разбираться с ситуацией в кругу семьи.

– Это все из-за тебя! – выплеснул на девушку накопившуюся злобу Ян. И, когда она от удивления расширила глаза и чуть подалась вперед, заорал: – Набрали на свою голову попутчиков! Ну так с которым из них ты завела шашни? Или сразу с обоими, к чему мелочиться?

Он, конечно, рассчитывал, что она обидится, расплечется, примется оправдываться. Розалия с Джемом, тоже ожидавшие чего-то подобного, уже готовы были вмешаться. Но Мирта восприняла гневную тираду своего мужа на удивление спокойно. Просто выслушала его, дождалась, пока он закончит говорить, и только тогда тихо и отчетливо произнесла:

– Знаешь, Ян, я очень долго терпела. Видит Бог, я старалась. Я терпела твои измены, твои претензии, ссоры на пустом месте. И, наверное, продолжала бы терпеть еще долго. Может быть, всю жизнь. Но *это*... – Она развела руками. – Я никогда не думала, что ты способен на такое. Все эти девицы, которых было бесчисленное число, они, во всяком случае, сами прыгали в твои объятия. А тут – я просто не понимаю... – Приподняв плечи, Мирта покачала головой в знак удивления. – Это такая грязь, и я даже не могу понять – зачем?

Ян не без труда поднялся на ноги, воспользовавшись в качестве опоры тонким стволом молодой березы. Собрался что-то сказать, но Мирта резко мотнула головой, не давая ему даже начать.

– Нет! – повысила голос она, и Ян промолчал, слегка отпрянув от неожиданности. – Я больше не хочу тебя слушать. Такому поступку нет оправдания, и мне совершенно все равно, какие ты собираешься привести объяснения. Я приняла решение. Убирайся!

Вот теперь на лице у Яна было написано невероятное удивление. Не особенно на сей факт реагируя, Мирта повторила:

– Забирай свои вещи и уходи.

Когда Ян, до сих пор, кажется, до конца не осознавший, что именно только что произошло, заковылял прочь, девушка резко повернулась к своим приемным родителям.

– Я знаю, что вы меня осуждаете, – жестко сказала она. – Но ничего менять не собираюсь. Я так решила.

Ее лицо, обычно мягкое и доброжелательное, превратилось сейчас в суровую каменную маску.

– С чего ты взяла, что мы станем тебя осуждать? – мягко откликнулась Розалия. – Наоборот. Мы с отцом давно считали, что тебе пора от него отделаться. Но не хотели вмешиваться в твою жизнь.

Джей энергично кивнул, подтверждая слова жены.

– К счастью, этот паразит даже не счел нужным узаконить ваши отношения в храме, – добавила Розалия. – Не скрою, когда-то это сильно меня коробило, но, как оказалось, оно и к лучшему.

Мирта приоткрыла рот от удивления, получив поддержку, откуда никак не ожидала. Каменная маска слетела с ее лица. Джей, улыбнувшись, обнял ее за плечи, после чего привлек к себе и Розалию.

Андре сидел в нашем фургоне, положив руку на мою ладонь. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: моя одежда снова в порядке, юбка одернута, ворот вернулся на свое место, не оголяя более плечо.

– Мирта послала Яна куда подальше, – негромко сообщила я. – Велела ему забирать пожитки и выметаться.

– Вот как? – изогнул бровь Андре. – Признаться, я ожидал, что куда подальше пошлют нас. Даже начал прикидывать, как лучше добраться отсюда до Вессинии. Благо что до границы уже недалеко.

– Не думаю, что у кого-то из них такие планы, – обнадежила его я. – По-моему, этот урод успел всех здорово достать.

Андре ласково провел рукой по моим коротким волосам, которые после покраски превратились из жестких и взъерошенных в мягкие и пушистые.

– Андре... спасибо, – неловко произнесла я.

Он поморщился.

– Эрта, я терпеть не могу говорить банальности, – откликнулся он. – Но все-таки одну скажу, поскольку она соответствует действительности. Абсолютно любой нормальный мужчина пришел бы на моем месте на помощь. Включая, кстати сказать, Ролена, как ты имела возможность убедиться. Так что благодарить меня абсолютно не за что.

– Ну ладно. В таком случае я благодарна тебе дважды, – заявила я.

Андре исхитрился посмотреть на меня исподлобья, несмотря на то что меня не было видно.

– То ли у меня в последнее время плохо работает голова, то ли я опять не понимаю логику призраков, – посетовал он.

– Во-первых, – милостиво принялась за объяснения я, – я благодарна тебе за то, что ты меня спас. И мне плевать, поступил бы так любой нормальный мужчина или не поступил. Сегодня ты сделал для меня даже больше, чем когда вынес из тюрьмы. А во-вторых... – Я позволила лукавым ноткам заиграть в своем голосе. – Во-вторых, я признательна тебе за то, с каким удовольствием ты расквасил физиономию этому ублюдку.

Глава 8

*И я за солнцем еду,
Томясь в плену камней,
Надеясь на победу,
Считаю звенья дней.*

Канцлер Ги. Дорога

– Артур, я прекрасно понимаю, что эта просьба – чрезвычайно странная и неожиданная. – Мирта смущенно потупила глаза, но сразу же вновь подняла их, и в ее взгляде читалась мольба. – Однако, как бы дерзко и, что уж говорить, даже ненормально это ни звучало, я вынуждена вас об этом попросить! Понимаете, это безумно важно. Рядом со мной должен быть молодой, сильный мужчина, и вы подходите просто идеально!

– Но, может быть, это все же сделает кто-нибудь другой? – попытался отвертеться Андре.

Он даже слегка попятился, но вспомнил, что за спиной – еще горячее кострище, и остановился. Вид он имел чрезвычайно растерянный.

– К сожалению, больше некому! – огорченно покачала головой Мирта. – Я не смогу найти кого-нибудь подходящего всего за один день, а время поджимает.

– А как насчет Ролена?

Во взгляде Андре промелькнул огонек надежды, но он потух, стоило артистке со слабой улыбкой ответить:

– Увы! Я говорила об этом с Роленом, но он не готов. Будем откровенны, он действительно не справится, у него не тот характер.

– Но, Мирта, сказать по правде... я тоже боюсь, что не справлюсь, – признался Андре. – Вам все же будет лучше найти для этого кого-нибудь другого.

– Вы прекрасно справитесь! – горячо возразила Мирта. Ее руки сложились в молитвенном жесте. – Я в вас верю, Артур! Я вас буду поддерживать, всячески помогать, вы только дайте свое согласие! Мои родители и я – мы сделаем все для того, чтобы вам было максимально легко и комфортно. Вам почти ничего не придется делать, всю инициативу я возьму на себя. Ну пожалуйста! Я же не прошу вас заниматься этим регулярно. Только один-единственный раз, сегодня вечером. А дальше я обязательно найду для этой цели кого-нибудь другого.

– Но я никогда раньше этого не делал, – пробормотал Андре.

– Поверьте, это совершенно не страшно! – улыбнулась Мирта. – Мы все когда-то начинали. И у всех получалось. Да, возможно, с первого раза – не самым лучшим образом. Не скрою, многое приходит с опытом. Но ведь никто не ждет от вас ничего сверхъестественного. Самого минимума будет достаточно.

Андре вздохнул, напряженно сжав губы и судорожно сцепив пальцы рук. Было очевидно, что он очень не хочет соглашаться, однако же и отказать Мирте ему тяжело. Мой спутник считал себя до определенной степени виноватым в уходе Яна и потому чувствовал, что должен взять на себя обязанности последнего, даже если ему и не хочется этого делать.

– Понимаете, Мирта, – предпринял он очередную попытку отвертеться, – я ведь не артист. Мне никогда в жизни не приходилось выступать на сцене. Я даже не знаю, с чего начинать.

– Я все вам объясню, правда! – воскликнула Мирта, женским чутьем определив, что защита Андре дает брешь. Опустила глаза и продолжала, понизив голос: – Видите ли, Ян... он забрал все деньги. Все наши сбережения. Я сама сказала ему забрать свои вещи, – поспешила добавить она после того, как Андре смачно выругался, глядя куда-то в сторону. – И часть денег, безусловно, принадлежала ему, мы ведь все вместе их зарабатывали. Возможно, ему полагалось даже больше, чем четвертая часть, как-никак он играл главную роль... К тому же теперь ему предстоит искать себе новую работу, а на это потребуется время. Словом, если бы он взял, к примеру, половину, я бы слова не сказала. Но он вычистил абсолютно все. У нас не осталось буквально ни гроша.

– Мирта, я уже говорил, что у меня есть кое-какие деньги, – перебил девушку Андре. – Их не слишком много, но все, что есть, я с радостью отдам вам. И не надо качать головой. Я вам должен, по меньшей мере за проезд. К тому же в произошедшем есть моя вина. Единственное, мне потребуется немного времени, поскольку я должен буду кое-что продать.

Это была чистая правда: большая часть имевшихся в нашем распоряжении денег ушла на плату лекарю. Ролен был готов не брать с Андре плату за осмотр, но суммы, которые он сам тратил на необходимые для лекарств ингредиенты, в любом случае следовало компенсировать. Так что, помимо совсем уж несущественной мелочи, у нас оставались четыре серебряные пуговицы, часы и погодинок, с которым, по моим ощущениям, Андре отчего-то совсем не хотел расставаться. Что, впрочем, не означает, что он не сделал бы этого в случае надобности.

– Артур, я даже не желаю этого слушать! – Мирта аж притопнула ногой. Из просительного и извиняющегося ее тон резко сменился на жесткий. – Во-первых, мы обсуждали это в самом начале и твердо договорились, что деньги вы нам не платите. Мы говорили о помощи, и вы действительно помогали нам все это время. Во-вторых, не смейте даже намекать на то, что в произошедшем есть ваша вина. Мне и так тяжело смотреть вам в глаза после того, что вам и вашей жене пришлось испытать вчера по нашей милости. А вы еще предлагаете с нами по этому поводу расплатиться? И в-третьих, за представление, данное на главной площади такого города, как Запп, мы получим по-настоящему хорошие деньги. Даже если вы сможете выручить столько, продав свои вещи, мы такой суммы у вас все равно не примем.

– Хорошо, – сдался наконец Андре. – Я... подумаю и дам вам знать, договорились?

– Спасибо! – благодарно кивнула Мирта, словно он уже дал свое согласие.

И зашагала к фургону, торопясь оставить его, как она думала, наедине со своими мыслями. А на самом деле – наедине со мной.

– Как же так, Андре, неужели ты не рвешься начать блистательную карьеру артиста? – поддела я.

– Эрта, лучше не зли меня! – закатил глаза Андре.

– Ладно, не буду. – Я тут же пошла на попятный. – А все-таки, что именно тебя так сильно в этом смущает?

Андре жалобно посмотрел перед собой и со стоном опустился на землю.

– Эрта, я все-таки дворянин, – напомнил он. – Пусть даже меня и лишили титула. Я со многим в состоянии смириться, но выступать в представлении на потеху публики? Я уже слышу, как покойные представители рода Дельмонде переворачиваются в гробу.

– Понимаю, – задумчиво произнесла я.

Андре поднял голову и удивленно нахмурился.

– Понимаешь? – недоверчиво спросил он, будто ожидал совершенно другой реакции. Например, укоров и возмущенной тирады о том, что стыдно не помочь людям, которые со своей стороны уже помогли тебе.

– Да, – спокойно подтвердила я. – Отлично понимаю. И не удивлюсь, если ты откажешься. Нет, сама бы я на твоём месте выступила без особых проблем, – справедливости ради уточнила я. – Но я ведь не дворянка. Тем более я ничего не помню о своих предках.

– Невероятно, – качнул головой Андре.

– Что?

– Знаешь, мужчин регулярно обвиняют в неверности, непостоянстве и нежелании скреплять отношения узами брака. И редко задумываются о причине.

– Ну-ка, ну-ка!

От интереса я подлетела поближе.

– А причина заключается банальнейшим образом в том, – продолжал Андре, проигнорировав иронию в моем голосе, – что найти партнершу для постели легко. Но чрезвычайно трудно встретить женщину, которая умела бы тебя понимать. В общем, кажется, я действительно мог бы на тебе жениться, – чуть-чуть сбавив серьезность в голосе, заключил он.

– Да? – скептически переспросила я. – А ничего, что я – привидение?

– У каждого свои недостатки, – философски заметил Андре.

Он снова вздохнул и с силой растер руками виски.

– Возвращаясь к теме представления, – нехотя проговорил он, – я, наверное, мог бы проглотить свою гордость и один-единственный раз перетерпеть. В конце концов, эти люди действительно много для нас сделали. Но тут возникают дополнительные проблемы. Что, если меня кто-нибудь узнает?

– Мне кажется, этот вопрос как раз решаем, – заметила я. – Изменить внешность – не такая уж большая сложность для артистов. Вспомни Джея в костюме дракона. Кто смог бы узнать его в образе, если бы не был в курсе, кто играет? Кстати, ты можешь под этим предлогом перекрасить себе волосы. Скажи, что нынешние темные волосы кажутся тебе не совсем подходящими для облика рыцаря. И что тебе легче будет войти в образ, если из тебя сделают блондина. Убьем сразу двух зайцев. Ты изменишь внешность не только на время представления, но и на будущее. Нам ведь совсем недолго осталось путешествовать с театром.

Андре молчал, видимо обдумывая мое предложение. Вздыхавшаяся и опускавшаяся под рубашкой грудь выдавала тяжелое, прерывистое дыхание. Вокруг глаз появились едва заметные морщинки, которых раньше, кажется, не было. Или я просто так внимательно не разглядывала его лицо?

– Допустим, – прервал молчание Андре. – Но остается еще одна сложность. Я совершенно не помню текста. Не хочешь же ты сказать, что я выучу его за один день?

– Вот это как раз не проблема, – облегченно рассмеялась я. – Текст я помню наизусть. Не зря же от нечего делать смотрела от начала до конца каждое выступление. Так что тут я смогу тебе помочь. Буду подсказывать.

– Ну что же, сдаюсь, – усмехнулся Андре. – В таком случае придется подготовиться выступить в роли артиста.

– Вот и отлично. А я попробую себя в качестве суфлера. Согласись, я идеально для этого подхожу. Меня даже прятать нигде не надо. И шептать мне необязательно, – похвасталась я. – А что касается твоих предков, не беспокойся. Когда я окончательно умру, так и быть, разыщу их и попрошу не сильно на тебя сердиться.

– Я тебе умру! – прикрикнул на меня Андре.

– Ладно-ладно, – примирительно проворковала я. – Лучше давай обсудим еще один момент. Раз уж в представлении меняются артисты, почему бы не подправить заодно и текст? Помнится, Мирту не вполне устраивала нынешняя версия, и я отлично ее понимаю.

Мы немного обсудили изменения в сценарии, после чего дискуссия продолжилась в расширенном составе, с участием Мирты и ее приемных родителей. Вскоре изменения были внесены, по большей части с легкой руки Джея, но кое-что предложила и я – конечно,

через посредничество Андре. Мирта без всяких вопросов и возражений согласилась перекрасить ему волосы, а чуть позднее в его костюм была добавлена широкополая шляпа, сделавшая узнаваемость Андре практически нулевой.

– Отпусти меня! – кричала бьющаяся в оковах Мирта. Зрители замерли, внимая мольбам юной девы. – Кто-нибудь, помогите! На помощь!

Внезапно на деревянную сцену, располагавшуюся на небольшом возвышении – несомненное преимущество большого города по сравнению с сельской местностью, – запрыгнул мужчина спортивного телосложения в длинном развевающемся плаще и черной шляпе. В толпе зрителей – в первую очередь ее женской части, – пронесся вздох.

– Отпусти ее, змей! – воскликнул Андре, протягивая руку к дракону.

– А ты кто такой? – презрительно поинтересовался Джей, лениво подбрасывая на ладони зеленый камушек, призванный изображать изумруд.

– Я – рыцарь без страха и упрека, – гордо сообщил Андре. – Я спасаю прекрасных дам от драконов.

– Да неужели? У тебя хоть меч-то есть, рыцарь? – презрительно осведомился Джей.

– А зачем мне меч? – удивленно спросил Андре, резко сводя на нет предшествовавший этой фразе пафос.

– То есть как это зачем? – удивился в свою очередь дракон. – Ты же пришел, чтобы со мной биться?

– Биться? С тобой? – Рыцарь даже сделал пару шагов назад от испуга. – Даже и в мыслях не было! Что ж я, совсем умом тронулся?

– Как же тогда ты собираешься спасти от меня прекрасную даму? – совсем растерялся дракон.

– Ах, ты об этом! – обрадовался рыцарь. – Не беспокойся, я уже ее спас.

Дракон нахмурился и резко обернулся, ожидая увидеть лишь раскачивающиеся цепи, из которых каким-то неведомым образом умудрилась ускользнуть прекрасная дева. Но нет, жертва по-прежнему оставалась там, где и было положено.

– Что ты хочешь этим сказать? – подозрительно спросил он, снова повернувшись к рыцарю.

– Ну вы же, драконы, пожираете только девственниц, – принялся объяснять тот. – Вот я на днях и помог девушке избавиться от этого недостатка.

Джей сперва смотрел недоуменно, затем на его лице отразилось понимание. Он покоился на Мирту.

– Это правда? – спросил дракон тоном строгого папочки.

Мирта опустила глаза и смущенно прикусила губу.

Дракон весь как-то поник, откровенно расстроенный.

– М-да, придется отпустить, – тоскливо промолвил он. – И что теперь делать? Другую жертву искать?

Андре отрицательно помотал головой.

– У нас в городе не найдете, – разочаровал дракона он. – Мы целый рыцарский орден основали. Спасателей девиц от драконов. Кстати, если кому-нибудь понадобится, обращайтесь! – заявил он, обращаясь на сей раз к публике, чем вызвал среди зрительниц немалый ажиотаж. – Спасаем девушек денно и нощно, не жалея сил, с присущей всякому рыцарю самоотверженностью. Иногда к нам и не девственницы тоже приходят. Им опасность вроде бы не угрожает, но они считают нужным на всякий случай обновить эффект. Дабы с вами, драконами, никакой ошибки не вышло. Так что придется тебе убираться отсюда восвояси и искать жертву где-нибудь в другом месте.

Дракон развернулся, тоскливо поглядел на зрителей и, пробубнив, что ему здесь делать больше нечего, отправился за кулисы. Андре легким движением освободил Мирту от цепей, и воссоединившиеся влюбленные, сияя, подошли к самому краю сцены.

– Ну и пусть себе летит! – воскликнула Мирта.

– Верно, – согласился Андре, и с прежним пафосом добавил: – Да только покуда живы на земле рыцари без страха и упрека, куда бы дракон ни прилетел, не найдет он себе жертвы!

Публика хохотала, восторженно улюлюкала и аплодировала. Представление имело небывалый успех, проявившийся, помимо прочего, и в денежной форме.

Назавтра мы уезжали за границу. Джей с Розалией отправились за кое-какими покупками. Ролен и Мирта мирно беседовали, что нередко происходило в последние дни. Однако, увидев Андре, Ролен вдруг поднялся и, что-то сказав артистке, быстро зашагал к нам.

– Идем, надо поговорить, – не церемонясь, бросил он и, обогнув Андре, поднялся в наш фургон.

– Что это с ним? – удивленно спросила я.

– Сейчас узнаем, – ответил Андре с видом, не сулившим лекарю ничего хорошего.

И тоже вскочил в фургон. Стоит ли уточнять, что я последовала за ним.

Первым делом он бросил быстрый взгляд на мое тело и, лишь убедившись, что все в порядке, переключил свое внимание на лекаря.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – осведомился Андре, распрямив спину и уперев руки в бедра.

– Да уж есть о чем, – тоном, в котором сквозило явное неодобрение, откликнулся Ролен.

Я недоуменно уставилась на лекаря. Такой стиль общения был совершенно не в его духе, и при этом я совершенно не могла понять причину столь резкой перемены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.